НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей
Н. О. ЛОССКАГО и Э. Л. РАДЛОВА.

Л 1

Безсознательное.

Изд-ство „Образованіе“. СПБ.
1914.

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“, СПБ., Поварской, 12. — Телефонъ № 75-51.

Новыя идеи въ математикѣ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей заслуженн. проф. А. В. Васильева.

Сборникъ № 1. Математика. Методъ, проблемы и значеніе ея. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Пространство и время I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Пространство и время II. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Ученіе о числѣ. Ц. 80 к.
Сборникъ № 5. Принципъ относит. съ математ. точки зрѣнія I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 6. Ученіе о множествахъ Георга Кантора. I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 7. Принципъ относит. съ математ. точки зрѣнія II. Ц. 80к.

Новыя идеи въ астрономіи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора А. А. Иванова.

Сборникъ № 1. Космогоническія гипотезы I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Земля. Ея внѣшняя форма и внутреннее строеніе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Космогоническія гипотезы II. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Распред. звѣздъ въ простр. и ихъ движеніе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 5. Кометы. Ихъ природа и происхожденіе. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ физикѣ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред. заслуженнаго проф. И. И. Боргмана.

Сборникъ № 1. Строеніе вещества.—Второе дополненное изданіе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Эѳиръ и матерія.—Второе дополненное изданіе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Принципъ относительности.—Второе изданіе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. [illegible]ствіе свѣта. Ц. 80 к.
Сборникъ № 5. [illegible]рирода свѣта. Ц. 80 к.
Сборникъ № 6. Природа теплоты. Ц. 80 к.
Сборникъ № 7. Природа положительныхъ и рентгеновыхъ лучей (Печ.).

Новыя идеи въ химіи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора Л. А. Чугаева.

Сборникъ № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Радіоактивныя вещества I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Валентность. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Радіоактивныя вещества II. Ц. 80 к.
Сборникъ № 5. Кристаллохимическій анализъ. Ц. 80 к.
Сборникъ № 6. Строеніе матеріи I. (Печатается).

Новыя идеи въ біологіи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред. проф. В. А. Вагнера.

Сборникъ № 1. Что такое жизнь? Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Новое въ ученіи о нервной системѣ. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Смерть и безсмертіе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Наслѣдственность I. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ медицинѣ.

Непериодическое изданіе, выход. подъ ред. проф. А. М. Левина, при ближ. участіи проф. Л. В. Блуменау, проф. А. А. Кадьяна, д-ра Е. С. Лондона и акад. И. П. Павлова.

Сборникъ № 1. Радіотерапія. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Анафилаксія. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Внутренняя секреція. Ц. 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей

Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова.

186431

СБОРНИКЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Безсознательное.

Издательство „Образованіе“ СПБ.
1914.

Пров 38



ПРС 957

Типографія „Печатный Трудъ“. Спб., Прачешный пер., 4.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Сборникъ о безсознательномъ содержитъ въ себѣ классификацію возможныхъ видовъ понятія безсознательнаго, данную Гартманномъ, и различныя положительныя и отрицательныя ученія философовъ о безсознательномъ. Кромѣ того, изъ „симпозіона“ (собраніе мнѣній различныхъ авторовъ по одному и тому же вопросу), посвященнаго обсужденію „подсознательнаго“, можно получить представленіе о взглядахъ психіатровъ на этотъ вопросъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Э. Гартманнъ. Къ понятію безсознательнаго . . . . . 1—23

Ф. Брентано. О внутреннемъ сознаніи . . . . . 24—48

Подсознательное.—Статьи Гуго Мюнстерберга, Теодора Рибо, Пьера Жане, Мортона Принса и Бернарда Харта) . . . . . 49—126

Р. фонъ-Шубертъ-Зольдернъ. О безсознательномъ въ сознаніи . . . . . 127—144

Э. Гартманнъ.

Къ понятію безсознательнаго [1]).

Выраженія: „безсознательно“ и „безсознательное“ различными авторами употребляются въ очень различныхъ значеніяхъ и обиліемъ послѣднихъ объясняются многія недоразумѣнія и споры, избѣгнуть которыхъ можно только путемъ разъясненія и разграниченія этихъ значеній.

А. Гносеологически-безсознательное.

1. Неизвѣстно то, что фактически до настоящаго времени актуально не узнано, то, что незнакомо, какъ напримѣръ, планета, еще не открытая въ данное время, и существованіе которой даже не подозрѣвается. Обычное словоупотребленіе допускаетъ выраженіе: „я этого не сознаю“ вмѣсто: „я ничего объ этомъ не знаю“ или: „я его оскорбилъ безсознательно“ вмѣсто: „я его оскорбилъ невольно“. Актуально и прямо извѣстно только наличное содержаніе сознанія, сумма внѣшнихъ и внутреннихъ воспріятій, принятая за то, что она есть сама по себѣ; актуально и косвенно извѣстно все то, что можно заключить на основаніи наличнаго въ данный моментъ въ сознаніи, т.-е. воспріятія, представленія, понятія и мысли, взятыя по ихъ значенію, по тому, что они

собою представляютъ, изображаютъ или знаменуютъ. Поэтому область извѣстнаго прямымъ образомъ болѣе узка, чѣмъ извѣстнаго косвенно, а слѣдовательно, область прямо неизвѣстнаго шире области неизвѣстнаго косвенно.

2. Объективная возможность воспріятія, которое въданное время неактуально, напр., находящійся предо мною столъ, какъ объектъ представленія, когда я закрываю глаза. Тотъ, кто вмѣстѣ съ Д. С. Миллемъ гипостазируетъ эту возможность воспріятія, не сводя ее къ физически, психически или метафизически безсознательному, можетъ быть склоненъ характеризовать ее какъ „безсознательное воспріятіе“ (Гамильтонъ); однако, эту характеристику приходится устранить, потому что объектъ, поскольку онъ безсознателенъ, не является воспріятіемъ, а поскольку онъ имъ является, онъ не безсознателенъ.

3. Недоступное знанію, непознаваемое. Таково напримѣръ, для чистаго эмпирика то, что недоступно опыту, для правовѣрнаго трансцендентальнаго идеализма—гносеологически трансцендентное, для феноменализма—метафизически трансцендентное, для чистаго раціонализма—все, находящееся внѣ логическихъ связей. Въ частности у Спенсера непознаваемое часто смѣшивается и путается съ психически и метафизически безсознательнымъ. Въ прямомъ смыслѣ непознаваемо все то, что въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, не можетъ прямо сдѣлаться содержаніемъ сознанія; косвенно же невѣдомо только то, что не можетъ когда бы то ни было сдѣлаться и предметомъ косвеннаго, дѣйствующаго черезъ замѣстителя, опосредствованнаго познанія непознаваемымъ въ прямомъ смыслѣ, должно быть все безсознательное, потому что, вступивъ въ сознаніе, оно перестало бы быть безсозна-

тельнымъ, но если бы все безсознательное было непознаваемымъ и косвенно, то оно никоимъ образомъ не могло бы быть познаваемо, а потому не могло бы быть и предметомъ научнаго изслѣдованія. Поэтому возможность косвеннаго познанія есть предпосылка всякой попытки проникнуть въ область безсознательнаго. Поскольку эта попытка является успѣшной, безсознательное становится косвенно извѣстнымъ, не переставая быть непознаваемымъ и неизвѣстнымъ въ прямомъ смыслѣ. Называть безсознательнымъ неизвѣстное и непознаваемое, кажется правильнымъ, пока не мыслится возможность психически и метафизически безсознательнаго; но какъ только появляются эти понятія, хотя бы только въ пылу полемики, такъ становится необходимымъ ограничить ими характеристику безсознательнаго, а для гносеологически безсознательнаго приходится имѣть въ распоряженіи другія выраженія.

В. Физически-безсознательное.

4. Лишенное сознанія—это фактически въ данное время не имѣющее той доли сознанія, которой, при другихъ обстоятельствахъ, мы считаемъ себя вправѣ ожидать на ступени, на которой находится данная индивидуальность; напр., безсознателенъ человѣкъ, находящійся въ обморочномъ состояніи, или охваченный сномъ безъ сновидѣній, а также безсознательна головратка, высушенная, но еще жизнеспособная.

5. Неспособное къ сознанію есть, въ сущности, лишенное сознанія, которое не имѣетъ его и не можетъ имѣть по самой своей природѣ; такова, напримѣръ, безжизненная и неспособная къ ощущенію матерія, съ точки зрѣнія матеріалистовъ, не предполагающихъ гилозоизма, или неорганическая матерія съ точки зрѣнія тѣхъ, кто допускаетъ начало ощущенія только въ матеріи организованной.

*

6. Статически физіологически безсознательное—это опредѣленное молекулярное отношеніе частей въ организованной матеріи (плазма), особенно въ центральныхъ органахъ сложныхъ организмовъ, а также тѣ унаслѣдованныя или пріобрѣтенныя предрасположенія въ мозгу и въ нервныхъ узлахъ, которыя, въ случаѣ раздраженія послѣднихъ, выражаются въ опредѣленныхъ ощущеніяхъ, представленіяхъ или въ стремленіи къ опредѣленнымъ движеніямъ. Они являются покоящимися матерьяльными вспомогательными механизмами, которые будутъ дѣйствовать въ автоматическихъ движеніяхъ: рефлексахъ, инстинктахъ, характерѣ, памяти, наклонностяхъ, талантахъ, навыкахъ, соединеніяхъ представленій, сокращенныхъ ихъ соединеніяхъ, а также въ мотиваціяхъ, и дѣлаютъ объяснимыми тѣ вторичные процессы, при которыхъ ряды первоначально сознательныхъ психическихъ событій становятся механическими и устраняются изъ центральнаго сознанія. Объясненіе слѣдовъ, оставляемыхъ памятью посредствомъ молекулярнаго расположенія плазмы въ центральныхъ органахъ, лишаетъ почвы всѣ гипотезы, которыя ждутъ ихъ въ безсознательныхъ психическихъ состояніяхъ или изначальныхъ способностяхъ (Бенеке). Перенесеніе психо-физическаго параллелизма съ событій на покоящіяся состоянія и на пространственный порядокъ матерьяльныхъ частицъ въ мозгу неумѣстно; статическому физіологически безсознательному не соотвѣтствуетъ никакой психическій кореллатъ.

7. Функціональное физіологически безсознательное, т.-е. колебательныя состоянія молекулъ, не доходящія до порога сознанія въ матеріи, способной къ ощущенію, и не сопровождающіяся никакими параллельными имъ сознательными психическими событіями, т.-е. возбужденія плазмы (у высшихъ организмовъ въ

связи съ этимъ и центральныхъ органовъ), остающіяся слишкомъ слабыми, чтобы дать ощущеніе. Они тоже характеризуются иногда какъ „безсознательныя ощущенія", однако же не по праву, потому что пока событіе безсознательно, оно не можетъ еще быть названо ощущеніемъ, если же оно является ощущеніемъ, оно уже не безсознательно. При этомъ безразлично: будетъ-ли раздраженіе происхожденія периферическаго или центральнаго, и въ послѣднемъ случаѣ—войдетъ-ли въ сознаніе при усиленіи функціональнаго возбужденія галлюцинаторное ощущеніе, или ослабленное представленіе; функціональное физіологически безсознательное, не сопровождающееся параллельными ему событіями, такъ же мало даетъ права говорить о „безсознательныхъ представленіяхъ", какъ и о „безсознательныхъ ощущеніяхъ". Это—физическое событіе и не болѣе, движеніе матеріальныхъ частицъ, механическое функціонированіе статически физіологически-безсознательнаго, съ модификаціями, вызванными свойствомъ возбуждающаго раздраженія или безъ нихъ, лишенное сознанія матеріальное наличное бытіе и механически совершающійся фактъ, однимъ словомъ, это особаго рода лишенное сознанія, только потому приближенное къ психическимъ феноменамъ, что послѣдніе, при повышенной силѣ подобнаго движенія, являются ихъ побочнымъ слѣдствіемъ или сопровождающимъ ихъ явленіемъ.

Если въ первой трети нынѣшняго столѣтія психологія была еще далека отъ того, чтобы считать физіологически-безсознательное необходимымъ условіемъ осуществленія высшихъ и болѣе сложныхъ психическихъ явленій, то въ послѣдней его трети этотъ взглядъ достигъ въ психологіи почти всеобщаго признанія. Если, съ одной стороны, допустить пассивность сознательныхъ психическихъ явленій, а съ другой

стороны устранить все психически и метафизически безсознательное, то не останется ничего другого, какъ искать всю активность, изъ которой проистекаютъ сознательныя психическія явленія въ механической энергіи лишенныхъ сознательности движеній мозговыхъ молекулъ, т.-е. предполагать матеріалистическое объясненіе душевныхъ явленій единственно возможнымъ.

С. Психически-безсознательное.

а) Не сознаваемое опредѣленнымъ образомъ, однако, все-же какъ-нибудь сознаваемое верхнимъ бодрствующимъ центральнымъ сознаніемъ индивида.

8. Мало сознательное, сознательное въ ничтожной степени. Это понятіе предполагаетъ существованіе различныхъ степеней формальнаго сознанія, независимо отъ свойствъ его содержанія. Если такое предположеніе правильно, то ничто не препятствуетъ признать и минимальныя степени сознанія (дифференціалы сознанія), которыя, при сложеніи ихъ съ конечными степенями сознанія, можно оставить безъ вниманія, какъ нуль сознанія, (petites perceptions у Лейбница), несмотря на то, что, будучи собраны въ безконечное множество, такія минимальныя степени суммируются въ конечную степень сознанія. Если-же, напротивъ, такъ называемыя степени сознанія свести исключительно къ различнымъ свойствамъ содержанія сознанія, то эти ближайшія опредѣленія, касающіяся содержанія, выступятъ на мѣсто степени сознанія, и понятіе минимальнаго сознанія теряетъ подъ собою почву.

9. Сознаваемое неясно и не отчетливо, это—все неопредѣленное, смутное, сумеречное, туманное, утопающее въ отдаленіи, блѣдное, тусклое, все то, что мѣшаетъ охватить данное, его границы и его

отличія отъ другого, а также затрудняетъ воспріятіе его внутреннихъ частей и различій.

10. Незамѣченное въ содержаніи сознанія, то, на что не направлено вниманіе, то, что, находясь въ духовномъ полѣ зрѣнія, находится, однако, внѣ точки зрѣнія вниманія Очень опредѣленное, ясное и отчетливое воспріятіе въ этомъ смыслѣ можетъ оставаться незамѣченнымъ, тогда какъ наиболѣе интенсивное вниманіе можетъ быть направлено на совершенно тусклое и не отчетливое впечатлѣніе.

11. Сознаваемое безъ рефлексіи, т.-е. только непосредственно сознаваемое или то, что хотя и сознается, но не сознается сознаваемымъ, или, иначе, то, что хотя и налично какъ содержаніе сознанія, но въ чемъ, какъ въ содержаніи формы сознанія, не дается себѣ отчета, или еще, иначе, то, что хотя и перцепируется, но перцепція чего, въ свою очередь, не перцепируется. Все незамѣченное есть вмѣстѣ съ тѣмъ сознаваемое безъ рефлексіи; но и то, что замѣчается съ самымъ острымъ вниманіемъ, можетъ быть сознаваемымъ только непосредственно, если въ сознаніи этого содержанія сознанія не даютъ себѣ отчета, напримѣръ, если созерцаніе цѣликомъ погружено въ созерцаемое. Нѣкоторые психологи будутъ, конечно, отрицать возможность перцепированія безъ одновременной и само собою разумѣющейся перцепціи этого перцепированія.

12. Не относимое къ „я“. Въ незамѣченномъ и въ сознаваемомъ безотчетно тоже легко можетъ отсутствовать отношеніе къ „я“; но оно можетъ отсутствовать и въ замѣченномъ и въ сознаваемомъ съ рефлексіей; въ первомъ случаѣ тогда, когда вниманіе непроизвольно и рефлекторно, во второмъ случаѣ тогда, когда хотя и рефлектируютъ на форму сознанія, даннаго въ этотъ моментъ, содержанія сознанія, однако, не рефлектируютъ ни къ временной тоже-

ственности и непрерывности самосознанія, ни къ господствующимъ индивидуальнымъ цѣлямъ.

Незамѣченное и сознаваемое безъ рефлексіи часто смѣшиваютъ съ безсознательнымъ, встрѣчаются-ли они по-одиночкѣ, или въ неясныхъ сочетаніяхъ; и въ рѣчи они должны быть рѣзко разграничены. Совершенно непозволительно искать что-либо безсознательное въ верхнемъ бодрствующемъ центральномъ сознаніи индивида, такъ какъ этимологически безсознательное можетъ означать только нѣчто такое, чего тамъ встрѣтить нельзя. Всякая подобная попытка ведетъ къ безсознательному сознанію—будь то къ безсознательному содержанію сознанія или къ его безсознательной формѣ, или-же, наконецъ, къ соединенію обоихъ противорѣчій. Если психически-безсознательное должно состоять въ психическихъ *явленіяхъ*, то его слѣдуетъ искать въ какомъ-либо сознаніи, но только не въ верхнемъ центральномъ сознаніи индивида; *психическія* явленія могутъ быть только явленіями *въ* какомъ-либо сознаніи и *для* какого-либо сознанія. Если, напротивъ, психически-безсознательное должно находиться по ту сторону всякаго сознанія, то его больше не слѣдуетъ искать среди психическихъ *явленій*, т.-е. на пути аналогій со знакомыми намъ психическими явленіями, но *позади* нихъ, въ порождающей ихъ дѣятельности. Первый путь ведетъ къ психически-безсознательному, *однородному* съ нашими психическими явленіями, второй — къ психически-безсознательному, съ ними *не однородному*.

в) *Безсознательное относительно*, т.-е. хотя и безсознательное для верхняго, нормальнаго, бодрствующаго центральнаго сознанія индивида, но остающееся сознательнымъ для другого сознанія внутри того-же индивида, иначе говоря—безсознательное, какъ сознательно-психическое явленіе въ индивидѣ, нахо-

дящееся по ту сторону его центральнаго сознанія. Сознаваемое другими индивидами хотя и неизвѣстно мнѣ непосредственно и остается таковымъ даже становясь мнѣ косвенно извѣстнымъ, но оно не можетъ быть названо для меня безсознательнымъ. Выраженіе „безсознательное“ остается за тѣми психическими явленіями, которыя происходятъ во мнѣ, т.-е. внутри моей индивидуальности, оставаясь, однако, неспособными стать прямымъ содержаніемъ моего сознанія.

13. Относительно безсознательное, сознаваемое нижними сознаніями. Въ ряду организацій, распредѣленныхъ по нисходящимъ отъ человѣка ступенямъ, трудно установить твердую границу того, гдѣ кончаются сознательно психическія явленія. Обзоръ индивидуальностей въ ихъ постепенномъ порядкѣ заставляетъ смотрѣть на высшіе организмы какъ на составленное изъ многихъ ступеней низшихъ индивидовъ (различныя части головного мозга, сегменты спинного, нервные узлы, группы клѣтокъ, единичныя клѣтки, устойчивыя или подвижныя), которые отчасти соединены другъ съ другомъ очень несовершеннымъ образомъ. Исторія развитія учитъ насъ, что всѣ клѣтки, составляющія высшіе организмы, получились изъ отдѣльныхъ индивидовъ, соединявшихъ въ себѣ всѣ жизненныя функціи, посредствомъ дифференцированія нисходящихъ поколѣній; затѣмъ, что верхнее центральное сознаніе въ различныхъ классахъ животныхъ связано съ различными центральными органами, и степень централизаціи нервной системы въ сложныхъ организмахъ очень различна. Психо-физическій параллелизмъ, какъ бы его ни толковать съ метафизической точки зрѣнія, требуетъ не только чтобы каждому сознательно-психическому явленію соотвѣтствовало матеріальное движеніе, но и обратно: чтобы всякому матеріальному движенію соотвѣтствовало сознательно психическое явленіе.

Сонная греза, гипнозъ, сомнамбулизмъ, сомнамбулическій глубокій сонъ, двойное сознаніе, внушеніе и другія явленія искаженной душевной жизни, указываютъ на существованіе у индивида сознаній, которыя не покрываются его верхнимъ, бодрствующимъ, центральнымъ сознаніемъ, а только непрочно съ нимъ связаны и при устраненіи или задержкѣ послѣдняго могутъ заставить организмъ послужить себѣ. Вліяніе этихъ сознаній на верхнее, повидимому, играетъ роль и при нормальномъ состояніи въ чувствахъ, настроеніяхъ и интересахъ.

Эти и подобныя соображенія приводятъ къ признанію въ сложномъ индивидѣ множественности сознаній, изъ которыхъ каждое по формѣ и содержанію для другихъ относительно безсознательно. Если съ пониженіемъ ступени индивидуальности этихъ органовъ сознанія понижается и порогъ ихъ раздраженія, то болѣе слабыя раздраженія, остающіяся ниже порога верхняго центральнаго сознанія, могутъ, однако, для нижнихъ сознаній находиться надъ ихъ порогомъ и давать параллельныя сознательно-психическія явленія. Такъ какъ сказанное равно примѣнимо какъ къ центральному, такъ и къ периферическому раздраженію, то каждому функціональному психологически безсознательному могутъ соотвѣтствовать явленія сознанія внутри индивида, остающіяся, однако, безсознательными для его верхняго, центральнаго сознанія (Спенсеръ, Льюисъ, Геккель, Цёльнеръ, Вундтъ, Прейеръ, Гефдингъ и др.). Все, что для верхняго сознанія уже перестало быть даннымъ въ качествѣ психическаго явленія, можетъ, однако, со своимъ дальнѣйшимъ ослабленіемъ еще поддерживать напряженность возбужденія опять-таки въ сознаніяхъ все глубже лежащихъ ступеней индивидуальности; всякое молекулярное движеніе, подымающееся отъ непримѣтной напря-

жешности движенія къ болѣе живымъ его колебаніямъ, должно сначала выплыть изъ глубины сознаній самыхъ нижнихъ ступеней индивидуальнаго, и только затѣмъ, подымаясь по нимъ все выше, вынырнуть въ качествѣ психическаго явленія.

Такимъ образомъ понятно, что синтетическія интеллектуальныя функціи, сооружающія безъ вѣдома верхняго центральнаго сознанія его ощущенія и созерцанія, пользуются, какъ матерьяломъ своихъ построеній, сознательно-психическими явленіями, а не матерьяльными, лишенными сознанія событіями, т.-е. не элементами абсолютно безсознательными. Матерьялами, изъ которыхъ, при помощи формъ созерцанія и мышленія, безсознательно формулируются ощущенія, созерцанія и представленія, являются, такимъ образомъ, въ дѣйствительности ощущенія же, но не ощущенія въ верхнемъ сознаніи, для котораго сооруженныя изъ нихъ образованія являются первыми данными, и не ощущенія абсолютно безсознательныя — ибо это было бы противорѣчіемъ,—и не фиктивныя, несуществующія ощущенія, какъ отсутствующія событія, параллельныя матерьяльнымъ движеніямъ, но сознательныя ощущенія, существующія для сознаній низшихъ индивидуальныхъ ступеней (напр., мозговыхъ клѣтокъ). Въ качествѣ изолированныхъ элементовъ они находятся ниже порога верхняго, центральнаго сознанія, но въ своемъ синтетическомъ единеніи они этотъ порогъ превышаютъ. Только при такомъ союзѣ съ психически относительно безсознательнымъ, физіологически-безсознательное пріобрѣтаетъ значеніе, косвенно оправдывающее его обозначеніе въ качествѣ „безсознательнаго“, тогда какъ безъ этого психо-физическаго соединенія оно могло бы называться только „лишеннымъ сознанія“.

14. Относительно безсознательное, созна-

ваемое высшимъ, сверхчувственнымъ, трансцендентальнымъ индивидуальнымъ сознаніемъ. Эта гипотеза, защищавшаяся въ новое время І. Г. Фихте, Гелленбахомъ и дю-Прелемъ, въ сущности идетъ навстрѣчу желанію, чтобы какое-нибудь индивидуальное сознаніе продолжалось и послѣ того, какъ нормальное бодрствующее центральное сознаніе исчезаетъ съ разрушеніемъ организма смертью. Эта гипотеза, если только существованіе совершенно свободнаго отъ тѣла сознанія остается исключеннымъ, предполагаетъ, что носителемъ и хранителемъ матерьяльныхъ предрасположеній служитъ трансцендентальному индивидуальному сознанію нѣкоторое безсмертное эфирное тѣло, и что такое сознаніе, при коллизіи безсознательныхъ дѣятельностей, не остается пассивнымъ, сопровождающимъ ихъ явленіемъ, но само по себѣ активно трансцендентальное сознаніе не заключено въ тѣлесно-душевной индивидуальности, такой, какою она дана, но, разсматриваемое съ точки зрѣнія послѣдней, оно есть духъ или демонъ, которымъ индивидъ одержимъ. Понятіе индивида должно сначала подвергнуться метафизическому расширенію, чтобы затѣмъ вмѣстить трансцендентальное сознаніе. Безъ такого расширенія воздѣйствія послѣдняго хотя и противостоятъ эмпирическому индивиду въ качествѣ прямо неизвѣстнаго, но собственно не могутъ быть характеризованы какъ безсознательное въ немъ.

с. Психически абсолютно-безсознательное.

15. Абсолютно-безсознательная психическая индивидуальная функція, не сознаваемая ни однимъ изъ сознаній, содержащихся въ индивидѣ. Если признать твердо установленнымъ, что сознаніе есть только пассивное явленіе, сопровождающее безсознательныя событія, только побочное слѣдствіе при коллизіи без-

сознательныхъ дѣятельностей, лишенное всякой собственной активности, то дѣло тогда идетъ только о томъ, состоятъ ли безсознательныя дѣятельности, продуктомъ которыхъ является сознаніе, только въ механическомъ движеніи матерьяльныхъ частицъ, или къ нему должны присоединиться и нематерьяльныя дѣятельности; другими словами—является ли физіологически безсознательное достаточной причиной или только необходимымъ условіемъ сознанія. Въ первомъ случаѣ провозглашается матерьялизмъ, какъ міросозерцаніе, единственно имѣющее значимость, все равно, какое бы ближайшее значеніе ни придавалось понятію матеріи; въ другомъ случаѣ присоединяющіяся къ матерьяльнымъ дѣятельностямъ нематерьяльныя дѣятельности должны быть названы безсознательно психическими, потому что съ одной стороны онѣ не попадаютъ ни въ одно изъ сознаній внутри индивида, съ другой же стороны, однако, ихъ продукты суть психическія явленія во всѣхъ сознаніяхъ индивида. Если сознанію, какъ таковому, отказать въ активности, то не останется никакихъ средствъ, чтобы избѣгнуть матерьялизма иначе, какъ признавъ абсолютно безсознательную психическую дѣятельность. Современная психологія, которая не признаетъ послѣдней и, однако, болѣе не можетъ и не хочетъ прямо сохранить активность сознанія, тѣмъ самымъ неизбѣжно впадаетъ въ матерьялизмъ, какъ бы она ни старалась болѣе или менѣе прикрыть этотъ фактъ.

Такимъ образомъ абсолютно безсознательна та психическая дѣятельность, которая на основѣ физіологически безсознательнаго творческимъ синтезомъ создаетъ явленіе сознанія. Но эта дѣятельность по своей сущности есть функція категорьяльная, если категоріями захватываются формы созерцанія пространства, времени и цѣлесообразности. Она есть идеальная анти-

ципація содержанія, подлежащаго реализаціи, т. е. осуществленіе будущаго, логическое опредѣленіе того, что еще не есть, но подлежитъ реализаціи посредствомъ силы, присущей этой дѣятельности; она есть установленіе связей, въ которыхъ, въ концѣ-концовъ, состоятъ какъ наличное бытіе, такъ и сознаніе, аналитико-синтетическая интеллектуальная функція и динамическая волевая сила осуществленія. Она есть представленіе со включеніемъ стремленія къ осуществленію представленнаго (Гербартъ, Гегель), или хотѣніе со включеніемъ опредѣленной и, однако, еще не дѣйствительной (идеальной) цѣли (Шопенгауэръ, волюнтаристическая психологія), или двойная функція, заключающая въ себѣ представливаніе и хотѣніе въ ихъ нераздѣльномъ единствѣ.

Ни хотѣніе, ни представливаніе, ни мышленіе никогда непосредственно не вступаютъ въ сознаніе, какъ это воображаетъ наивный реализмъ. Хотѣніе, повидимому, входитъ въ сознаніе только посредствомъ представленія своей цѣли, или содержанія, а также сопровождающаго ихъ чувства и отраженнаго ощущенія его напряженности и ослабленія ея; дѣятельность представливанія — только посредствомъ ея готоваго продукта сознательнаго представленія на чувственной основѣ ощущенія; мышленіе — только посредствомъ слѣдовъ, оставляемыхъ имъ на пути и отпечатывающихся въ сознательныхъ представленіяхъ. Но какъ дѣятельности, всякое хотѣніе, представливаніе и мышленіе — абсолютно безсознательны, и кто отрицаетъ абсолютно безсознательную дѣятельность, долженъ отрицать также всякое наше хотѣніе, представливаніе и мышленіе, какъ психическую дѣятельность, и объяснять ее иллюзіями сознанія, которымъ не соотвѣтствуетъ никакая иная дѣйствительность, кромѣ механическихъ движеній матерьяльныхъ мозговыхъ молекулъ.

Совокупность абсолютно безсознательныхъ дѣятельностей, находящихся въ связи съ физіологически-безсознательнымъ даннаго организма, называется его душою, которая, при такомъ пониженіи, не является ни фикціей, ни субстанціей, но комплексомъ, или группой абсолютно безсознательныхъ дѣятельностей. Въ качествѣ опредѣляющей конечной причины эта дѣятельность является сразу и носительницей и исполнительницей тѣхъ высшихъ законовъ природы, благодаря которымъ организмы возвышаются надъ неорганизованными вещами, и, сообразно съ этими законами, она управляетъ преобразованіемъ постоянной массы энергіи такъ, что законы неорганической природы служатъ организму, составляя его, улучшая и совершенствуя. Она цѣлесообразно измѣняетъ психическія явленія, которыя возникли бы посредствомъ простого возбужденія комбинацій въ ихъ прежнемъ состояніи и т. обр. посредствомъ дѣйствій, идущихъ дальше этихъ комбинацій, она и ихъ укрѣпляетъ, утончаетъ и совершенствуетъ. Этимъ путемъ она автоматическія движенія преобразуетъ въ рефлексы, инстинкты и произвольныя дѣйствія, и создаетъ этимъ впервые основаніе отчасти и для преобразованій въ обратномъ направленіи, т. е. для механизаціи. Въ своей цѣлесообразности она поднимается надъ тѣмъ, что когда-нибудь въ индивидуальномъ сознаніи отражалось отъ индивидуальной и сверхъиндивидуальной ц ѣ л е с о о б р а з н о с т и. Наконецъ, въ атомахъ она представляетъ собою тожественное основаніе какъ психическихъ явленій сознанія атома, такъ и того динамическаго отраженія силъ атома, которое мы называемъ матеріей, потому что въ нашемъ сознаніи это отраженіе вызываетъ субъективно идеальное явленіе вещества.

Абсолютно безсознательная психическая дѣятельность необходимо должна мыслиться чуждой и проти-

вопоставленной психическимъ явленіямъ въ сознаніяхъ всѣхъ ступеней индивидуальности. Тогда какъ послѣдніе пассивны, воспріимчивы, изобразительны, чувственны, абстрактны и дискурсивны, первая только и мыслится активной, продуктивной, образующей, сверхчувственной, конкретной и нечувственно интуитивной. Понятія о ней нельзя получить ни нисходя къ ничтожнымъ степенямъ сознанія или къ сознаніямъ глубже лежащихъ индивидуальныхъ ступеней, ни возвышая понятіе сознанія въ немъ самомъ, хотя бы даже дѣлая его абсолютнымъ, а только постигая за сознаніемъ его безсознательную причину, которая въ качествѣ просто матерьяльнаго событія была бы подсознательной, въ качествѣ же психической интеллектуальной функціи—сверхсознательна, т. е. превосходящей сознаніе въ производительности. Какъ предполагаемая причина дѣйствія не можетъ быть чѣмъ-то отрицательнымъ, сравнительно съ этимъ дѣйствіемъ, такъ же и абсолютно безсознательная психическая дѣятельность не можетъ быть чѣмъ-то отрицательнымъ сравнительно съ сознательно психическими явленіями, ею вызванными, даже если между ея свойствами найдутся такія, которыя мы, съ точки зрѣнія нашего сознанія, можемъ опредѣлить только отрицательно по отношенію къ тому, что намъ знакомо.

16. Абсолютно безсознательный индивидуальный субъектъ психической индивидуальной функціи (монады Лейбница, простые реалы Гербарта, волевыя генады Банзена, созданныя субстанціальныя души теизма). Если уже дѣятельность, производящая психическія явленія, абсолютно безсознательна, то тѣмъ болѣе абсолютно безсознателенъ субъектъ, практикующій эту дѣятельность, потому что онъ еще на одну ступень дальше стоитъ отъ всѣхъ сознаній, произведенныхъ въ индивидѣ дѣятельностью,

чѣмъ самая эта дѣятельность. Кто не находитъ препятствій, чтобы признать дѣятельность чѣмъ-то послѣднимъ, имѣющимъ основаніе въ себѣ самомъ, тотъ долженъ отбросить эту гипотезу, какъ лишнюю и необоснованную. Но кто тоже считаетъ необходимымъ субъекта, какъ носителя дѣятельности, тѣмъ самымъ еще не принуждается признать и множественность субъектовъ. Безсознательнаго субъекта безсознательной дѣятельности больше не должно смѣшивать съ феноменальнымъ „я“ самосознанія и умножать его на основаніи этого смѣшенія. Если бы каждое сознаніе на каждой ступени индивидуальностей нуждалось въ собственномъ субъектѣ, то сложный индивидъ долженъ былъ бы заключать въ себѣ такъ же много безсознательныхъ субстанціальныхъ субъектовъ безсознательной психической дѣятельности, сколько онъ заключаетъ сознаній различныхъ ступеней индивидуальностей. Въ такомъ случаѣ, отыскивая душу только въ субстанціальномъ субъектѣ дѣятельности, мы имѣли бы дѣло въ каждомъ высшемъ индивидѣ уже не съ одною субстанціальной индивидуальной душою, а съ комплексомъ субстанціальныхъ индивидуальныхъ душъ. Поэтому безполезно искать душу въ субъектѣ, а не въ совокупности безсознательно психическихъ дѣятельностей, управляющихъ этимъ организмомъ. Если же субстанціальный субъектъ не подходитъ болѣе подъ понятіе души, то онъ относится уже и не къ психически безсознательному, а къ безсознательному метафизически.

Д. Метафизически-безсознательное.

17. Метафизически относительно безсознательное это то, что только съ психической точки зрѣнія для индивидовъ абсолютно безсознательно, съ метафизической-же точки зрѣнія, по отношенію къ абсолют-

ному сознанію абсолютнаго, оно сознательно (теизмъ и псевдо-теизмъ). Эта гипотеза въ сущности возникаетъ изъ богословскихъ мотивовъ. Поскольку она относится къ продуктивному сознанію абсолютнаго, она связана съ независимостью (aseitas) и активностью сознанія и метафизически утверждаетъ зависимость безсознательнаго отъ сознательнаго, въ то время какъ психологически приходится установить зависимость сознательнаго отъ нѣкоего безсознательнаго. Поскольку-же она относится, напротивъ, къ воспринимающему сознанію абсолютнаго, она принуждена принять его порогъ за минимумъ (Фехнеръ), что противорѣчитъ факту повышенія порога съ повышеніемъ ступеней индивидуальности. Если абсолютное сознаніе будетъ противопоставлено индивидамъ, какъ особая субстанція, то, можетъ быть, она будетъ смущать ихъ энергическими воздѣйствіями, неизвѣстными имъ прямымъ образомъ; но безсознательными этихъ воздѣйствій нельзя назвать ни въ какомъ смыслѣ. Для индивидовъ они представляютъ собою нѣчто чуждое, такъ же мало ихъ касающееся, какъ мало содержаніе индивидуальнаго сознанія касается сознанія другого индивида; для абсолютнаго-же сознанія они сознательны. Если-же, напротивъ, индивиды представляютъ собою только группы дѣятельностей абсолютнаго сознанія, то неясно, почему эти сознательно-психическія дѣятельности могли въ индивидѣ потерять свою сознательность, вмѣсто того, чтобы войти въ индивидуальное сознаніе въ качествѣ сознательныхъ и помочь ему конституироваться.

18. Абсолютно безсознательная универсальная дѣятельность. Пока сознаніе имѣетъ значимость активнаго, множественность дѣятельностей кажется исходящей отъ многихъ, замкнутыхъ въ себѣ сознаній. Но какъ только всякая дѣятельность признана без-

сознательной, такъ причинность, а также и цѣлесообразность принуждаетъ видѣть въ совокупности всѣхъ дѣятельностей универсальное единство съ многообразіемъ внутреннихъ расчлененій, а въ индивидуальной дѣятельности только одну изъ дѣятельностей, являющуюся членомъ внутри абсолютной дѣятельности (функціональный монизмъ). Метафизически безсознательная универсальная дѣятельность охватываетъ какъ дѣятельности, образующія матерію—силы атомовъ, такъ и не образующія ея—въ узкомъ смыслѣ нематеріальныя дѣятельности и ихъ группы, т. е. души. Безсознательной для каждаго отдѣльнаго индивида, въ концѣ-концовъ, можетъ быть названа только та часть абсолютной дѣятельности, которая конструируетъ его какъ органически-психическую индивидуальность. Абсолютная дѣятельность, какъ единая цѣлость, можетъ быть названа безсознательной, во-первыхъ, по отношенію къ совокупности конструированныхъ при ея помощи индивидовъ и, во-вторыхъ, по отношенію къ абсолютному субъекту, въ противоположность признанію абсолютнаго сознанія.

19. Безсознательный абсолютный духъ, или безсознательный абсолютный субъектъ, или субстанціальный носитель безсознательной абсолютной дѣятельности. Какъ только дѣятельность признается общей универсальной, ея субъектъ также долженъ быть признанъ общимъ, универсальнымъ. Съ этимъ впервые достигается послѣднее метафизическое значеніе „безсознательнаго“: субстанціи, въ которой все остальное является только ея акциденціями, аттрибутами или модусами (субстанціальный или онтологическій монизмъ) Преобразованіе прилагательнаго въ существительное или субъективація предиката въ выраженіи „безсознательное“, получаетъ благодаря этому болѣе чѣмъ только грамматическое, но и фактическое значеніе.

Безсознательный субъектъ съ безсознательной дѣятельностью является тѣмъ тождественнымъ третьимъ, котораго послѣдователи философіи тождества въ психофизическомъ параллелизмѣ ищутъ позади матерьяльнаго явленія и явленія сознательно-психическаго, оставляя, его однако, совершенно неопредѣленнымъ, хотя и ясно, что тождественное третье можетъ существовать только тогда, когда оно отличается отъ обѣихъ формъ своего проявленія, а слѣдовательно, не является ни матерьяльнымъ, ни сознательно-психическимъ, т.-е. когда оно есть нематерьяльное безсознательное.

Что-же касается моего личнаго положенія по отношенію къ понятію безсознательнаго, то я издавна заботился объ устраненіи всякихъ недоразумѣній, однако, при обиліи значеній у этого понятія, которое въ каждой головѣ отражается иначе, достигалъ очень неудовлетворительныхъ результатовъ. Смѣшивать неизвѣстное, непознаваемое, неясное и неотчетливое, незамѣченное и сознаваемое безъ рефлексіи съ тѣмъ, что я разумѣю подъ безсознательнымъ, могутъ только такіе читатели, которые находятъ непонятнымъ или неразумнымъ смыслъ, влагаемый мною въ это слово, и съ самымъ благимъ намѣреніемъ желаютъ подставить подъ него иной, родственный и сколько-нибудь сносный для нихъ смыслъ. То, что я объяснилъ въ обстоятельномъ изслѣдованіи всѣхъ степеней сознанія, сведя видимость таковыхъ къ различіямъ въ содержаніи сознанія („Philosophie des Unbewussten“ 1 Aufl. S. 362—371, 10 Aufl. Bd. I. S. 51 — 60), при этомъ осталось, конечно, незамѣченнымъ. О не относящихся къ „я“ недѣйствительныхъ „безсознательныхъ ощущеніяхъ“ Фехнера и petites perceptions неуловимо малой степени сознанія у Лейбница, я говорилъ также въ началѣ „Phil. des Unb.“, оспаривалъ ихъ и предостерегалъ отъ смѣше-

нія ихъ съ безсознательнымъ (1 Aufl. 519—23, 396, 15; 10 Aufl. Bd. I. S. 28—32, II 89, I 16).

Я постоянно оспаривалъ признаніе мертваго лишеннымъ сознанія, приписывалъ ощущеніе растеніямъ и даже для атомовъ оставлялъ сознаніе открытымъ (ebd. 1 Aufl. S. 396—400, 426—427; 10 Aufl. II, 89—94, 122, III 108—114, 124); поэтому, повидимому, безполезно предостерегать отъ смѣшенія лишеннаго сознанія съ безсознательнымъ. Статическому и функціональному физіологически безсознательному я приписалъ такую мѣру важности, что къ концу шестидесятыхъ годовъ, при господствовавшей тогда спиритуалистической психологіи и философіи, я возбудилъ подозрѣніе въ нѣкоторомъ матерьялизмѣ; съ другой стороны я предостерегалъ отъ смѣшенія необходимаго матерьяльнаго условія сознанія съ достаточной причиной послѣдняго, и условія сознательной духовной дѣятельности съ условіемъ безсознательной (ebd. 1 Aufl. 334—341; 10 Aufl. II 18—25). Но я всегда только въ косвенномъ смыслѣ давалъ мѣсто физіологически-безсознательному въ безсознательномъ, а именно, утверждалъ, что, функціонируя, оно даетъ нѣчто, психически относительно безсознательное. Индивидуальное сознаніе, свободное отъ тѣла, я постоянно опровергалъ, такъ-же, какъ абсолютное сознаніе (ebd. 1 Aufl. 341—344, 463—464; 10 Aufl. II 25—28, 468, 175—201, 486—510) и тѣмъ самымъ оспаривалъ, что абсолютно-безсознательная психическая дѣятельность можетъ, однако, снова быть сознательной для трансцендентальнаго или абсолютнаго сознанія и, благодаря этому, съ метафизической точки зрѣнія, унизиться до только относительно безсознательной. Гипостазированная возможность воспріятія стала мнѣ извѣстной только позже, послѣ чего я рѣшительно ее и оспаривалъ („Das Grundproblem der Erkenntnistheorie“. S. 69—71).

„Философія безсознательнаго“ ставила себѣ задачу, которая и остается за нею по исключеніи этой путаницы, а именно, изслѣдовать относительно безсознательное и абсолютно безсознательное, при чемъ, слѣдуя индуктивному методу, она должна была, исходя отъ относительно безсознательнаго на почвѣ физіологически безсознательнаго, черезъ абсолютно безсознательную индивидуальную дѣятельность, возвыситься къ метафизически безсознательному въ смыслѣ функціональнаго и субстанціальнаго монизма. Эта задача была столь обширна и трудна, что первая попытка ея разрѣшенія, конечно, должна была остаться обремененной недостатками и несовершенствами. Никто глубже меня не ощущалъ этихъ недостатковъ; основной ошибкой моего труда я вскорѣ призналъ, не будучи приведенъ къ этому какой бы то ни было критикой, недостаточное раздѣленіе относительно и абсолютно безсознательнаго, и открыто заявилъ объ этомъ уже въ 1872 году въ сочиненіи „Das Unbewusste vom Standpunkt der Physiologie und Deszendenztheorie“ (1 анонимное изд., стр. 215 и слѣд. 2 изд. съ моимъ именемъ, стр. 230 и слѣд. 3 изд. въ III т. въ 10 изд. Философіи безсознательнаго, стр. 298 и слѣд.).

Въ томъ же сочиненіи я старался прежде всего подробнѣе проработать относительно безсознательное на основаніи физіологически безсознательнаго и въ связи съ нимъ, и подъ маской естествоиспытателя, приписать ему, по возможности, наибольшую важность. Въ прибавленіяхъ и дополненіяхъ къ двумъ слѣдующимъ изданіямъ этого сочиненія, такъ же, какъ и къ 5—10 изд. „Философіи безсознательнаго“, я вводилъ производительность такого объяснительнаго принципа въ подобающія ему, по моему убѣжденію, границы, и подробнѣе развивалъ смыслъ и неизбѣжность абсолютно безсознательнаго на-ряду и позади относительно

безсознательнаго. Дополненіе къ изслѣдованію о т н о с и т е л ь н о безсознательнаго я далъ, далѣе, въ сочиненіи: „Der Somnambulismus“ (въ „Moderne Probleme“ 2 Aufl. № XV, S. 207—277) въ сочиненіи „Der Spiritismus“ 2-го изд. и „Die Geisterhypotese des Spiritismus und seine Phantome“ и въ отрывкѣ „Die Künstlerische Phantasie“ въ „Phil. des Schönen“ (S. 568—586). Дополненіе къ изслѣдованію а б с о л ю т н о-безсознательнаго въ „Religion des Geistes“ (145—163, 237—255), въ „Phil. des Schönen“ (S. 463—491) и въ прибавленіи „Zum Begriff der unbewussten Vorstellung“ (въ „Philos. Monatsheften“. Bd. 28, S. 1—25). Систематическую же обработку абсолютно-безсознательное получило впервые въ моемъ сочиненіи „Kategorienlehre“. Къ сожалѣнію, приведенныя позднѣйшія прибавленія и сочиненія стали извѣстными или были замѣчены въ недостаточной мѣрѣ, чтобы помѣшать основывать сужденія о моемъ понятіи безсознательнаго и въ послѣдніе годы моей жизни по большей части только на „Философіи безсознательнаго“ въ ея первоначальномъ видѣ, или даже просто ссылаться на кое-какія изъ ея главъ, позднѣе мною исправленныхъ, или вовсе отвергнутыхъ.

Перев. К. М. Милорадовичъ.

Ф. Брентано.

О внутреннемъ сознаніи [1]).

Не существуетъ психическихъ явленій, которыя не были бы сознаніемъ о какомъ-либо объектѣ; но не существуетъ ли психическихъ явленій, которыя не являются объектомъ сознанія? Всякое психическое явленіе есть сознаніе, но сознается ли всякое психическое явленіе, или, быть можетъ, существуютъ психическіе акты и безсознательные?

Однимъ изъ первыхъ учившихъ о безсознательномъ сознаніи былъ Ѳома Аквинатъ. Позднѣе Лейбницъ заговорилъ о „perceptiones sine apperceptione seu conscientia", „perceptiones insensibiles", а Кантъ послѣдовалъ за своими предшественниками. Въ новѣйшее время ученіе о безсознательныхъ психическихъ явленіяхъ находитъ многочисленныхъ сторонниковъ, и при томъ среди людей, принадлежащихъ къ направленіямъ, между собою нисколько не родственнымъ. Такъ, старшій Милль утверждаетъ, что существуютъ ощущенія, которыхъ мы не сознаемъ, благодаря привычному невниманію. Гамильтонъ учитъ, что цѣпь нашихъ идей часто связывается при помощи безсознательныхъ посредствующихъ звеньевъ. Маудсли

[1]) Извлеченіе изъ сочиненія Брентано. „Psychologie vom empiris chen Standpunkte".

дѣлаетъ основой своей психологической методы ясно какъ онъ полагаетъ, доказанные факты безсознательной душевной дѣятельности. Гербартъ учитъ о представленіяхъ, которыя не сознаются, а Бенеке полагаетъ, что сознаніемъ сопровождаются только тѣ изъ нихъ, которыя обладаютъ высшей степенью интенсивности. Фехнеръ утверждаетъ, что психологія не можетъ обойти безсознательныхъ ощущеній и представленій. Вундтъ, Гельмгольцъ, Цöльнеръ и другіе утверждаютъ, что существуютъ безсознательныя заключенія. Ульрици старается доказать при помощи многочисленныхъ аргументовъ, что какъ ощущенія, такъ и другіе психическіе акты, напр., любовь и страсть, часто могутъ быть безсознательными. Гартманнъ-же разработалъ цѣлую „Философію безсознательнаго".

Несмотря на такое обиліе лицъ, говорящихъ о безсознательныхъ психическихъ явленіяхъ, послѣднимъ еще многаго не хватаетъ для общепризнанности. Ихъ не признали ни Лотце, ни знаменитые англійскіе психологи, какъ Бэнъ и Спенсеръ; а Д. С. Миллю принадлежитъ заслуга, которой онъ цѣликомъ обязанъ воззрѣніямъ своего отца, — выступить противъ нихъ со своимъ ученіемъ. Но и среди тѣхъ, кто признаетъ безсознательныя представленія, многіе являются ихъ защитниками только потому, что связываютъ съ этими словами иной смыслъ. Такъ обстоитъ дѣло, напримѣръ, у Фехнера, который, говоря о безсознательныхъ ощущеніяхъ и представленіяхъ, очевидно, обозначаетъ словами ощущеніе и представленіе нѣчто иное, нежели мы, а именно, онъ подъ ними вовсе не разумѣетъ психическихъ явленій. Психическія явленія, по его мнѣнію, всѣ сознательны и, такимъ образомъ, фактически онъ является противникомъ новаго воззрѣнія. Ульрици же понимаетъ нѣчто иное подъ сознаніемъ и, подобно Фехнеру, отвергаетъ

всякій безсознательный психическій актъ, понимаемый въ нашемъ смыслѣ. О Гартманнѣ мы тоже могли бы сказать, что онъ желаетъ обозначить словомъ „сознаніе“ нѣчто иное, чѣмъ мы, такъ какъ его опредѣленіе сознанія какъ „эмансипаціи представленія отъ воли... и оппозиціи воли противъ этой эмансипаціи“ или какъ „удивленія воли передъ нежеланнымъ ею и, однако, чувственно наличнымъ существованіемъ представленія“,—обозначаетъ если не вообще нѣчто совершенно воображаемое, то, во всякомъ случаѣ, нѣчто иное, чѣмъ то, что мы называемъ сознаніемъ. Однако, приводимые имъ доводы ясно доказываютъ, что онъ является защитникомъ безсознательныхъ психическихъ дѣятельностей въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говоримъ о нихъ и мы.

Само собою разумѣется, что никакія безсознательныя представленія не проникаютъ въ область нашего опыта; это необходимо даже въ томъ случаѣ, если они наличны въ насъ въ самомъ большомъ количествѣ, — иначе они не были бы безсознательными. Но если тутъ нельзя ссылаться на опытъ, то опытъ не можетъ давать и показаній въ этомъ вопросѣ. Какъ же, будучи покинуты опытомъ, могли бы мы разрѣшить его?

Однако, защитники безсознательнаго сознанія справедливо противоставляютъ этимъ возраженіямъ то соображеніе, что объ отсутствующемъ въ нашемъ непосредственномъ опытѣ можно, быть можетъ, заключить опосредствованнымъ образомъ изъ фактовъ опыта. Они не упускали случая собрать такіе факты и такимъ образомъ пытались доказать свое утвержденіе посредствомъ многихъ и разнообразныхъ аргументовъ.

Существуетъ четыре различныхъ пути, которыми можетъ идти доказательство съ нѣкоторой надеждой на результатъ.

Во-первыхъ, можно постараться доказать, что из-

вѣстные, данные въ опытѣ факты требуютъ признанія безсознательныхъ психическихъ явленій какъ своей причины.

Во-вторыхъ, можно попробовать показать, что за однимъ изъ данныхъ въ опытѣ фактовъ должно слѣдовать нѣкоторое психическое явленіе въ качествѣ его дѣйствія, несмотря на то, что въ сознаніи оно не появляется.

Въ третьихъ, исходя изъ этого, можно было бы показать, что при сознательныхъ психическихъ явленіяхъ сила сопровождающаго ихъ сознанія является функціей ихъ собственной силы, и что, вслѣдствіе этого отношенія, въ извѣстныхъ случаяхъ, когда послѣдняя является положительной величиной, первая должна быть лишена всякаго положительнаго достоинства.

Наконецъ, въ четвертыхъ, можно попытаться доказать, что признаніе каждаго психическаго явленія объектомъ психическаго-же явленія ведетъ за собою безконечную сложность душевныхъ состояній, которая и невозможна и противорѣчитъ опыту.

Чаще всего пробуютъ первый изъ этихъ путей. Однако, обыкновенно недостаточно обращаютъ вниманіе на тѣ условія, при выполненіи которыхъ только и можно придти къ цѣли. Если отъ извѣстнаго факта, понимаемаго какъ дѣйствіе, заключаютъ къ безсознательному психическому явленію какъ его причинѣ, то прежде всего нужно достаточно убѣдиться въ самомъ фактѣ. Таково первое условіе. Уже поэтому попытки доказательствъ, основывающіяся на явленіяхъ такъ называемаго ясновидѣнія, предчувствій и т. д. — обладаютъ сомнительной цѣнностью. Самъ Гартманнъ, ссылающійся на нихъ, хорошо сознаетъ, что исходная точка этихъ доказательствъ не должна разсчитывать на большое довѣріе. Поэтому мы можемъ совершенно

обойти эти аргументы. Но и то, что Маудсли разсказываетъ о дѣяніяхъ генія, не исходящихъ изъ сознательнаго мышленія, не является фактомъ настолько установленнымъ, чтобы имъ можно было пользоваться какъ основой для убѣдительнаго доказательства. Геніальные мыслители еще болѣе рѣдки, чѣмъ сомнамбулы, и, кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., Ньютонъ, разсказываютъ о своихъ важнѣйшихъ открытіяхъ такимъ образомъ, что намъ становится совершенно яснымъ, что послѣднія не явились плодомъ безсознательнаго мышленія. Мы сопровождаемъ этихъ мыслителей на пути ихъ изслѣдованія и понимаемъ его результатъ, что, однако, нисколько не уменьшаетъ нашего удивленія передъ нимъ. Если-же другіе не могутъ дать подобнаго отчета о своихъ дѣйствіяхъ, то развѣ не менѣе рискованно признать, что они просто забыли о посредничествѣ своего сознанія, чѣмъ утверждать, что этотъ мостъ прерванъ безсознательнымъ мышленіемъ? Гёте, который, по всеобщему признанію, занимаетъ мѣсто среди геніевъ, утверждаетъ въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“, что необыкновенный талантъ является „только нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ обыкновеннаго“. Такимъ образомъ, если существуютъ безсознательныя психическія событія, то на нихъ должны указывать менѣе рѣдкіе экземпляры.

Слѣдующее условіе состоитъ въ томъ, чтобы фактъ опыта дѣйствительно могъ найти свое объясненіе въ признаваемомъ нами безсознательномъ психическомъ явленіи, какъ дѣйствіе въ соотвѣтствующей ему причинѣ. Сюда относится прежде всего требованіе, чтобы сознательныя психическія явленія въ опытѣ порождали бы подобныя же слѣдствія. Далѣе, чтобы они не порождали въ то же время и другихъ слѣдствій, недостающихъ въ разсматриваемомъ случаѣ, потому что нѣтъ никакого основанія предполагать эти слѣдствія

связанными съ отсутствующимъ тутъ сопровождающимъ сознаніемъ. Далѣе нужно, чтобы безсознательныя психическія явленія, которыми пользуется гипотеза, не находились со своими свойствами въ противорѣчіи съ признанными законами сознательныхъ психическихъ явленій, а именно, нужно, чтобы нѣкоторыя ихъ особенности вполнѣ объяснялись недостаткомъ сопровождающаго сознанія. Такъ какъ предполагаемыя безсознательныя явленія не разнородны съ сознательными, а мыслятся нѣкоторымъ образомъ имъ подобными иначе ихъ несправедливо было бы считать психическими дѣятельностями), то нужно доказать, что общая связь между тѣми и другими не прерывается, и что вообще такое признаніе не влечетъ за собою никакихъ противорѣчивыхъ опредѣленій.

Это требованіе Гартманъ выполняетъ такъ же мало, какъ и предыдущее. Тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать законовъ безсознательныхъ психическихъ явленій, оказывается, что мы имѣемъ дѣло вовсе не съ психическими явленіями. Они сводятся къ вѣчно безсознательному, къ всеединой, вездѣсущей, всевѣдущей и всемудрой сущности. Вмѣсто безсознательныхъ душевныхъ явленій, такимъ образомъ, появляется божество, которому, для того, чтобы вполнѣ заслужить это имя, не хватаетъ только сознанія, но которое, конечно, и, кромѣ того, не свободно отъ нѣкоторыхъ значительныхъ противорѣчій. Оно играетъ роль Deus ex machina, которую нѣкогда Платонъ и Аристотель порицали у Анаксагора, и которая всегда находится подъ руками, когда недостаетъ механическаго объясненія. Подобную гипотетическую нелѣпость сочтетъ недопустимой всякій мало-мальски точный мыслитель, даже если онъ не признаетъ границъ научной гипотезы, указанныхъ Д. С. Миллемъ. Поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ аргументы,

которые Гартманъ приводитъ въ пользу признанія безсознательной психической дѣятельности, по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ приводитъ, не удовлетворяютъ второму условію. Онъ не доказалъ, что факты въ опытѣ, исходя изъ которыхъ слѣдуетъ заключить о безсознательной психической дѣятельности, дѣйствительно находятъ объясненіе благодаря такому признанію.

Наконецъ, третье условіе значимости заключеній о безсознательныхъ психическихъ явленіяхъ, какъ причинѣ извѣстныхъ фактовъ опыта, состоитъ въ необходимости показать, что факты, о которыхъ идетъ рѣчь, немыслимы, или, по крайней мѣрѣ, очень невѣроятны при другихъ гипотезахъ, безъ признанія безсознательныхъ психическихъ явленій. Если установлено, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобные факты являются послѣдствіемъ сознательныхъ психическихъ явленій, то этимъ еще не доказано, что такіе факты не могутъ возникнуть и вслѣдствіе другихъ причинъ. Неправильно всегда приписывать одинаковыя дѣйствія одинаковымъ причинамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это уже замѣтилъ и обнаружилъ Аристотель, мы часто, исходя изъ различныхъ посылокъ, приходимъ къ тому же заключенію. И тотъ же великій мыслитель уже замѣтилъ, что сужденія, однажды полученныя посредствомъ заключенія въ собственномъ смыслѣ слова, въ слѣдующій разъ получаются непосредственно на основаніи прежняго опыта, или (можетъ быть, будетъ правильнѣе сказать)—вслѣдствіе привычки. Когда извѣстные часто упоминаемые, но вовсе не сами собою понятные принципы кажутся непосредственно ясными, навязываясь намъ съ почти непреодолимой силой, то въ этомъ обнаруживается сила привычки, и, можетъ быть, ничѣмъ инымъ, кромѣ привычки, не объясняется то, что животныя, въ повторяющихся случаяхъ ожи-

даютъ повторенія ихъ послѣдствій. Но то, что здѣсь является благопріобрѣтеннымъ, могло бы быть и врожденнымъ предрасположеніемъ къ непосредственнымъ сужденіямъ, что все-таки не давало бы намъ права говорить о безсознательныхъ заключеніяхъ, т. е. о заключеніяхъ, посылки которыхъ остались безсознательными.

Ни одна изъ различныхъ относящихся сюда попытокъ доказать существованіе безсознательныхъ психическихъ явленій не выполнила сколько-нибудь удовлетворительно этого третьяго условія, что и можно доказать на примѣрѣ важнѣйшихъ изъ нихъ.

Гамильтонъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе признавали безсознательныя представленія потому, что при возобновленіи уже бывшей послѣдовательности мыслей въ воспоминаніи можно, повидимому, перескочить черезъ цѣлые ряды посредствующихъ звеньевъ. Этотъ фактъ, безъ сомнѣнія, согласовался бы съ законами ассоціацій, если бы было признано, что промежуточныя звенья, о которыхъ идетъ рѣчь, присутствовали и тутъ, но не доходя до сознанія. Однако, ни Гамильтонъ, ни другіе не показали, и даже не попытались показать, что это—единственно возможный видъ объясненія. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Д. С. Милль, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ критикуетъ Гамильтона, легко могъ бы привести два другихъ, а когда намъ придется имѣть дѣло съ ассоціаціями идей, мы увидимъ, что число этихъ возможныхъ гипотезъ, изъ которыхъ то одна, то другая получаетъ перевѣсъ вѣроятности, можетъ быть еще значительно увеличено.

Въ подобномъ же упущеніи виновны Ланге, Гельмгольцъ, Цöлльнеръ и всѣ безъ исключенія крупные изслѣдователи, защищающіе подобную точку зрѣнія. Для нашей цѣли достаточно установить, что предполагаемыя слѣдствія безсознательныхъ заключеній до

тѣхъ поръ не смогутъ дать никакого доказательства существованія безсознательной психической дѣятельности, пока не будетъ приведено доказательство невозможности или преобладающей невѣроятности всякаго другого пониманія, а этого условія до сихъ поръ не выполнилъ никто. Это правильно относительно упомянутыхъ выше оптическихъ явленій; это правильно также относительно вѣры въ существованіе внѣшняго міра, наличной уже въ самомъ раннемъ возрастѣ, когда ее приписываютъ безсознательной индукціи; а также относительно пониманія всякаго возврата данной мысли при воспоминаніи, какъ слѣдствія безсознательнаго процесса, столь же продолжительнаго и запутаннаго, какъ тотъ, который мы иногда проходимъ, нащупывая памятью прежнее переживаніе и переходя отъ одной мысли къ другой. Таково пониманіе Гартмана, того же воззрѣнія держится, повидимому, и Маудсли. Только безъ дальнѣйшихъ разсужденій понимая каждую изъ такихъ выплывающихъ въ насъ мыслей, не являющихся слѣдствіемъ преднамѣреннаго и обостреннаго исканія, какъ продуктъ безсознательной душевной дѣятельности, онъ можетъ придти къ заключенію, что „важнѣйшая часть душевной дѣятельности, существеннѣйшій процессъ, отъ котораго зависитъ мышленіе, состоитъ въ безсознательной дѣятельности души".

Маудсли и Ульрици приводятъ въ пользу безсознательныхъ душевныхъ явленій еще другую группу фактовъ. Часто случается, что мы, занятые какими-нибудь мыслями, не обращаемъ вниманія на окружающее. Оно, повидимому, въ этомъ случаѣ не пробуждаетъ въ насъ никакого ощущенія, и, однако, послѣдствія показываютъ, что мы обладали дѣйствительными ощущеніями. Сюда же относятся исторіи, подобныя извѣстному разсказу Кольриджа о служанкѣ, которая въ лихорадочномъ бреду дѣлала длинныя ци-

таты на еврейскомъ языкѣ, которыхъ она не понимала и не могла повторить въ періоды здоровья, но которыя она прежде слыхала громко произнесенными, когда жила у одного ученаго.

Ульрици приводитъ нѣкоторые другіе замѣчательные примѣры родственныхъ явленій. „Довольно часто, говоритъ онъ, случается, что кто-нибудь бесѣдуетъ съ нами, мы же разсѣянны, и въ данный моментъ не знаемъ, что именно онъ говоритъ; но моментомъ позже мы овладѣваемъ собою, и въ наше сознаніе вступаетъ то, что мы слышали. Мы проходимъ улицу, не замѣчая видимыхъ нами вывѣсокъ и выставленныхъ на нихъ именъ и объявленій; мы не могли бы непосредственно воспроизвести ни одного изъ этихъ именъ, и, однако, встрѣтивъ его гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть, нѣсколькими днями позднѣе, мы припоминаемъ, что мы уже видѣли его на вывѣскѣ. И тутъ мы, значитъ, должны были имѣть зрительное ощущеніе не менѣе полное, чѣмъ всякое другое изъ сознаваемыхъ нами непосредственно, и, однако, мы его не могли припомнить. Точно такъ же мы часто многими днями позже вспоминаемъ о сдѣланной нами въ письмѣ или въ разговорѣ ошибкѣ, которой во время самаго писанія мы не сознавали. И тутъ я долженъ былъ видѣть неправильно написанное слово и вполнѣ получить зрительное ощущеніе; но такъ какъ во время писанія я былъ сосредоточенъ только на записываніи мыслей и на связи выражающихъ ихъ словъ, то я не замѣтилъ ошибки въ начертаніи, т.-е. неправильнаго письменнаго знака. Однако, чувственное ощущеніе моя душа получила тогда-же, и когда я больше не подставляю подъ него записываемыхъ мыслей, а рефлектирую о дѣйствительно написанныхъ словахъ, въ мое сознаніе входитъ полученное мною чувственное измѣненіе неправильно написаннаго слова“.

Легко замѣтить, что эти и подобные доводы безсильны, если ими хотятъ обосновать безсознательную душевную дѣятельность, понимаемую въ нашемъ смыслѣ. Признаніе безсознательныхъ психическихъ явленій не есть единственная гипотеза, объясняющая приведенные факты. Для объясненія перваго и третьяго изъ примѣровъ, взятыхъ у Ульрици, достаточно признать, что нѣчто было ощущаемо сознательно, а затѣмъ возобновлено въ памяти, и при этомъ второмъ выступленіи явленіе связалось съ извѣстными ассоціаціями и другими душевными дѣятельностями, которыя въ первомъ случаѣ, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, отсутствовали. Въ первомъ изъ примѣровъ, слыша слова, не связывали съ ними ихъ значенія, въ другомъ, видя неправильно написанное слово, не связывали съ нимъ никакой рефлексіи о несоотвѣтствіи его правиламъ грамматики. Случай съ вывѣсками еще болѣе простъ. Онъ основывается на томъ, что не только воспріятіе памятью извѣстнаго впечатлѣнія, но и его дѣйствительное возобновленіе связано съ извѣстными условіями, которыя одинъ разъ отсутствуютъ, а другой разъ находятся на лицо. Позднѣйшее подобное явленіе вызываетъ предыдущее, согласно извѣстному закону ассоціацій идей, котораго я, разумѣется, не находилъ дѣйствующимъ, пока не хватало необходимыхъ условій.

Нѣчто подобное происходитъ и въ примѣрѣ, приводимомъ у Маудсли. Служанкѣ, о которой онъ разсказываетъ, припомнились слова, которыхъ она въ одно время не могла вспомнить, а въ другое вспоминала непроизвольно, очевидно, при обстоятельствахъ, обусловливающихъ ассоціацію и отсутствовавшихъ въ первомъ случаѣ. Этихъ обстоятельствъ не можетъ устранить нашъ анализъ, который долженъ признать ихъ настолько благопріятствующими ассоціаціямъ, о

которыхъ идетъ рѣчь, что они выкупаютъ недостатокъ сравнительно слабой подготовки. То, что служанка слушала, не сознавая своего слушанія, очевидно, нисколько не вытекаетъ изъ того, что она не понимала смысла слышанныхъ ею словъ.

Было-бы утомительнымъ приводить еще другіе примѣры. Прибавимъ еще только одно замѣчаніе. Если даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ считать установленнымъ, что безъ признанія воздѣйствія безсознательныхъ психическихъ явленій мы не способны понять даннаго факта, все же такое доказательство будетъ безсильнымъ, пока эту неспособность легко объяснить недостаткомъ нашихъ познаній въ соотвѣтствующей области. Слишкомъ смѣлымъ является утвержденіе Гартманна, что посредствующее звено между волей и послушнымъ волѣ движеніемъ не можетъ быть механическимъ; онъ такимъ образомъ предполагаетъ безсознательное представленіе о положеніи соотвѣтствующихъ моторныхъ нервныхъ центровъ въ мозгу. Ни одинъ осторожный физіологъ не одобритъ такого утвержденія. Механическій характеръ части посредствующихъ звеньевъ доказанъ, и возможность доказательства кончается только тамъ, гдѣ начинается мало доступная до сихъ поръ область физіологіи мозга. Да и сама психологія, какъ мы должны были не разъ замѣтить, находится еще въ очень отсталомъ состояніи. Поэтому вполнѣ мыслимо, что то, что мы считаемъ нужнымъ разсматривать какъ слѣдствіе безсознательной дѣятельности, при болѣе совершенномъ знаніи психическихъ законовъ можно было бы свести къ сознательнымъ явленіямъ, какъ его совершенно достаточной причинѣ.

Второй путь, на которомъ, какъ мы указывали, пытаются найти доказательство безсознательныхъ психическихъ актовъ, состоитъ въ заключеніяхъ отъ при-

чины къ дѣйствію. Если данный фактъ имѣетъ своимъ необходимымъ послѣдствіемъ какое-нибудь душевное явленіе, а послѣднее вовсе не вошло въ сознаніе, то признаніе безсознательнаго явленія кажется оправданнымъ.

И здѣсь существуетъ нѣсколько условій, которыхъ не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія. Во-первыхъ, должно быть твердо установлено, что ожидаемое психическое явленіе не выступало въ сознаніи и не было затѣмъ забыто. Далѣе должно быть доказано, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло совершенно съ тою-же причиной, что и въ другихъ случаяхъ. Наконецъ, особенно нужно обратить вниманіе на требованіе, входящее, впрочемъ, уже и въ предыдущіе пункты, а именно, чтобы причины, препятствующія тутъ сопровожденію сознанія и, очевидно, отсутствовавшія въ другихъ случаяхъ, не оказались противодѣйствующими также и психическимъ явленіямъ, о существованіи которыхъ надлежитъ заключить, и чтобы вообще для послѣднихъ не нашлось особыхъ препятствій.

Если мы приложимъ этотъ масштабъ къ немногимъ относящимся сюда попыткамъ доказательствъ, то окажется, что онъ не подходитъ ни къ одной изъ нихъ. Мы и намѣрены показать это на отдѣльныхъ примѣрахъ.

Когда морская волна ударяетъ въ берегъ, то мы слышимъ шумъ ея прибоя и сознаемъ то, что мы слышимъ. Если же въ движеніе приведена всего одна капля, то намъ кажется, что мы не слышимъ даже и шороха. И, однако, говорятъ, мы должны признать, что и въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ звуковое ощущеніе, потому что движеніе волны есть одновременное движеніе ея отдѣльныхъ капель, и только изъ звуковыхъ ощущеній, порождаемыхъ каплями, можетъ составиться ощущеніе шума рокочущей волны. Итакъ, мы слышимъ, но слышимъ безсознательно.

Въ этомъ доводѣ ошибка очень ощутительна; онъ погрѣшаетъ противъ второго изъ выставленныхъ нами условій. Сумма силъ въ своемъ дѣйствіи отличается отъ составляющихъ ее отдѣльныхъ единицъ не только количественно, но часто также и качественно. Незначительное охлажденіе не превращаетъ воду въ ледъ по частямъ, или понемногу; незначительное ея нагрѣваніе не превращаетъ ее въ газообразное состояніе, отличающееся отъ настоящаго только количественно. Такимъ образомъ и изъ того, что большее физическое раздраженіе порождаетъ звуковое ощущеніе, нисколько не вытекаетъ съ необходимостью явленіе шума при меньшей его интенсивности.

Весьма важное значеніе имѣетъ повидимому, слѣдующій фактъ. Гельмгольцъ утверждаетъ, что въ такъ называемыхъ послѣдовательныхъ зрительныхъ образахъ онъ нерѣдко подмѣчалъ частности, которыхъ онъ не воспринималъ при созерцаніи самого предмета. Я тоже часто встрѣчался съ тѣмъ же фактомъ и каждый легко могъ бы провѣрить его собственнымъ опытомъ. Здѣсь раздраженіе, очевидно, было очень интенсивнымъ, иначе оно не имѣло бы послѣдовательнаго образа; нельзя утверждать и того, что сѣтчатка была раздражена на недостаточно большомъ протяженіи, потому что и это должно было-бы помѣшать тому-же обстоятельству, т.-е. явленію послѣдовательнаго образа. Поэтому кажется очевиднымъ, что ощущенія особыхъ чертъ, о которыхъ идетъ рѣчь, должно было быть на лицо. Если же это осталось незамѣченнымъ, то, повидимому, остается только признать, что онѣ представлялись нами безсознательно.

Однако, многаго не хватаетъ для удовлетворительности этого доказательства. Первое изъ трехъ приведенныхъ нами условій не было выполнено ни разу; кто поручится, что явленія, о которыхъ идетъ рѣчь,

въ дѣйствительности не сопровождались сознаніемъ и не были просто забыты впослѣдствіи? Но и второе, и третье условія остаются невыполненными. Внѣшнее раздраженіе было достаточно сильнымъ и распространеннымъ, чтобы породить ощущеніе; но были-ли на лицо и необходимыя психическія условія? Почему же въ такомъ случаѣ считается доказаннымъ фактъ, что не возникало никакого сознательнаго ощущенія? Отвѣчаютъ: потому что вниманіе было сосредоточено на чемъ то другомъ. Но не можетъ-ли эта полная поглощенность вниманія другими предметами быть препятствіемъ и для самаго ощущенія, а не только для сознательнаго ощущенія? Ульрици возражаетъ на это: послѣдовательный образъ, „будучи отображеніемъ опредѣленнаго образца, не могъ-бы содержать что-либо иное или большее, чѣмъ то, что содержалось въ образцѣ, т.-е. въ первоначальномъ чувственномъ ощущеніи. Черты, замѣчаемыя нами въ послѣдовательномъ образѣ, необходимо должны были присутствовать въ его образцѣ, и притомъ сильнѣе и отчетливѣе, чѣмъ въ послѣдовательномъ образѣ". Кто не замѣтитъ, что здѣсь авторъ хватается за соломинку? Онъ держится названія „послѣдовательный образъ" (Nachbild); однако, здѣсь это названіе употребляется не въ смыслѣ изображенія, являющагося копіей съ образца, а, вѣроятно, оно имѣетъ въ виду только временную послѣдовательность. Послѣдовательный образъ появляется замѣтно позднѣе, чѣмъ свѣтовой лучъ воздѣйствуетъ на ретину. Фактъ тотъ, что разсматривать въ качествѣ причины такъ называемаго послѣдовательнаго образа слѣдуетъ не появившееся ранѣе ощущеніе, а устойчивость прежнихъ физическихъ раздраженій, или другой, вытекающій изъ нихъ физическій процессъ. Стоитъ только признать, что первоначальное физическое раздраженіе, въ силу нѣкотораго психическаго

препятствія, не привело къ ощущенію; это, можетъ быть, нисколько не помѣшаетъ ему существовать продолжительное время и имѣть не менѣе сильныя физическія послѣдствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ возможно, что послѣдовательные образы или ихъ части ощущаются нами безъ того, чтобы имъ предшествовало ощущеніе, одновременное съ раздражающимъ лучомъ.

Мы подходимъ къ третьему классу возможныхъ попытокъ доказательствъ. Мы говорили, что существованіе безсознательныхъ психическихъ актовъ должно было бы считаться доказаннымъ, если-бы оказалось, что при сознательныхъ психическихъ актахъ сила связаннаго съ ними сознанія является функціей ихъ собственной силы, и что, какъ это въ извѣстныхъ случаяхъ вытекаетъ изъ такого отношенія, когда сила психическихъ актовъ уже является положительной величиной, сила сопровождающаго ихъ сознанія не имѣетъ никакого положительнаго значенія.

Съ мыслью, что сила сознанія психическихъ явленій есть подобная функція собственной силы послѣднихъ, мы встрѣчаемся, напр., у Бенеке. При извѣстной высотѣ интенсивности представленія устанавливается сознаніе, которое растетъ или уменьшается въ зависимости отъ него. Однако, никто не станетъ утверждать, чтобы Бенеке или кто-либо другой далъ удовлетворительное доказательство существованія такой взаимной зависимости между одной и другой интенсивностью. Кромѣ того, приходится думать, что неточность нашихъ опредѣленій психической мѣры является непреодолимымъ препятствіемъ для точнаго опредѣленія такой функціональной зависимости. Однако, большинство склонно просто приравнивать другъ къ другу силу сознательныхъ представленій и силу представленій, къ которымъ они относятся.

Особое обстоятельство, повидимому, даетъ въ этомъ

случаѣ точное и ясное доказательство существованія отношенія между интенсивностями.

Интенсивность представливанія всегда равна интенсивности, съ которой появляется представленное; иначе говоря, она равна интенсивности явленія, остающагося содержаніемъ представливанія. Это должно считаться само собою понятнымъ, а потому почти безъ исключенія или прямо утверждается психологами и физіологами, или молча предполагается ими.

Если-же это правильно, если интенсивность представливанія всегда равна интенсивности явленія, остающагося его содержаніемъ, то ясно, что и интенсивность представливанія о представливаніи должна быть равна интенсивности, съ которой является послѣднее представливаніе. Такимъ образомъ спрашивается только: какъ интенсивность сознательности представленій относится къ ихъ собственной интенсивности.

Однако, съ этой точки зрѣнія никакого сомнѣнія быть не можетъ: если только внутреннее воспріятіе заслуживаетъ довѣрія, онѣ должны быть равны другъ другу. Какъ вмѣсто слышанія не можетъ явиться видѣніе, такъ не можетъ явиться сильное слышаніе вмѣсто слабаго и наоборотъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что при каждомъ сознательномъ представленіи сила относящагося къ нему представливанія равна его собственной силѣ.

Такимъ образомъ найдено въ самомъ дѣлѣ математическое отношеніе между одной и другой интенсивностью, а именно, простое отношеніе полнаго равенства. Но если это простѣйшее изъ всѣхъ мыслимыхъ функціональныхъ отношеній заставляетъ понимать измѣненіе въ интенсивности сопровождающаго представленія какъ необходимое слѣдствіе всякой прибыли и убыли въ интенсивности сопровождающаго психическаго явленія, то это далеко не можетъ служить до-

казательствомъ существованія безсознательныхъ психическихъ актовъ, а скорѣе отсюда можно вывести нѣчто прямо противоположное. Не существуетъ безсознательнаго психическаго акта, потому что большая или меньшая сила этого акта сопровождается подобной-же силой даннаго вмѣстѣ съ нимъ представленія, объектомъ котораго онъ является. Повидимому, таково именно воззрѣніе большинства; и даже между тѣми психологами, которые на словахъ учатъ другому, находятся нѣкоторые, противорѣчіе съ которыми перейдетъ въ полное согласіе, если только ихъ способъ выражаться перевести на нашъ языкъ.

Остается еще обозрѣть четвертый путь, на которомъ нѣкоторые считаютъ доказуемой не только ложность, но даже абсурдность признанія сознательности всякой душевной дѣятельности. Раньше чѣмъ сдѣлать окончательное заключеніе, бросимъ взглядъ на этотъ видъ попытокъ доказательства.

Слышаніе, какъ представленіе звука, есть психическое явленіе и, очевидно, можетъ служить однимъ изъ простѣйшихъ примѣровъ. Тѣмъ не менѣе, если всѣ психическія явленія сознательны, оно, повидимому, вызываетъ безконечную сложность душевныхъ состояній.

Прежде всего, если ни одно психическое явленіе невозможно безъ относящагося къ нему сознанія, то вмѣстѣ съ представленіемъ звука мы имѣемъ и представленіе о представленіи звука. Мы имѣемъ такимъ образомъ два представленія, и при томъ два представленія очень различнаго рода. Если представленіе звука мы назовемъ „слышаніемъ“, то, кромѣ представленія звука, мы имѣемъ еще представленіе слышанія, которое такъ же отличается отъ самаго слышанія, какъ слышаніе отличается отъ звука.

Но этимъ дѣло еще не кончается. Представленіе слышанія, какъ и представленіе звука, подобно всякому

психическому явленію, должно существовать сознательнымъ образомъ, т.-е. должно существовать еще и представленіе о немъ. Такимъ образомъ слушающій имѣетъ три представленія: представленіе звука, представленіе слышанія и представленіе о представленіи слышанія. Но и это представленіе не можетъ быть послѣднимъ. И оно сознательно, т.-е. представляемо, представленіе же, относящееся къ нему, опять-таки представляемо; короче говоря, рядъ будетъ или безконечнымъ, или онъ долженъ закончиться безсознательнымъ представленіемъ. Такимъ образомъ, отрицая существованіе безсознательныхъ психическихъ явленій, мы должны признать въ простомъ актѣ слышанія безконечное множество душевныхъ дѣятельностей.

Разсмотримъ еще разъ фактъ, о которомъ идетъ дѣло.

Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что мы сознаемъ психическое явленіе въ то время, когда оно въ насъ присутствуетъ, напримѣръ, что, имѣя представленіе звука, мы сознаемъ, что мы его имѣемъ. Спрашивается: имѣемъ-ли мы въ подобномъ случаѣ нѣсколько разнородныхъ представленій, или только одно? Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, мы должны выяснить: будемъ ли мы опредѣлять число и различіе представленій на основаніи числа и различія объектовъ или на основаніи числа психическихъ актовъ, въ которыхъ мы представляемъ себѣ объектъ. Въ первомъ случаѣ мы, очевидно, должны сказать, что у насъ есть нѣсколько разнородныхъ представленій, а именно: одно изъ нхиъ составляетъ содержаніе другого, тогда какъ его собственное содержаніе представляетъ собою физическое явленіе. Если это правильно, то физическое явленіе должно извѣстнымъ образомъ составлять содержаніе обоихъ представленій, одного—въ качествѣ его исключительнаго предмета, и другого — въ качествѣ, такъ

сказать, включеннаго въ него предмета. Поэтому, какъ уже замѣтилъ Аристотель, физическое явленіе, повидимому, должно быть представлено два раза. Однако, это не такъ. Внутренній опытъ съ несомнѣнностью показываетъ, что представленіе звука связано съ представленіемъ о представленіи звука такимъ своеобразно тѣснымъ образомъ, что одно внутренно принимаетъ участіе въ бытіи другого.

Это указываетъ на своеобразное сліяніе объекта внутренняго представленія съ самымъ этимъ представленіемъ и на принадлежность обоихъ къ одному и тому же психическому акту. Это мы и должны принять на самомъ дѣлѣ. Такъ, въ нашемъ случаѣ вопросъ о множественности представленій мы, разумѣется, должны рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ, если мы отвѣчаемъ на него по числу объектовъ и, разумѣется, должны рѣшить въ отрицательномъ, отвѣчая на него по числу психическихъ актовъ, въ которыхъ объекты представляются. Представленіе звука и представленіе о представленіи звука образуютъ не болѣе одного единственнаго психическаго явленія, которое мы, разсматривая его въ его отношеніи къ двумъ различнымъ объектамъ, изъ которыхъ одинъ есть физическое явленіе, а другой—психическое,—понятно, расчленяемъ на два представленія. Въ томъ же психическомъ явленіи, въ которомъ представляется звукъ, мы сразу постигаемъ и самое психическое явленіе въ его двойной особенности, а именно, поскольку оно заключаетъ въ себѣ звукъ въ качествѣ своего содержанія и поскольку оно въ то же время заключаетъ въ качествѣ содержанія самое себя.

Своеобразная внутренняя связь психическаго акта съ относящимся къ нему представленіемъ позволяетъ намъ устранить и послѣдній видъ попытокъ, доказать существованіе безсознательныхъ психическихъ актовъ.

Посмотримъ, не будемъ-ли мы въ состояніи сдѣлать на томъ же основаніи еще и дальнѣйшія разъясненія.

Мы уже обсуждали вопросъ, существуетъ-ли функціональное отношеніе между интенсивностью сознательныхъ психическихъ явленій и интенсивностью относящихся къ нимъ сопровождающихъ представленій. Оказалось, что обычное воззрѣніе благопріятствуетъ этому пониманію и имѣетъ обыкновеніе приравнивать интенсивность представленія о представленіи интенсивности этого послѣдняго сопровождаемаго представленія, а ближайшее изслѣдованіе послужило укрѣпленію этого воззрѣнія. Однако, если изслѣдованіе и не было особенно разработаннымъ, оно все же не было и такимъ, чтобы можно было считать его образовавшимся путемъ, подобнымъ обычному мнѣнію. Возникновеніе этого воззрѣнія въ то время осталось неразъясненнымъ; теперь же, если я не ошибаюсь, мы въ состояніи дать недостающее разъясненіе.

Если мы видимъ цвѣтъ и имѣемъ представленіе объ этомъ нашемъ видѣніи, то въ такомъ представленіи видѣнія будетъ представленъ и видимый цвѣтъ; онъ является содержаніемъ видѣнія, но онъ относится вмѣстѣ съ послѣднимъ и къ содержанію представленія видѣнія. Если бы представленіе видѣнія было болѣе или менѣе интенсивнымъ, нежели видѣніе, то цвѣтъ въ немъ былъ бы представленъ съ иной интенсивностью, нежели въ видѣніи. Если же, напротивъ, цвѣтъ, поскольку онъ видимъ и поскольку онъ относится къ содержанію представленія о видѣніи, одинаково интенсивенъ, то и видѣніе, и представленіе о видѣніи будутъ равными по интенсивности. Здѣсь, такимъ образомъ, дана точка опоры для сужденія. Мы узнали, что видѣніе и представленіе видѣнія связаны между собою такимъ образомъ, что цвѣтъ, являясь содержаніемъ представленія видѣнія, такъ же привхо-

дитъ и въ содержаніе представленія о представленіи видѣнія. Поэтому, цвѣтъ, будучи представленъ въ видѣніи, и въ представленіи о видѣніи все же представленъ не болѣе одного раза. Само собою понятно, что при этомъ не можетъ быть рѣчи о различіи въ интенсивности. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно просто объясняется, почему обыкновенно думаютъ, что видѣніе и представленіе видѣнія не отличаются по интенсивности одно отъ другого, и эта вѣра снова оказывается совершенно оправданной. Такимъ образомъ, если повышается или понижается сила сознательнаго ощущенія, или другого сознательнаго представленія, то въ той же мѣрѣ повышается или понижается и сила сопровождающаго, относящагося къ нему внутренняго представленія, такъ что оба явленія по своей интенсивности всегда стоятъ на одинаковой высотѣ.

Однако, возможно одно возраженіе. Если съ интенсивностью слышанія всегда въ той же мѣрѣ подымается и падаетъ интенсивность представленія о слышаніи, то когда интенсивность слышанія равна нулю, должно быть равнымъ нулю и сопровождающее его представленіе. Но, повидимому, правильно обратное. Какъ иначе могли бы мы воспринять, что мы не слышимъ? Что дѣлаемъ мы, замѣчая въ музыкѣ паузу и продолжительность паузы, а также наступленіе полной тишины, прекращеніе всякаго шума? Иногда представленіе неслышанія оказывается столь интенсивнымъ, что мельникъ, спокойно спавшій подъ шумъ мельницы, пробуждается отъ глубокаго сна при ея внезапной остановкѣ.

Возраженіе, дѣйствительно, способно на минуту заставить задуматься. Если оно и не нарушаетъ прямо защищаемую нами теорію, то, во всякомъ случаѣ, доказываетъ существованіе воспріятій, лишенныхъ положительнаго объекта, потому что недостатокъ слыша-

нія, очевидно, не есть положительный объектъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этого факта можно найти выходъ изъ него. Когда мы имѣемъ представленіе паузы и продолжительности паузы, то намъ являются звуки, эту паузу ограничивающіе, съ ихъ различными временными опредѣленіями; каждый звукъ, послѣ своего появленія въ настоящемъ, представляется еще нѣкоторое время какъ прошедшій и какъ болѣе или менѣе прошедшій. Величина этого различія есть такъ называемая продолжительность паузы. Такимъ образомъ здѣсь, какъ и при представленіи продолжающейся музыки, мы имѣемъ представленіе звуковъ. У насъ есть только одно представленіе звучанія и оно сопровождается равно интенсивнымъ, относящимся къ нему представленіемъ о представленіи.

Воспріятіе наступившей тишины является подобнымъ этому только болѣе простымъ случаемъ. Шумъ, прежде являвшійся въ настоящемъ, является здѣсь какъ непосредственно прошедшій, если даже въ настоящемъ не является больше никакого. Представленіе же шума, являющагося какъ прошедшій, согласно установленному нами, сопровождается равнымъ по интенсивности представленіемъ этого представленія.

Итакъ — возвращаясь къ установленному выше — когда повышается или понижается сила сознательнаго представленія, то вмѣстѣ съ нею въ той же мѣрѣ повышается и понижается сила относящагося къ нему сопровождающагося представленія, и оба явленія по своей интенсивности всегда находятся на равной высотѣ.

Если это правильно, то въ этомъ заключается не только опроверженіе попытки доказать существованіе безсознательныхъ представленій посредствомъ относящагося сюда функціональнаго отношенія, а, какъ мы уже указывали раньше, это можетъ разсматриваться какъ доказательство того, что въ дѣйствительности

не существуетъ никакихъ безсознательныхъ представленій въ нашемъ смыслѣ. Этимъ, конечно, еще не сказано, что всѣ психическія явленія во время ихъ существованія сопровождаются сознаніемъ, потому что, кромѣ представливанія, существуютъ и другія психическія дѣятельности, какъ напр., сужденія и желанія; однако, мы въ значительной мѣрѣ приблизились къ подобному заключенію.

Какимъ же образомъ мы могли бы восполнить недостающее? На основаніи аналогіи можно было бы предположить, что и при другихъ сознательныхъ психическихъ дѣятельностяхъ существуетъ функціональное отношеніе между ихъ собственной интенсивностью и интенсивностью сопровождающихъ ихъ представленій, а именно, то же отношеніе простого равенства, которое мы установили при сознательномъ представливаніи. Однако, если подъ интенсивностью сужденія мы будемъ понимать степень увѣренности, съ которой оно намъ приходитъ въ голову, то опытъ учитъ насъ, что такое мнѣніе, можетъ сопровождаться не менѣе, а даже болѣе сильнымъ представленіемъ, чѣмъ полное убѣжденіе, если только представленіе, лежащее въ основѣ мнѣнія, достаточно интенсивно. Послѣ нѣкотораго размышленія нельзя не признать, что совсѣмъ не можетъ быть рѣчи о равенствѣ, а также о большей или меньшей силѣ представленія по отношенію къ силѣ убѣжденія, что здѣсь дѣло идетъ о совершенно несравнимыхъ между собою величинахъ.

Однако, если сила представленія сужденія не можетъ быть сравниваема со степенью убѣжденности въ немъ, все же ясно, что и сужденіе имѣетъ свою интенсивность, относительно которой сравненіе возможно. Какъ интенсивность представленія о предметѣ равна интенсивности, съ которою предметъ въ немъ является, такъ и сужденіе причастно къ интенсивности

своего содержанія. Интенсивность представленія, лежащаго въ основѣ сужденія, есть въ то же время и въ томъ же смыслѣ интенсивность сужденія. И если мы сравнимъ съ этой интенсивностью интенсивность сопровождающаго представленія, относящагося къ сужденію, то двойнымъ путемъ, которымъ мы доказали равенство интенсивности представленія и представленія о представленіи, легко показать и здѣсь то же отношеніе. Оно подтверждается сначала правдивостью внутренняго воспріятія, а затѣмъ находитъ подтвержденіе въ томъ, что представленіе о сужденіи такъ же связано съ сужденіемъ, какъ представленіе о представленіи связано съ послѣднимъ. Содержаніе сужденія принадлежитъ какъ самому сужденію, такъ и представленію о немъ, не подвергаясь при этомъ никакому удвоенію, а потому не оставляя никакой возможности для различія интенсивностей. То же, что вѣрно для сужденія, на тѣхъ же основаніяхъ вѣрно и для всякаго другого рода сознательныхъ душевныхъ дѣятельностей.

Такимъ образомъ найденное нами функціональное отношеніе, существующее между интенсивностью сознательныхъ представленій и интенсивностью относящихся къ нимъ внутреннихъ представленій, мы должны распространить на всю область сознательныхъ душевныхъ явленій. Повсюду явленія сопровождающія и сопровождаемыя имѣютъ равную силу, и это доказываетъ, что у насъ никогда не бываетъ психическаго явленія, о которомъ бы мы не имѣли никакого представленія.

На вопросъ, существуетъ-ли безсознательное сознаніе, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его поставили, слѣдуетъ поэтому отвѣтить рѣшительнымъ—нѣтъ.

Перев. К. М. Милорадовичъ.

Подсознательное.

Введеніе.

Въ настоящее время между психологами, изучающими нормальную жизнь, такъ же, какъ и между психологами, изучающими ненормальныя явленія, существуетъ разногласіе относительно характера явленій, къ которымъ примѣнимъ терминъ „подсознательное“ и ихъ истолкованія. Немногіе психологи обозначаютъ этимъ словомъ одно и то же и даже когда какихъ-нибудь два ученыхъ даютъ одинаковое психологическое объясненіе извѣстнымъ фактамъ, они, по всей вѣроятности, примѣняютъ терминъ „подсознательное“ къ явленіямъ разнаго рода. Поэтому мнѣ кажется, что „симпозіонъ“, въ которомъ психологи и психіатры могли бы обсудить свои разногласія, будетъ вполнѣ своевременнымъ и можетъ способствовать соглашенію, по крайней мѣрѣ, относительно терминологіи, а можетъ быть, и относительно объясненія фактовъ.

Нижеслѣдующій обзоръ современной терминологіи и значеній слова „подсознательное“, поможетъ читателямъ не-спеціалистамъ слѣдить за споромъ. Профессоръ Мюнстербергъ даетъ очень ясное опредѣленіе трехъ главныхъ теорій подсознательнаго, которыхъ придерживается большая публика, врачи и психологи, и при обсужденіи вопроса удобно имѣть ихъ въ виду.

Этихъ трехъ типовъ, можетъ быть, и достаточно для обсужденія въ симпозіумѣ, но, однако, есть еще три значенія слова „подсознательное", которыхъ придерживаются нѣкоторые психологи и о которыхъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, напомнить читателю.

Вкратцѣ эти шесть значеній можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, подсознательное обозначаетъ ту часть поля сознанія, которая въ данную минуту не фиксируется вниманіемъ—область ослабленнаго вниманія. Подсознательное здѣсь обозначаетъ периферическіе или мало интенсивные элементы сознанія въ каждую данную минуту, и приставка „подъ" обозначаетъ, что мы только слабо или отчасти сознаемъ эти состоянія, видимъ ихъ краемъ нашего умственнаго взора.

Второе значеніе (второй типъ по классификаціи Мюнстерберга) заключаетъ въ себѣ теорію, которая объясняетъ факты. Терминъ „подсознательное" чаще всего употребляется въ психопатологіи именно въ этомъ смыслѣ. Подсознательныя идеи—это идеи диссоціированныя, отколовшіяся отъ центральнаго личнаго сознанія, отъ фиксаціонной точки вниманія—если мы предпочитаемъ это выраженіе,—такъ что онѣ совсѣмъ не опознаются субъектомъ, хотя онѣ активны, а не инертны. Эти диссоціированныя идеи могутъ состоять изъ однихъ только отдѣльныхъ ощущеній, какъ напримѣръ, утраченныхъ осязательныхъ ощущеній въ анэстезіи, или онѣ могутъ соединяться въ группы и системы. Другими словами, онѣ образуютъ сознаніе, существующее на-ряду съ первоначальнымъ сознаніемъ, и такимъ образомъ происходитъ удвоеніе сознанія. Диссоціированное сознаніе можетъ быть необыкновенно дѣятельнымъ. Первоначальное личное сознаніе, разумѣется, бываетъ обыкновенно главнымъ и большимъ сознаніемъ; но при исключительныхъ условіяхъ, напр.,

въ нѣкоторыхъ случаяхъ автоматическаго письма, личное сознаніе можетъ съузиться до элементарныхъ размѣровъ, а вторичное сознаніе завладѣть большей частью его способностей и сдѣлаться господствующимъ сознаніемъ.

Третье значеніе (первый типъ по классификаціи Мюнстерберга) есть дальнѣйшее развитіе второго и представляетъ теорію, которая не только подробно объясняетъ наблюдаемые факты, но обобщаетъ ихъ и выводитъ законы относительно нормальной и ненормальной жизни. Согласно этой теоріи, диссоціированныя состоянія соединяются и образуютъ самосознательную личность „я“. Подсознательныя состоянія, такимъ образомъ, пріобрѣтаютъ личный характеръ и называются „подсознательное я“, „сублиминальное я“, „сокровенное я“, „вторичное я“ и т. д.; предполагается, что это подсознательное „я“ существуетъ въ каждомъ человѣческомъ сознаніи, нормальномъ и ненормальномъ, и играетъ очень важную роль въ нашей психической жизни. Такимъ образомъ, каждое сознаніе имѣетъ двойной характеръ, не просто въ томъ смыслѣ, что два ряда мыслей протекаютъ одновременно или два ряда различныхъ и отдѣльныхъ дѣйствій происходятъ въ одно время,—и даже не въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя отдѣльныя воспріятія не опознаются личнымъ „я“, но въ томъ смыслѣ, что у насъ есть два „я“, каждому изъ которыхъ часто отводится своя особая область. Ихъ называютъ верхнее и нижнее сознаніе, бодрствующее и скрытое сознаніе и т. д. Слѣдовательно, эта теорія не только вводитъ понятіе диссоціированныхъ идей въ нормальную жизнь и дѣлаетъ ихъ постояннымъ элементомъ человѣческаго ума, но и превращаетъ подсознательный синтезъ въ нѣчто самосознательное, что можетъ говорить о себѣ, какъ о „я“.

Четвертое значеніе подсознательнаго, согласно опредѣленію, включаетъ: во-первыхъ, диссоціированныя идеи (которыя входятъ во второе значеніе) и, во-вторыхъ, всѣ прошлыя переживанія, которыя или забыты и не могутъ быть воспроизведены или могутъ быть воспроизведены, какъ воспоминанія, но въ данную минуту находятся внѣ сознанія, потому что мысли наши ушли дальше и мы думаемъ о чемъ-нибудь другомъ. Всѣ эти потенціальныя воспоминанія включаются въ область подсознательнаго, которое, такимъ образомъ, служитъ для обозначенія двухъ классовъ явленій: активныхъ диссоціированныхъ состояній и не активныхъ, т.-е. забытыхъ или находящихся внѣ сознанія (опредѣленіе Сидиса).

Пятое значеніе (теорія Майерса) является дальнѣйшимъ развитіемъ третьяго и заключаетъ въ себѣ метафизическую теорію, стоящую за предѣлами всѣхъ фактовъ, которые мы можемъ наблюдать въ другихъ или въ себѣ. Ее называютъ иногда теоріей сублиминальнаго сознанія, употребляя этотъ терминъ, какъ синонимъ „подсознательнаго“. Подсознательныя идеи уже не разсматриваются какъ диссоціированныя психическія состоянія, а становятся центральнымъ резервуаромъ сознанія; личное же сознаніе дѣлается небольшимъ ручейкомъ, вытекающимъ изъ этого огромнаго хранилища сублиминальныхъ идей, какъ онѣ называются. Внутри насъ находится громадный резервуаръ сознанія, но мы сознаемъ только небольшую часть его содержанія. Другими словами, только небольшая часть всей суммы нашихъ сознательныхъ состояній образуетъ личное сознаніе. Личное „я“ даже становится нижнимъ сознаніемъ, вытекающимъ изъ верхняго сублиминальнаго сознанія, которое иногда разсматривается, какъ часть трансцендентальнаго міра; и это сознаніе является съ одной стороны источни-

комъ геніальныхъ вдохновеній, а съ другой—управляетъ физическими процессами тѣла.

Шестое значеніе (третій типъ по классификаціи Мюнстерберга) есть чисто физіологическое толкованіе явленій, которыя обыкновенно объясняются дѣятельностью подсознательныхъ идей. Нѣкоторые психологи полагаютъ, что такія явленія, какъ автоматическое письмо и рѣчь, такъ называемое, подсознательное рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ, истерическія вспышки и т. д., лучше всего объясняются чисто нервными процессами, вовсе не сопровождающимися психическою дѣятельностью. Эти явленія оказываются, такимъ образомъ, просто физіологическими тѣлесными процессами, и подсознательное отождествляется—согласно старой теоріи Карпентера—съ безсознательной мозговой дѣятельностью!

I.

Гуго Мюнстербергъ.

Въ симпозіонѣ на долю каждаго автора достается только нѣсколько страницъ и по недостатку мѣста нѣтъ возможности разобраться во всемъ томъ матеріалѣ, на основаніи котораго возникла теорія о подсознательномъ. Практическое изученіе гипнотизма, автоматическаго письма, истеріи и другихъ анормальныхъ явленій убѣдило меня, что, прежде чѣмъ допустить всѣ эти факты, необходимо тщательно ихъ изслѣдовать. Но для цѣлей теоретическаго изслѣдованія удобно имѣть общую точку отправленія и потому мнѣ кажется благоразумнымъ не спорить относительно явленій, о которыхъ идетъ рѣчь, а допустить, что они существуютъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ могъ бы представить самый легковѣрный наблюдатель.

Но даже если допустить всѣ эти факты безъ исключенія, несомнѣнно, что само подсознательное не войдетъ въ ихъ число. Наблюдаемыя явленія должны быть или сознательными психическими явленіями, на основаніи которыхъ мы заключаемъ о безсознательныхъ психическихъ состояніяхъ, или физическими дѣйствіями, необъяснимыми сознательными представленіями, эмоціями или хотѣніями и для объясненія которыхъ приходится такимъ образомъ допустить присутствіе

безсознательныхъ факторовъ. Сознательное переживаніе ясновидѣнія или воспоминаніе осязательныхъ ощущеній въ анэстезированной рукѣ, или внезапное рѣшеніе задачи, которая исчезла изъ поля сознанія — или, если хотите, каждый геніальный поступокъ, быть можетъ, и указываютъ на присутствіе такихъ гипотетическихъ подсознательныхъ факторовъ, но несомнѣнно, что въ опытѣ дано сознательное видѣніе, воспоминаніе или рѣшеніе, а безсознательное постулируется въ цѣляхъ объясненія. Точно такъ же въ случаѣ автоматическаго письма или истерическихъ поступковъ физическіе процессы очевидны, о присутствіи же подсознательной дѣятельности мы можемъ только умозаключать.

Признаніе, что подсознательное есть лишь результатъ умозаключенія, посредствомъ котораго мы стараемся объяснить извѣстныя явленія, не дѣлаетъ его менѣе реальнымъ съ точки зрѣнія науки; расплавленное вещество въ срединѣ земного шара есть логическое предположеніе такого же рода. Но изъ признанія этого факта слѣдуетъ, что единственно правильная постановка вопроса такова: которая изъ многочисленныхъ гипотезъ о безсознательномъ лучше всего объясняетъ факты?

Очевидно, однако, что выборъ той или иной гипотезы можетъ и долженъ зависѣть отъ многихъ побочныхъ соображеній. Напримѣръ, когда врачъ подходитъ къ этимъ фактамъ, онъ естественно интересуется, главнымъ образомъ ихъ практической стороной. Потому онъ строитъ свою гипотезу такъ, чтобы возможно яснѣе показать разницу между нормальной и ненормальной психической жизнью и дать простое описаніе наблюдаемыхъ явленій, настолько опредѣленное, чтобы съ его помощью можно было заранѣе предсказать, какъ будетъ вести себя больной. Съ другой стороны когда къ тѣмъ же самымъ фактамъ подходитъ не-спе-

піалистъ, его поражаетъ ихъ необыкновенность; удивленіе передъ ними пробуждаетъ въ немъ сознаніе таинственности міра вообще и онъ склоненъ предпочесть гипотезу, дающую такое объясненіе фактамъ, которое удовлетворяло бы въ то же время его высшіе запросы, можетъ быть, даже его религіозное чувство. Когда, наконецъ, къ тѣмъ же фактамъ подходитъ психологъ-теоретикъ, онъ не думаетъ ни о леченіи, ни о требованіяхъ чувства, но и онъ смотритъ на нихъ не просто какъ на странные факты, а гораздо глубже. Его интересуетъ главнымъ образомъ вся остальная психическая жизнь и потому онъ предпочитаетъ такое объясненіе, которое ставитъ анормальные факты въ самую близкую связь съ нормальными процессами и прилагаетъ одни и тѣ же законы къ обоимъ.

Итакъ, существуютъ три теоріи: первую защищаетъ главнымъ образомъ, большая публика, вторую—врачи, третью—психологи. Но между ними нельзя провести рѣзкихъ границъ. Первая группа утверждаетъ, что подсознательное—это духовная жизнь развитой реальной личности, лежащей въ глубинѣ сознательнаго „я“,—что подсознательное „я“ помнитъ, думаетъ, чувствуетъ, желаетъ вполнѣ самостоятельно, вліяетъ на нашу сознательную жизнь, помогаетъ ей, озаряетъ ее своимъ свѣтомъ и причиняетъ анормальныя явленія. Большая публика держится за это объясненіе тѣмъ крѣпче, что на его основаніи легко установить телепатическое сообщеніе между подсознательными „я“ или установить ихъ связь съ мистическими существами. Вторая группа утверждаетъ: подсознательное имѣетъ психическій характеръ, но не представляетъ органическаго единства; оно состоитъ изъ идей, но вначалѣ онѣ не образуютъ личности. Это—диссоціированный, отколовшійся отъ сознательнаго „я“ психическій матеріалъ, который только впослѣдствіи можетъ соединиться въ но-

вое отдѣльное „я“. Такимъ образомъ, въ нормальныхъ случаяхъ подсознательное вовсе не лежитъ въ основѣ нашей психической жизни: оно есть нѣчто патологическое, или, по меньшей мѣрѣ, искусственное. Наконецъ, третья группа утверждаетъ, что подсознательная подкладка анормальныхъ явленій тожественна съ тою дѣятельностью, которая лежитъ въ основѣ обыкновенныхъ процессовъ памяти, вниманія и т. д., подсознательное совсѣмъ не имѣетъ психическаго характера, а есть физіологическій мозговой процессъ.

Эти три теоріи вполнѣ отвѣчаютъ эмоціональнымъ требованіямъ мистика, практическимъ требованіямъ врача и теоретическимъ требованіямъ психолога и до извѣстной степени онѣ всѣ могутъ быть одинаково полезны; которая изъ трехъ наиболѣе приложима въ каждомъ данномъ случаѣ, зависитъ отъ той цѣли, которую мы имѣемъ въ виду. По крайней мѣрѣ, вторая теорія имѣетъ точки соприкосновенія съ каждой изъ двухъ другихъ. Такъ же, какъ и первая, она утверждаетъ, что подсознательное психично, но первая считаетъ его единствомъ, тогда какъ вторая разсматриваетъ его какъ продуктъ диссоціаціи. Такъ же, какъ и третья, она находитъ, что не существуетъ самостоятельнаго „я“, которое лежало бы въ глубинѣ сознанія, но утверждаетъ, что подсознательные процессы психичны, тогда какъ, согласно третьей теоріи, они имѣютъ физіологическій характеръ. Это послѣднее различіе не мѣшаетъ приверженцамъ второй теоріи допускать также и физіологическое основаніе для подсознательныхъ идей, а сторонникамъ третьей — употреблять психологическіе термины „идея“, „эмоція“, „хотѣніе“ и т. п. для краткаго описанія сложныхъ физіологическихъ процессовъ, какъ будто бы они дѣйствительно сопровождались психическими явленіями. Но тѣмъ не менѣе основная разница остается, и разъ

мнѣ приходится выбирать, я присоединяюсь къ психологамъ третьей группы — подсознательное вовсе не психично.

Я укажу здѣсь лишь на самыя общія основанія своего выбора. Объясненія, которыя приводятся всѣми теоріями подсознательнаго, имѣютъ двойной характеръ. Во-первыхъ, предполагается существованіе резервуара, въ которомъ содержатся подсознательныя идеи, а, во-вторыхъ, существованіе мастерской, въ которой вырабатываются продукты мысли, поскольку они не разработаны сознательно. Резервуаръ, полный диссоціированныхъ идей, нуженъ для того, чтобы объяснить появленіе странныхъ сознательныхъ идей и странныхъ поступковъ. Мастерская нужна для того, чтобы объяснить сознательные результаты дѣятельности, повидимому, синтетической, но происходящей независимо отъ контроля нашего сознанія. Что это за резервуаръ? Разумѣется, если мы назовемъ его резервуаромъ идей, мы тѣмъ самымъ уже предрѣшимъ вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь: идеи имѣютъ психическій характеръ Психологи, изучающіе анормальныя явленія, въ этомъ случаѣ совершаютъ такой-же кругъ въ заключеніи (circulus vibiosus) какой часто встрѣчается у психологовъ, изучающихъ жизнь животныхъ. Послѣдніе заключаютъ, что животныя, стоящія на извѣстной степени развитія, должны обладать сознаніемъ, потому что они обладаютъ памятью. Память есть, конечно, понятіе психологическое, но вопросъ какъ разъ въ томъ и заключается, слѣдуетъ ли объяснить поведеніе этихъ животныхъ психологически — памятью, или физіологически — слѣдами предыдущихъ возбужденій. На основаніи наблюденій нельзя рѣшить, которое изъ этихъ объясненій правильно,—мы должны рѣшить это, прежде чѣмъ приняться за изученіе фактовъ. Другими словами, вопросъ, обладаютъ ли животныя сознаніемъ или нѣтъ,

нельзя рѣшить опытнымъ путемъ; это—вопросъ гносеологическій. Точно такъ же и здѣсь: ни одно анормальное переживаніе не можетъ само по себѣ служить доказательствомъ того, что требуется психологическое, а не физіологическое объясненіе; это—философскій вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ теоретически прежде, чѣмъ мы можемъ приняться за объясненіе спеціальныхъ фактовъ.

Ставить объясненіе въ зависимость именно отъ ненормальныхъ явленій тѣмъ болѣе несправедливо, что положеніе вещей нисколько не отличается отъ случая обыкновенной памяти. Если я воспроизвожу путемъ ассоціаціи какое-нибудь названіе или мѣстность, которую я видѣлъ десять лѣтъ тому назадъ, я тоже могу предположить, что все это лежало во мнѣ въ видѣ подсознательной идеи или, по крайней мѣрѣ, психическаго предрасположенія, и могло быть воспроизведено только потому, что во всѣ эти десять лѣтъ какая-то сторона моей психической жизни продолжала существовать внѣ моего сознанія. Но тѣ, которые настаиваютъ, что образы памяти указываютъ на присутствіе психическаго предрасположенія, и не могутъ быть объяснены физіологическими слѣдами забываютъ, что, разсуждая такимъ образомъ, придется допустить спеціальное психическое предрасположеніе для каждаго новаго воспріятія. Каждый разъ, какъ мы видимъ или слышимъ что-нибудь, представленіе „загадочнымъ образомъ“ входитъ въ наше сознаніе и можно только удивляться, какъ легко психологи упускаютъ изъ виду сходство проблемъ простого воспріятія, обыкновенной памяти и ненормальнаго появленія диссоціированныхъ представленій. Утверждать, что идеи воспріятія также встрѣчаютъ въ насъ спеціальное психическое предрасположеніе нелѣпо потому, что тогда придется допустить подсознательную психическую дѣятельность для каждаго возможнаго

впечатлѣнія. А если всѣ возможныя впечатлѣнія въ равной мѣрѣ подготовлены подсознательною дѣятельностью, мы не можемъ объяснить появленія ни одного изъ нихъ, такъ какъ всякое другое будетъ имѣть точно такіе же шансы. Итакъ, въ случаѣ воспріятія мы принуждены объяснять психическія представленія одними только физическими процессами въ мозгу. Но если новое представленіе зависитъ единственно отъ новаго возбужденія въ мозгу, мы легко можемъ примѣнить такое же толкованіе къ памяти и объяснить возобновленіе представленій посредствомъ возобновленія процесса въ мозгу, безъ всякаго отношенія къ сохраняющемуся психическому слѣду. И если нормальная память можетъ работать безъ помощи подсознательнаго, то нѣтъ основанія внезапно допускать его присутствіе въ случаѣ ненормальнаго появленія представленій, повидимому, необъяснимыхъ, какъ напр., при ясновидѣніи и сотнѣ другихъ подобныхъ явленій. Иллюзіи обыкновенной памяти сближаютъ нормальное воспроизведеніе съ патологическими. Посредствомъ процессовъ въ мозгу безъ всякой подсознательной подготовки мы можемъ объяснить анормальныя явленія въ такой же мѣрѣ, какъ наука объясняетъ явленія зрѣнія и слуха.

Но если нѣтъ резервуара, въ которомъ хранится запасъ подсознательныхъ идей, то не можетъ быть и мастерской, въ которой эти идеи подсознательно комбинируются. Въ этомъ случаѣ опять-таки физіологическая дѣятельность объясняетъ намъ ровно столько же, сколько и психическій механизмъ. Разумѣется, популярная наука прибѣгаетъ первымъ дѣломъ къ психологическому толкованію потому, что въ скрытыхъ процессахъ, присутствіе которыхъ мы должны предположить для объясненія сознательныхъ результатовъ, обнаруживается выборъ и цѣлесообразность. Но имѣемъ

ли мы на самомъ дѣлѣ право настаивать, что выборъ и цѣлесообразность непремѣнно указываютъ на присутствіе психическихъ факторовъ и несовмѣстимы съ физическими процессами? Наоборотъ, когда цѣлесообразность значитъ,—какъ въ этомъ случаѣ—извѣстное приспособленіе къ цѣлямъ индивида, мы должны признать, что каждый организмъ проявляетъ цѣлесообразность въ этомъ смыслѣ. Когда тѣло переваривает пищу, сотни тысячъ клѣточекъ совершаютъ удивительно сложную работу. Для цѣлей организма и онѣ выбираютъ нужные химическіе процессы болѣе правильно, чѣмъ сдѣлалъ бы любой химикъ; но, однако, никто не предполагаетъ, что во внутренностяхъ происходитъ умственная работа. Точно такъ же всѣ другія ткани совершаютъ цѣлесообразную работу благодаря физическимъ причинамъ, и у насъ нѣтъ основанія ожидать меньшаго отъ тканей центральной нервной системы. Почему онѣ не могутъ тоже причинять физіологическіе процессы, которые ведутъ къ хорошо приспособленнымъ результатамъ и такимъ образомъ, къ, повидимому, цѣлесообразнымъ чувственнымъ возбужденіямъ и двигательнымъ импульсамъ? Но мы должны пойти гораздо дальше. Физіологическая мозговая дѣятельность не только вполнѣ можетъ дать „разумные“ результаты, но одна только она и можетъ это дѣлать—психологическая дѣятельность совершенно на это неспособна. Большинству такое утвержденіе, разумѣется, покажется нелѣпымъ; и дѣйствительно, чтобы понять его значеніе, необходимо извѣстное философское пониманіе логики наукъ. Въ короткихъ словахъ мы могли бы выразить свой взглядъ слѣдующимъ образомъ, разумѣется, не обосновывая его подробно. Наша внутренняя жизнь есть система чувствованій, цѣлей, волевыхъ рѣшеній. Но психологія не изучаетъ внутренней жизни во всей ея непосредственной цѣлесообразной реаль-

ности. Для того, чтобы понять эту реальную жизнь и ея живыя внутреннія взаимоотношенія, мы должны проникнуть въ ея смыслъ и дать ей оцѣнку; такъ поступаетъ, напримѣръ, философъ или историкъ. Но психологія—наука, которая стремится описать и объяснить внутреннюю жизнь и стоитъ на логической, искусственной точкѣ зрѣнія. И потому для своихъ цѣлей психологія разсматриваетъ внутренній опытъ какъ рядъ явленій, подлежащихъ описанію; она превращаетъ то, реальность чего мы только чувствуемъ въ волевыхъ процессахъ, въ воспринимаемые предметы, въ содержанія сознанія. Благодаря такому превращенію истинная цѣлесообразность и даже вся внутренняя связь между волевыми актами исчезаетъ; у психологическихъ явленій, какъ таковыхъ, нѣтъ намѣреній и значенія, и они становятся просто обрывками безжизненнаго психическаго матеріала, комплексами нефизическихъ предметовъ, составленныхъ изъ элементовъ, которые мы называемъ ощущеніями. И такъ какъ, вслѣдствіе объективированія, этотъ матеріалъ потерялъ всю свою внутреннюю связность и цѣлесообразность, онъ не имѣетъ даже возможности вступить въ какое-либо прямое причинное отношеніе. Физическія явленія могутъ и должны быть мыслимы какъ причинно соединенныя, психическія же—нѣтъ. Не можетъ быть причинности тамъ, гдѣ предметы не продолжаютъ существовать во времени, но уничтожаются въ ту же минуту, какъ возникаютъ; а психологическій матеріалъ именно этимъ и характеризуется. Міръ имѣетъ физическій характеръ, поскольку мы считаемъ его однимъ и тѣмъ же, хоть онъ и данъ намъ въ вѣчно новыхъ переживаніяхъ; значеніе причинности заключается именно въ дальнѣйшей разработкѣ тожественности матеріальнаго міра. Предметы имѣютъ психическій характеръ, поскольку они не тожественны въ новыхъ

переживаніяхъ, а творятся заново въ каждомъ новомъ актѣ. Поэтому во внутренней жизни, какъ ее разсматриваетъ психологія, нѣтъ прямой причинности, поэтому причинное объясненіе приложимо къ психическимъ явленіямъ только косвенно, поскольку ихъ можно разсматривать какъ дополненіе физическихъ процессовъ. Въ короткихъ словахъ, съ точки зрѣнія психологіи даже и между вполнѣ сознательными явленіями психической жизни нѣтъ дѣйствительной связи, и они не могутъ являться причинами или служить объясненіемъ чему-либо. Они—эпифеномены, а причинная зависимость между объективированными фактами сознанія кроется въ физіологической дѣятельности. И потому крайне ошибочно придумывать подсознательную психическую дѣятельность спеціально для того, чтобъ она служила причиной извѣстныхъ явленій, вмѣсто того, чтобы предоставить это дѣятельности большого мозга, на которую мы можемъ положиться. Единственное основаніе, на которомъ это дѣлается, заключается въ томъ, что мы обыкновенно смѣшиваемъ — этимъ нерѣдко грѣшатъ и психологи—психологическій матеріалъ, составляющій часть феноменальнаго міра, съ телеологическимъ значеніемъ нашей внутренней жизни въ мірѣ цѣлей. Воля, поскольку она направлена къ цѣли, связываетъ и придаетъ смыслъ явленіямъ реальной жизни, и входитъ, какъ таковая, въ этику, законы или исторію. Но воля, какъ психологическое содержаніе, ничего не связываетъ и не ведетъ ни къ чему дальнѣйшему, а есть просто происходящій феноменъ. Но лишь въ этой нереальной формѣ, построенной путемъ абстракцій и общихъ понятій, можетъ воля войти въ систему описательной и объяснительной науки. Такимъ образомъ въ объяснительной системѣ психологіи цѣль, какъ таковая, не служитъ ничему объясненіемъ. Такъ, астрономія не повторяетъ больше ошибки

шестнадцатаго столѣтія, которое смѣшивало категоріи, считая красоту извѣстныхъ кривыхъ причиной извѣстныхъ астрономическихъ движеній.

Итакъ, нѣтъ основанія предполагать, что существуютъ психическіе факты, находящіеся внѣ сознанія—такое предположеніе противорѣчитъ смыслу слова сознаніе. Сознаніе не можетъ быть прибавлено къ имѣющимся на лицо психическимъ фактамъ, но указываетъ именно на существованіе психическихъ явленій. Сознаніе не можетъ дѣйствовать, не можетъ смотрѣть въ ту или другую сторону, озарять своимъ свѣтомъ однѣ идеи и оставлять другія безъ освѣщенія. Нѣтъ, сознаніе означаетъ просто логическое отношеніе между своими содержаніями; психическія явленія существуютъ въ сознаніи точно такъ же, какъ физическія явленія существуютъ въ природѣ; не можетъ быть физическихъ явленій внѣ природы. Психологъ долженъ въ виду этихъ соображеній рѣзко разграничивать патологическіе случаи, въ которыхъ несомнѣнно ненормальныя явленія, дѣйствительно, замѣчаются въ сознательной жизни, отъ случаевъ, въ которыхъ съ точки зрѣнія сознанія имѣются лишь отрицательныя данныя—пробѣлы тамъ, гдѣ слѣдовало бы быть идеямъ. Къ первому типу принадлежитъ, напр., раздвоеніе личности; это—случай ненормальной группировки психическихъ переживаній. Ко второму типу принадлежатъ тѣ разнообразныя явленія, на основаніи которыхъ возникла теорія диссоціированныхъ или автоматическихъ подсознательныхъ психическихъ процессовъ. Диссоціированныхъ идей съ точки зрѣнія психологіи не существуетъ; такъ, тиканье часовъ въ моей комнатѣ для меня не существуетъ, покуда мое вниманіе поглощено чтеніемъ; тиканье достигаетъ моего мозга и, можетъ быть, оставляетъ въ немъ слѣды, но звуковое ощущеніе не доходитъ до сознанія. Такимъ образомъ все, что

привело къ теоріи подсознательныхъ психическихъ явленій, оказывается просто случаемъ большей или меньшей задержки ощущеній. Почему психическіе процессы, сопровождающіе процессы физическіе, иногда не доходятъ до сознанія, должно быть объяснено, конечно, физіологически; все указываетъ, повидимому, на связь между чувственнымъ возбужденіемъ и тѣмъ, можетъ ли оно или не можетъ передаться по двигательнымъ проводникамъ.

Правда, такое физіологическое объясненіе оставляетъ мало мѣста для мистическихъ теорій, къ которымъ легко придти отъ понятія подсознательной психической жизни. Но одно изъ немаловажныхъ достоинствъ научнаго физіологическаго объясненія въ томъ и заключается, что оно мѣшаетъ такой псевдофилософіи. Психологія, если даже она и включаетъ психологическія явленія, скрытыя подъ покровомъ безсознательнаго, никогда не можетъ быть исходной точкой для метафизики потому, что, какъ мы уже указали раньше, психологическій матеріалъ получается путемъ искусственнаго превращенія истинныхъ жизненныхъ переживаній. Психологическія явленія такъ же нереальны, какъ атомы, существованіе которыхъ математическая физика предполагаетъ для своихъ теоретическихъ цѣлей. Если мы ищемъ истинную философію, мы должны вернуться къ реальному непосредственному переживанію волевой дѣятельности, которое не поддается описанію какъ таковое, хотя и является источникомъ всѣхъ психологическихъ построеній. Самыя идеалистическія философскія истолкованія и оцѣнка этой истинной жизни вполнѣ совмѣстимы съ самымъ радикальнымъ физіологическимъ объясненіемъ психопатологіи. Физіологическая психологія ни въ коемъ случаѣ не должна поэтому говорить на языкѣ, употребляемомъ теоріей „сублиминальнаго я“, такъ какъ теорія эта очень

легко переходитъ въ псевдофилософію. Но она можетъ пользоваться терминологіей теоріи диссоціированныхъ идей съ условіемъ, чтобы психологическіе термины служили только ярлыками для крайне сложныхъ нервныхъ физіологическихъ процессовъ. Если бы мнѣ пришлось писать исторію миссъ Бичамъ, я бы разсматривалъ всѣ подсознательные процессы какъ физіологическіе, но ради удобства и ясности описывалъ бы ихъ на языкѣ психологіи, какъ это дѣлалъ столь удачно иниціаторъ нашего симпозіона.

II.

Теодоръ Рибо.

Вопросъ о подсознательномъ такъ обширенъ, сложенъ и труденъ, что я буду доволенъ, если въ этой короткой статьѣ мнѣ удастся хоть нѣсколько способствовать его выясненію.

Въ вопросѣ этомъ слѣдуетъ различать двѣ стороны: — положительную, состоящую изъ фактовъ, и гипотетическую, состоящую изъ теорій.

Что касается фактовъ, мнѣ кажется удобнымъ раздѣлить ихъ на двѣ категоріи:

1) Подсознательное статическое, въ которое входятъ привычки, память и вообще все организованное знаніе. Это—состояніе покоя, отдыха, хотя только относительнаго, такъ какъ представленія постоянно уничтожаютъ другъ друга и измѣняются.

2) Подсознательное динамическое, т.-е. состояніе скрытой дѣятельности, въ которомъ представленія возникаютъ и разрабатываются. Психологи, писавшіе по этому вопросу, приводятъ множество примѣровъ такой дѣятельности. Изъ этого источника вытекаетъ творческая работа, вдохновеніе при открытіяхъ вся-

каго рода, импровизація, и даже въ болѣе слабой степени и скромной формѣ,—неожиданные удачные отвѣты и bons mots—и вообще все, что внезапно вспыхиваетъ молніей въ нашемъ сознаніи.

Подсознательные процессы, которые мы назвали динамическими, наиболѣе разнообразны и плодотворны, и потому естественно они главнымъ образомъ являются предметомъ для споровъ и гипотезъ.

Но по вопросу о природѣ подсознательной дѣятельности царитъ полное разногласіе, и онъ еще совершенно невыясненъ. Разумѣется, возможно утверждать, что, въ душевной жизни изобрѣтателя, подсознательная дѣятельность протекаетъ совершенно такъ же, какъ и сознательная, съ тою только разницей, что его „я" ничего о ней не знаетъ; что дѣятельность, за которою мы можемъ слѣдить въ своемъ сознаніи, съ ея движеніями то впередъ, то назадъ, тождественна съ тою дѣятельностью, которая происходитъ безъ нашего вѣдома. Такая гипотеза возможна, но далеко не доказана.

Существуютъ двѣ діаметрально противоположныя теоріи относительно сущности подсознательной дѣятельности. Первая теорія (Майерсъ, Дельбёфъ и другіе болѣе современные писатели) носитъ характеръ своеобразнаго біологическаго мистицизма. По мнѣнію этихъ авторовъ, подсознательная дѣятельность въ нѣкоторыхъ людяхъ обладаетъ почти сверхъестественными силами не только трофическаго и физіологическаго, но и психологическаго характера и является въ индивидѣ соединительнымъ звеномъ между человѣческимъ и божескимъ.

Вторая теорія, наиболѣе полно выраженная въ книгѣ Бориса Сидиса, о внушеніи рисуетъ далеко не лестную картину подсознательнаго: оно глупо, необычайно легковѣрно, лишено критическихъ способностей

и нравственности и его главный умственный механизмъ тотъ же, что и у животныхъ—ассоціація по смежности.

Мнѣ кажется, эти двѣ гипотезы въ сущности не непримиримы, потому что достоинства и недостатки, о которыхъ они упоминаютъ, коренятся въ самой природѣ человѣка и распредѣлены между людьми неравномѣрно. Но гораздо болѣе важенъ вопросъ о томъ, въ чемъ заключается сущность подсознательной дѣятельности. Несмотря на то, что многіе психологи всячески затемняютъ смыслъ этого вопроса и такимъ образомъ пытаются обойти его, неизбѣжная проблема должна быть рѣшена: психологично или физіологично подсознательное?

Психологическое рѣшеніе вопроса основывается на двусмысленномъ употребленіи слова „сознательное". Сознательное всегда имѣетъ одинъ неизмѣнный признакъ: оно есть внутреннее событіе, которое существуетъ не само по себѣ, а для меня, и поскольку оно опознается мною. Психологическое рѣшеніе допускаетъ, что если перейти отъ яснаго сознанія къ периферическому и продолжать спускаться все ниже и ниже къ безсознательному, которое проявляетъ себя лишь моторными реакціями, это простѣйшее состояніе до конца остается по существу тожественнымъ съ сознаніемъ, хотя и несравненно бѣднѣе его по содержанію. Въ основѣ психологической теоріи во всѣхъ ея формахъ лежитъ невысказанная мысль, что сознаніе подобно количеству, которое можетъ безконечно уменьшаться, не доходя до нуля. Но для этого предположенія нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Опыты психофизіологіи съ порогомъ сознанія хоть они и не рѣшаютъ вопроса, скорѣе подтверждаютъ противное мнѣніе: ощущаемый minimum появляется и исчезаетъ внезапно. Этотъ и другіе факты, которые легко можно привести, мнѣ кажется, противорѣчатъ гипотезѣ, что

сознаніе непрерывно и можетъ безконечно увеличиваться или уменьшаться.

Физіологическая гипотеза очень проста и имѣетъ мало разновидностей. Она утверждаетъ, что подсознательная дѣятельность есть просто дѣятельность мозга, а психическіе факторы, которые обыкновенно сопровождаютъ работу нервныхъ центровъ, отсутствуютъ. Я склоненъ стать на сторону этой гипотезы, хоть я и не закрываю глазъ на ея недостатки и трудности. По крайней мѣрѣ, она, по моему, не противорѣчива, какъ противоположная гипотеза. Многочисленными опытами (Фере, Бине, Моссо, Жане, Ньюбольдъ и другіе) установлено, что безсознательныя (неопознанныя) ощущенія дѣйствуютъ на насъ, потому что они вызываютъ такія же реакціи, какъ и сознательныя ощущенія; Моссо даже утверждаетъ, что „свидѣтельство сознанія менѣе достовѣрно, чѣмъ свидѣтельство сфигмографа". Но есть случаи болѣе сложные. Таковъ, напримѣръ, случай изобрѣтенія. Здѣсь уже недостаточно допустить приспособленіе къ извѣстной цѣли, которое можно объяснить одними только физіологическими факторами; изобрѣтеніе указываетъ на цѣлый рядъ приспособленій, поправокъ и разумныхъ дѣйствій, которыя лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть совершены одной только нервной системой безъ помощи сознанія. Но, несмотря ни на что, я все болѣе и болѣе склоняюсь въ сторону физіологической гипотезы и вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію, высказанному недавно въ Америкѣ Ястровымъ (Jastrow) и болѣе ясно А. Х. Пирсомъ въ его „Психологическихъ и философскихъ очеркахъ" (1906), въ которыхъ онъ приводитъ такіе убѣдительные доводы въ пользу физіологическаго толкованія, что всѣ дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи кажутся мнѣ безполезными.

Еще остается вопросъ о двойственной личности, или, болѣе точно, о множественной личности.

Въ настоящее время большинство психологовъ допускаютъ, что я, личность, есть синтетическій комплексъ, который въ своемъ нормальномъ состояніи состоитъ изъ сравнительно прочныхъ элементовъ, несмотря на непрерывныя измѣненія. Въ ненормальныхъ случаяхъ, когда появляется новая личность, едва ли можно сомнѣваться, что подсознательная дѣятельность способствовала ея образованію—съ одной стороны, въ своей статической формѣ, возобновленіемъ привычекъ или воспоминаній, которыя, повидимому, исчезли, а съ другой стороны—появленіемъ умственныхъ или нравственныхъ предрасположеній, высшихъ или низшихъ, добрыхъ или злыхъ, которыя до тѣхъ поръ были скрыты, теперь же характеризуютъ новую личность.

Но эта психологическая проблема совершенно отлична отъ вопроса о сущности подсознательнаго. Этотъ новый комплексъ, для котораго подсознательное только поставляетъ матеріалы (да и то лишь отчасти), зависитъ отъ глубоко лежащихъ, вѣроятно, физіологическихъ причинъ, коренящихся въ органическихъ ощущеніяхъ. Какого бы мнѣнія мы ни придерживались относительно роли этихъ послѣднихъ, вопросъ о множественной личности требуетъ спеціальнаго изслѣдованія; подсознательные процессы являются въ сущности лишь результатами, слѣдствіемъ, и играютъ подчиненную, второстепенную роль.

III.

Пьеръ Жане.

Вы задали мнѣ трудную задачу и я боюсь, что едва-ли смогу исполнить ее удовлетворительно. Вы

просите меня высказаться относительно метафизическихъ теорій, которыя возникли за послѣднее время и основываются, повидимому, на изученіи явленій, описанныхъ мною однажды подъ именемъ „подсознательное“. Мои изслѣдованія были сдѣланы уже давно—они появились въ печати между 1886 и 1889 годами—и не даютъ мнѣ права вмѣшаться въ этотъ серьезный споръ; сфера ихъ гораздо уже и они имѣютъ гораздо болѣе скромный характеръ. Современныя изслѣдованія, имѣютъ-ли они спиритуалистическую или матеріалистическую тенденцію, углубляются въ самую отвлеченную метафизику; въ моей же скромной работѣ я просто старался выяснить, описать и классифицировать нѣкоторыя явленія патологической психологіи.

Разстройство представленія о личности часто встрѣчается въ психіатріи. Встрѣчается не только разстройство представленія, которое больной составляетъ о своей личности, когда, напримѣръ, онъ считаетъ себя королемъ или животнымъ, но также очень часто попадаются странныя способности испытывать нѣкоторыя явленія, какъ часть своего „я“.

Несомнѣнно, что въ насъ происходитъ извѣстная классификація психическихъ явленій: нѣкоторыя изъ нихъ приписываются внѣшнему міру, другія группируются вокругъ нашего представленія о своемъ „я“. Это представленіе—все равно, правильно оно или нѣтъ—создается, вѣроятно, въ значительной степени нашимъ соціальнымъ воспитаніемъ и становится центромъ, вокругъ котораго мы группируемъ извѣстные факты, въ то время какъ другіе мы относимъ къ внѣшнему міру. Не входя въ обсужденіе сущности этого раздѣленія, какъ оно происходитъ въ нормальномъ сознаніи, и его правильности, я просто отмѣчаю тотъ фактъ, что нѣкоторые больные часто не признаютъ извѣстныя явленія за свои личныя пережива-

нія, тогда какъ другіе безъ всякаго колебанія приписываютъ ихъ себѣ.

Одна моя паціентка, больная тифомъ, говорила мнѣ въ бреду: „только подумайте, какъ ужасно болитъ голова у моего бѣднаго мужа; посмотрите, какъ больны мои дѣти, кто-то разрѣзаетъ имъ животы". Она приписывала другимъ лицамъ ощущенія боли, которыя мы обыкновенно безъ всякаго колебанія относимъ къ себѣ. Еще чаще, среди большого класса больныхъ, которыя я называю психастениками, встрѣчается нѣсколько иная иллюзія; многіе изъ нихъ постоянно повторяютъ замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: „это не я чувствую, не я говорю, не я ѣмъ, не я страдаю, не я сплю, я умеръ и это не я вижу ясно" и т. д. [1]).

Легко убѣдиться, что движенія этихъ больныхъ нормальны, ихъ различныя ощущенія, даже моторныя и органическія, правильны, но паціентъ, тѣмъ не менѣе, утверждаетъ, что онъ не относитъ ихъ къ себѣ, и, насколько это возможно, онъ поступаетъ такъ, точно онъ дѣйствительно ихъ не имѣетъ. Сегла (Sèglas) описываетъ больного этого типа, который увѣрялъ, что у него нѣтъ памяти, и поступалъ, насколько могъ, такъ, точно онъ на самомъ дѣлѣ совершенно потерялъ память, хотя было легко доказать, что въ дѣйствительности онъ ничего не забылъ [2]). Кажущееся разстройство памяти такъ же, какъ кажущееся разстройство ощущеній и движенія есть просто нарушеніе правильнаго развитія представленія и чувства личности.

У психастениковъ разстройство личности не полное. Оно, несомнѣнно, замѣтно въ области умствен-

---

[1]) Neuroses et idées fixes 1898, II, p. 62; Obsessions et psychasthenie 1903, I, pp. 28 и 307 II, p. 40, 351.

[2]) „Journal de psychologie normale et pathologique", Мартъ, 1907, p. 97.

ныхъ процессовъ, которые справедливо можно назвать высшими—въ сужденіяхъ узнаванія, посредствомъ которыхъ вниманіе связываетъ новыя психическія содержанія со старыми, въ разумномъ употребленіи языка и въ волевыхъ дѣйствіяхъ. Но элементарная дѣятельность личности, повидимому, сохраняется; сознаніе, т.-е. тотъ актъ, посредствомъ котораго множество разнообразныхъ состояній образуютъ единство, повидимому, не исчезаетъ. Субъектъ заявляетъ, что не онъ помнитъ тотъ или иной поступокъ, не онъ видитъ то или это дерево, но тѣмъ не менѣе онъ помнитъ и видитъ. По крайней мѣрѣ, намъ ясно, что его сознаніе продолжаетъ видѣть дерево, потому что больной описываетъ перемѣны, происходящія въ деревѣ, и говоритъ: „дерево зеленое, его листья шелестятъ отъ вѣтра, но не я это вижу". Разстройство личнаго воспріятія, повидимому, не особенно глубоко.

Разстройство личности имѣетъ неполный характеръ у всѣхъ психастениковъ. У нихъ бываютъ навязчивыя идеи, но они не совсѣмъ сумасшедшіе и сознаютъ нелѣпость этихъ идей; у нихъ бываютъ вынужденные импульсы, но они не повинуются имъ; у нихъ бываетъ отвращеніе къ извѣстнымъ актамъ, но нѣтъ дѣйствительной неспособности ихъ выполнить или настоящаго паралича; у нихъ бываютъ безконечныя сомнѣнія, но нѣтъ настоящей потери памяти. Въ высшей степени характерно то, что у нихъ ни одинъ симптомъ не проявляется во всей своей полнотѣ. Неполное разстройство личности есть общій законъ психастеніи.

Есть другая нервная болѣзнь, симптомы которой удобно разсматривать параллельно съ психастеніей — это истерія. Эта душевная болѣзнь характеризуется главнымъ образомъ преувеличеніемъ, доведеніемъ до крайности всѣхъ предыдущихъ симптомовъ. Навязчивыя идеи не сопровождаются нерѣшительностью, а

доходятъ въ моно-идеистическомъ сомнамбулизмѣ истеричныхъ до крайней степени и сопровождаются полными галлюцинаціями и вынужденными стремленіями; мѣсто сомнѣній заступаетъ полная потеря памяти, отвращеніе къ извѣстнымъ актамъ замѣняется полнымъ параличомъ. Поэтому любопытно прослѣдить, какую форму принимаетъ въ истеріи разстройство личности, которое, какъ мы только что видѣли, не бываетъ полнымъ въ психастеніи.

Несомнѣнно, что истеричные произносятъ иногда такія же сужденія, какъ и психастеники относительно нѣкоторыхъ ощущеній. Профессоръ Джемсъ приводитъ примѣръ больной, которая говорила: „моя рука больше не принадлежитъ мнѣ, она совсѣмъ мнѣ чужая, это—старый обрубокъ". Но это довольно исключительный случай; обыкновенно встрѣчаются факты другого рода. Послѣ кризисовъ, въ которыхъ навязчивыя идеи развиваются до крайне высокой степени въ формѣ чувствъ, поступковъ и галлюцинацій (эти кризисы я называю состояніемъ моноидеистическаго сомнамбулизма), больной ведетъ себя такъ, точно онъ совсѣмъ ничего не знаетъ о случившемся; онъ не сомнѣвается въ правильности своихъ воспоминаній, не объявляетъ, что они чужды ему—онъ совсѣмъ не говоритъ о нихъ, вполнѣ ихъ игнорируетъ. У того же больного бываетъ временами параличъ обѣихъ ногъ; онъ не говоритъ, что это не онъ ходитъ, а дѣйствительно перестаетъ ходить. Если уколоть булавкой или ущипнуть его неподвижныя ноги, онъ не говоритъ, что это не онъ чувствуетъ боль; онъ ничего не говоритъ, потому что, повидимому, совершенно ничего и не чувствуетъ. Отчужденіе извѣстныхъ переживаній и ихъ потеря для личности заходитъ дальше, чѣмъ въ психастеніи. Но можно ли сказать, однако, что эти случаи совершенно несравнимы?

Психастеникъ сохраняетъ память, волевую дѣятельность, ощущенія. Правда, онъ утверждаетъ, что это не онъ помнитъ, не онъ двигается или чувствуетъ, но ложность этого утвержденія очевидна изъ того, что онъ правильно описываетъ находящіеся передъ нимъ предметы.

Въ истеріи эти психологическія явленія просто отсутствуютъ; это—болѣзнь совсѣмъ другого рода, что я и пытался однажды доказать, вопреки общепринятому въ то время мнѣнію. Съ бо́льшими предосторожностями, чѣмъ въ случаѣ психастеніи, болѣе тщательно избѣгая привлечь вниманіе больного къ явленіямъ, которыя мы хотимъ прослѣдить въ немъ, можно доказать съ полной очевидностью, что они существуютъ въ такой же развитой формѣ, какъ и въ такъ называемыхъ нормальныхъ людяхъ. Возьмемъ случай двадцатилѣтней дѣвушки, которая въ періодѣ сомнамбулизма́ бѣгаетъ на нѣсколько дней изъ родительскаго дома. Послѣ своихъ припадковъ, она, повидимому, совершенно о нихъ забываетъ и не можетъ разсказать, почему и куда она уходила. Когда вниманіе ея было отвлечено и она думала о чемъ-то постороннемъ, я вложилъ карандашъ въ ея правую руку и, повидимому, совершенно не сознавая, что она дѣлаетъ, она написала мнѣ слѣдующее письмо: „я ушла изъ дому, потому что мама обвиняетъ меня въ томъ, что у меня есть возлюбленный, а это неправда. Я не могу съ ней больше жить. Я продала свои драгоцѣнности, чтобы заплатить за билетъ. Я сѣла на такой-то поѣздъ“ и т. д. Въ этомъ письмѣ она подробно разсказываетъ исторію своего бѣгства, хоть и продолжаетъ утверждать, что ничего о немъ не помнитъ. Въ другомъ случаѣ больной, у котораго, повидимому, былъ параличъ обѣихъ ногъ, въ сомнамбулическомъ состояніи перескакиваетъ съ крыши на крышу и даже въ бодр-

ствующемъ состояніи производитъ какія угодно движенія, если они вызываются при благопріятныхъ условіяхъ. Больные, которые, повидимому, не могутъ видѣть ясно или не могутъ ничего осязать въ сомнамбулическомъ состояніи или посредствомъ автоматическаго письма или еще какимъ-нибудь способомъ, описываютъ во всѣхъ подробностяхъ предметы, которые находятся у нихъ передъ глазами или приходятъ въ соприкосновеніе съ ихъ руками. Не должны ли мы заключить, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, что ощущенія на самомъ дѣлѣ сохраняются, хоть субъектъ и говоритъ, что ихъ не испытываетъ. Эти примѣры,— интересныя, но вполнѣ обычныя клиническія явленія; легко убѣдиться, что всѣ случаи истеріи на одинъ образецъ. Они аналогичны обезличенію психастениковъ, но не тожественны съ нимъ. Я пытался выразить ихъ особенности посредствомъ термина „подсознательное", который съ моей точки зрѣнія просто обозначаетъ эту новую форму болѣзни личности.

Съ тѣхъ поръ, какъ я впервые началъ употреблять слово „подсознательное" въ этомъ чисто медицинскомъ и нѣсколько прозаическомъ смыслѣ, другіе писатели стали придавать этому слову несравненно болѣе претенціозное значеніе. Имъ стали обозначать удивительную дѣятельность, которыя будто бы существуютъ въ насъ въ то время, какъ мы даже и не подозрѣваемъ о его существованіи, и является источникомъ нашихъ добродѣтелей, энтузіазма, геніальныхъ вдохновеній. Это напоминаетъ забавную фразу Гартмана: „не будемъ приходить въ отчаяніе отъ того, что нашъ умъ такъ поглощенъ практическими интересами и такъ приниженъ отъ того, что въ насъ такъ мало поэзіи и духовности; въ сокровенномъ святая святыхъ каждой души обитаетъ чудесное нѣчто, нами несознаваемое, которое грезитъ и молится въ то время,

какъ мы трудимся ради насущнаго хлѣба". Я намѣренно избѣгаю обсужденія этихъ утѣшительныхъ, а можетъ быть, и справедливыхъ теорій; я просто говорю себѣ, что моя задача совсѣмъ иная. Бѣдные больные, которыхъ я изслѣдовалъ, не были геніями; явленія, которыя происходили въ нихъ подсознательно, были самыя простыя явленія, составляющія у другихъ людей часть ихъ личнаго сознанія и нисколько не удивительныя. Они потеряли самосознаніе и способность къ волевой дѣятельности; они просто страдали разстройствомъ личности.

Въ связи съ изученіемъ безсознательныхъ явленій и употребленіемъ термина „безсознательное", теоріи этихъ явленій затронули глубоко важный вопросъ объ отношеніи между душою и тѣломъ, между мыслью и мозгомъ. Всегда ли процессы въ мозгу сопровождаются психическими процессами. Когда психическіе процессы теряютъ свою интенсивность, когда они сводятся къ элементарной формѣ, не исчезаютъ ли они, въ концѣ концовъ, совершенно и не можемъ ли мы сказать тогда, что остаются одни только нервные процессы? Не можемъ ли мы объяснить движенія, которыхъ сами больные почти не замѣчаютъ во время конвульсій или пляски святого Витта, посредствомъ одной только мозговой дѣятельности, не прибѣгая къ понятію психическихъ явленій? Если мы дѣйствительно намѣрены, оставляя въ сторонѣ подсознательное, назвать эти явленія физіологическими, не можемъ ли мы заключить по аналогіи, что явленія сомнамбулизма или автоматическаго письма легко объяснить „обмѣномъ фосфорическихъ эманацій между извѣстными центрами мозговой коры!"

Я совсѣмъ не собираюсь входить въ обсужденіе этихъ глубокомысленныхъ теорій, которыя привлекаютъ людей съ извѣстнымъ складомъ ума своею ка-

жущейся научностью, и, по всей вѣроятности, заключаютъ въ себѣ извѣстную долю истины. Я просто отмѣчаю, что это совсѣмъ другой вопросъ. Разумѣется, можно обсуждать отношеніе между мыслью и мозгомъ въ связи съ явленіями сомнамбулизма точно такъ же, какъ и въ связи почти со всѣми фактами нормальной жизни; но, по моему, нѣтъ основанія поднимать этотъ глубоко важный вопросъ въ связи, именно, съ ненормальными явленіями. Отождествлять поступки сомнамбулъ, выполненіе внушенія, автоматическое письмо, съ некоординированными конвульсивными движеніями, совершенно неразумно. Эти разнообразные акты по существу одинаковы съ тѣми, которые мы привыкли наблюдать въ нормальныхъ людяхъ и объяснять вмѣшательствомъ разума. Конечно, можно сказать, что сомнамбула—просто заводная кукла, но въ такомъ случаѣ придется сказать то же самое обо всѣхъ живыхъ существахъ. Такія допущенія совершенно безплодны. Въ своемъ невѣжествѣ мы знаемъ только, что нѣкоторыя сложныя явленія, какъ напримѣръ, разумный отвѣтъ на вопросъ, зависятъ отъ двухъ факторовъ, которые мы считаемъ связанными между собою: отъ высшей мозговой дѣятельности и отъ явленія, которое мы называемъ результатомъ дѣятельности сознанія. Такъ называемыя подсознательныя явленія имѣютъ точно такой же характеръ, и мы должны предположить, что они тоже обусловливаются этими двумя факторами. Чтобы утверждать что-либо иное, мы должны опредѣленно знать, какъ проявляется высшая или низшая мозговая дѣятельность и можетъ ли отсутствовать связь между сознаніемъ и мозговой дѣятельностью. Этого мы совершенно не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ пытаться рѣшать эти важные метафизическіе вопросы на основаніи не вполнѣ понимаемыхъ нами симптомовъ душевной болѣзни. Мнѣ кажется,

въ связи съ подсознательнымъ представляются другія психологическія и медицинскія задачи, которыя мы должны рѣшить, не заботясь объ этихъ умозрѣніяхъ. Въ настоящее время меня занимаетъ больше, чѣмъ раньше, вопросъ объ отношеніи между потерей личнаго сознанія у психастениковъ и подсознательностью истеричныхъ. Слѣдуетъ изучать промежуточные типы, которые встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ я думалъ. Необходимо опредѣлить, встрѣчаются ли извѣстныя особенности одной болѣзни въ другой. Можетъ быть, сама истеричка чувствуетъ нѣчто въ родѣ безумной увѣренности, которая заставляетъ ее отрекаться отъ извѣстныхъ фактовъ? Насколько искренно она настаиваетъ на своемъ незнаніи? Не обманываетъ ли она сама себя до нѣкоторой степени? Какимъ образомъ она доходитъ до того, что вполнѣ отдѣляетъ отъ себя явленія, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно принадлежатъ въ ея внутренней жизни? Сохраняютъ ли психическія явленія, диссоціированныя такимъ образомъ, свои особенности все время или болѣе или менѣе измѣняются? Тотъ же самый вопросъ возникаетъ и по поводу мускульныхъ движеній, потому что мнѣ кажется неправильно утверждать, что сокращенія мускуловъ въ истеріи не отличаются отъ нормальныхъ движеній. Есть и другіе клиническіе вопросы медицинскаго свойства, которые, мнѣ кажется, слѣдуетъ изслѣдовать. Ни одно изъ этихъ изслѣдованій не можетъ быть сдѣлано безъ многочисленныхъ и точныхъ наблюденій, произведенныхъ при благопріятныхъ условіяхъ, и малѣйшее изъ нихъ, по моему, важнѣе всѣхъ толстыхъ томовъ разсужденій вмѣстѣ взятыхъ.

Эти немногія замѣчанія служатъ, мнѣ кажется, отвѣтомъ на ваши вопросы или, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые изъ нихъ [1]).

---

[1]) Для того, чтобъ обсужденіе вопроса не выходило изъ из-

[Что вы понимаете подъ терминомъ „подсознательное“]?

Словомъ „подсознательное“ я называю ту особенную форму разстройства личности, которая встрѣчается въ истеріи.

[Происходитъ ли когда-нибудь въ нормальныхъ или патологическихъ случаяхъ „раздвоеніе“ личности. Если нѣтъ, то какъ вы объясняете различныя такъ называемыя подсознательныя явленія патологической психологіи (автоматическое письмо, рѣчь и т. д.)?]

Это слово не есть философское объясненіе; оно просто выражаетъ общее свойство, наблюдаемое во всѣхъ этихъ болѣзненныхъ явленіяхъ.

[Всегда ли подсознательныя явленія сопровождаются раздвоеніемъ сознанія или зависятъ отъ такого раздвоенія? И если да, то непремѣнно ли должна вторая диссоціированная группа идей быть неопознанной личнымъ сознаніемъ?]

Существуетъ множество промежуточныхъ формъ между сомнѣніемъ психастениковъ и подсознательностью истеричныхъ.

[4. Есть ли въ каждомъ человѣкѣ вторая группа содѣйствующихъ неопознанныхъ идей (такъ называемое вторичное сознаніе)? Если да, то безсвязны или организованы эти идеи?]

Это возможно потому, что всѣ патологическія явленія коренятся въ нормальной психологіи.

[5. Всегда ли раздвоеніе личности носитъ патоло-

вѣстныхъ границъ, всѣмъ участникамъ симпозіона было предложено по десяти вопросовъ относительно пунктовъ, насчетъ которыхъ желательно было узнать ихъ мнѣніе. Профессоръ Жане отвѣчаетъ на восемь изъ нихъ. Въ его статьѣ я поставилъ вопросы въ скобкахъ передъ отвѣтами, чтобы сдѣлать послѣдніе понятными. Редакторъ англ. изд.

гическій характеръ? Если да, какъ вы объясняете автоматическое письмо, постгипнотическія явленія въ родѣ безсознательнаго рѣшенія ариѳметическихъ задачъ и другія подобныя явленія въ нормальныхъ людяхъ?]

Ясно выраженныя явленія, дѣйствительно сходныя съ подсознательностью истеричныхъ больныхъ, крайне рѣдко встрѣчаются въ нормальныхъ людяхъ. Когда они на самомъ дѣлѣ наблюдаются компетентными изслѣдователями, мы должны смотрѣть на нихъ какъ на болѣзненныя явленія болѣе или менѣе преходящаго характера, которыя бываютъ, какъ я замѣтилъ, обыкновенно дурнымъ предзнаменованіемъ.

Кромѣ того, всѣ эти разсужденія о словахъ „здоровье“ и „болѣзнь“ совершенно безплодны и напоминаютъ греческій софизмъ о лысомъ. Явленіе можно считать болѣзненнымъ, если оно обыкновенно соединяется съ другими симптомами какой-нибудь ясно выраженной болѣзни и исчезаетъ вмѣстѣ съ нею. Такова особенность сомнамбулизма и автоматическаго письма—ихъ нельзя вызвать въ истеричныхъ, которыя излѣчились отъ своей болѣзни.

[6. Включаете ли вы въ заключеніе слово „подсознательное“ всѣ сознательныя переживанія, которыя были забыты, но могутъ когда угодно войти въ личное сознаніе, независимо отъ того, со-дѣйствуютъ они съ нимъ или нѣтъ (Сидисъ)? Въ этомъ случаѣ подсознательное отожествляется съ забытымъ и съ тѣмъ, что внѣ сознанія].

Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ трудно отвѣтить, такъ какъ мы такъ мало знаемъ относительно той формы, въ которой сохраняются наши воспоминанія, когда они не находятся въ сознаніи.

[7. Примѣняете ли вы терминъ „подсознательное“ единственно къ состояніямъ со-дѣйствующимъ въ данную минуту, но не опознаннымъ субъектомъ?]

Мнѣ кажется, что слово „подсознательное“ больше подходитъ къ этому ясно выраженному случаю.

[8. Основываете ли вы понятіе подсознательнаго на фактѣ опознанія субъектомъ извѣстныхъ сознательныхъ состояній такъ что могутъ быть различныя степени подсознательности соотвѣтственно разнымъ степенямъ опознанія? (Какъ напримѣръ, въ разсѣянности или „периферическихъ“ состояніяхъ сознанія).]

Несомнѣнно, что есть какая-то связь между всѣми этими явленіями, но ихъ не слѣдуетъ смѣшивать; анализъ заставляетъ насъ признать, что между ними нѣтъ непрерывности.

Итакъ, милый докторъ Принсъ, вотъ отвѣты, которые вамъ нужны. Я боюсь, что они едва ли удовлетворятъ вашихъ читателей. Изслѣдованіе такого рода не рѣшаетъ вопроса разъ навсегда; оно просто ставитъ рядомъ спорныя мнѣнія. Я надѣюсь, что оно заинтересуетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ и заставитъ ихъ дѣлать психологическія наблюденія, которыя принесутъ существенную пользу наукѣ.

IV.

Мортонъ Принсъ.

Во введеніи къ этому симпозіону дано опредѣленіе шести различныхъ значеній, въ которыхъ употребляется въ настоящее время терминъ „подсознательное“. Всѣ эти значенія, кромѣ перваго и четвертаго, основаны на различныхъ толкованіяхъ однихъ и тѣхъ же наблюденій. Въ настоящемъ симпозіонѣ мы можемъ ограничиться разсмотрѣніемъ трехъ изъ нихъ, а именно, тѣхъ, которыя профессоръ Мюнстербергъ опредѣлилъ съ такою ясностью и назвалъ точками зрѣнія боль-

шой публики, врача и психолога-теоретика. Такъ какъ первый изъ этихъ трехъ взглядовъ предполагаетъ правильность второго, мы должны разсмотрѣть только два послѣднихъ. И тотъ и другой предлагаютъ свое объясненіе фактовъ, существованіе которыхъ не оспаривается. Я еще разъ повторю, въ чемъ заключается вопросъ.

Согласно первому изъ этихъ двухъ толкованій (второй типъ" по подраздѣленію Мюнстерберга и моему), такъ называемые автоматическіе письмо и рѣчь, постгипнотическія явленія въ родѣ рѣшенія ариѳметическихъ задачъ и вообще всѣ анормальные факты, о происхожденіи которыхъ самъ человѣкъ ничего не знаетъ, суть проявленія диссоціированныхъ идей, которыя не сознаются имъ и потому называются подсознательными. Такимъ образомъ происходитъ „раздвоеніе" сознанія на личное „я" и подсознательныя идеи. Терминъ „со-сознательное" кажется мнѣ болѣе удобнымъ, чѣмъ „подсознательное", во-первыхъ, потому, что онъ выражаетъ понятіе со-дѣйствія со стороны второго сознанія, во-вторыхъ, потому, что такимъ образомъ мы избѣгнемъ двусмысленности традиціоннаго термина, который употребляется въ различныхъ значеніяхъ, а въ третьихъ, потому, что такія идеи вовсе не непремѣнно подсознательны; онѣ вполнѣ могутъ быть опознаны. Со-сознательныя идеи могутъ быть очень элементарны и состоять просто изъ ощущеній и воспріятій, отдѣлившихся отъ личнаго сознанія (какъ напр., въ истерической анэстезіи) или изъ возобновляющихся воспоминаній прошлаго. Идеи эти могутъ соединяться и ассимилироваться въ большей или меньшей степени съ личнымъ „я", тѣмъ самымъ дѣлая его переживанія менѣе интенсивными, и при извѣстныхъ условіяхъ такимъ путемъ возникаютъ громадныя диссоціированныя системы подсознательныхъ идей, являющіяся источ-

никами тѣхъ сложныхъ явленій, которыя мы стремимся объяснить.

Согласно противоположной гипотезѣ, всѣ эти факты можно объяснить какъ проявленія чисто физическихъ процессовъ, не сопровождающихся идеями. Воля, память и дѣйствія, повидимому, разумныя и цѣлесообразныя, являются результатами однихъ только мозговыхъ процессовъ, лишенныхъ сознанія. Эти акты отличаются единственно по своей сложности отъ физіологическихъ процессовъ, выполняющихъ пищеварительныя и другія тѣлесныя функціи, и отъ конвульсивныхъ подергиваній и движеній, бывающихъ при пляскѣ св. Витта, эпилепсіи и другихъ болѣзняхъ. „Безсознательная мозговая дѣятельность"—такъ назвалъ ее Карпентеръ много лѣтъ тому назадъ. Которое изъ этихъ двухъ толкованій правильно? Профессоръ Мюнстербергъ совершенно правъ, утверждая, что ни одно анормальное переживаніе не можетъ само по себѣ служить доказательствомъ того, что требуется психологическое, а не физіологическое объясненіе; это—философскій вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ теоретически, прежде чѣмъ мы можемъ приняться за объясненіе спеціальныхъ фактовъ. Теоретическое же рѣшеніе зависитъ отъ того, признаемъ мы или нѣтъ существованіе диссоціированныхъ подсознательныхъ идей.

Если мы вполнѣ выяснимъ себѣ значеніе этого вопроса, намъ станетъ очевидно, что пока основной принципъ диссоціированныхъ идей не установленъ окончательно, будетъ чистѣйшей тратой времени обсуждать болѣе широкія проблемы, какъ напримѣръ, размѣры подсознательныхъ явленій, встрѣчаются ли они въ нормальныхъ такъ же, какъ и въ ненормальныхъ субъектахъ, образуютъ ли они „я", вторичное „я" (третье значеніе) и т. д. Все это важные, но не основные вопросы. Особенно безполезной тратой умственной энер-

гіи являются метафизическое умствованіе относительно существованія и функціи мистическаго сублиминальнаго „я" (Майерсъ), которое стоитъ за предѣлами всякаго опыта, даже опыта „подсознательнаго я". Итакъ, вопросъ, который мы должны рѣшить въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія, заключается въ слѣдующемъ: могутъ ли идеи когда-либо, при какихъ-либо условіяхъ, въ нормальной или ненормальной жизни существовать внѣ синтеза личнаго самосознанія такъ, что субъектъ перестаетъ сознавать ихъ? Или, формулируя вопросъ такъ, какъ онъ предлагается экспериментатору: необходимо ли для объясненія фактовъ, являющихся, повидимому, результатами подсознательной работы мысли, допустить присутствіе диссоціированныхъ идей или эти факты можно объяснить посредствомъ чисто физіологическихъ процессовъ, не сопровождающихся психической дѣятельностью?

1.

Мое убѣжденіе, что другіе люди мыслятъ, какъ и я, основано единственно на томъ, что ихъ дѣйствія сходны съ моими, носятъ разумный характеръ такъ же, какъ и мои, и что на мой вопросъ они отвѣчаютъ, что у нихъ тоже есть сознаніе, по описанію сходное съ моимъ. Наблюдая такъ называемыя автоматическія дѣйствія, я нахожу, что они обладаютъ такими же свойствами, и когда я спрашиваю то, нѣчто, которое дѣйствуетъ — что бы это ни было—сознательно оно или нѣтъ, я получаю отвѣтъ, устный или письменный, что да, и что оно сознательно думаетъ, чувствуетъ, желаетъ и т. д. Такъ какъ въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ совершенно одинаковыя данныя, мы можемъ заключить, что автоматическая умственная дѣятельность такъ же сознательна, какъ и личная. Иначе мы должны будемъ утверждать не то, что физіологи-

ческій процессъ лжетъ, потому что ложь предполагаетъ присутствіе идей, но что онъ можетъ какимъ то образомъ измѣнить свой характеръ и реагировать на выраженныя словами мысли другого совершенно такъ, какъ сознательная личность лжетъ!

2.

Автоматическія письмо и рѣчь встрѣчаются въ весьма ясной и опредѣленной формѣ и наиболѣе удобны для экспериментальнаго изученія потому, что ихъ можно произвольно вызывать, измѣнять и разсматривать. Потому мы займемся ими и посмотримъ, нужно ли для ихъ истолкованія допустить присутствіе второго сознанія, имѣющаго психическій характеръ.

Въ наиболѣе развитыхъ формахъ автоматическаго письма умъ субъекта вполнѣ свѣтелъ, всѣ его чувства работаютъ нормально и онъ можетъ разбираться въ окружающемъ, думать и разсуждать, точно, съ нимъ не происходитъ ничего особеннаго. Онъ можетъ со спокойнымъ любопытствомъ наблюдать движенія пишущаго карандаша. Другими словами, онъ находится во вполнѣ нормальномъ бодрствующемъ состояніи. Въ то же время рука его пишетъ, можетъ быть, длинныя, разсужденія разнообразнаго содержанія. Но онъ не имѣетъ понятія о томъ, что пишетъ его рука, и впервые узнаетъ объ этомъ, лишь прочитавъ рукопись. Такимъ образомъ у насъ имѣется сознаніе № 1 и письменныя данныя, которыя могутъ—или не могутъ—быть объяснены дѣятельностью сознанія № 2. Но при письмѣ этого рода сознаніе № 1 не всегда бываетъ такимъ яснымъ, какъ въ этомъ случаѣ. Наоборотъ, часто и даже, можетъ быть, въ большинствѣ случаевъ субъектъ погружается въ полудремотное состояніе и плохо разбирается въ окружающемъ. Если онъ читаетъ вслухъ, какъ обыкновенно дѣлается при экспери-

ментѣ, онъ плохо понимаетъ прочитанное. Сознаніе № 1 можетъ стать еще менѣе интенсивнымъ: иногда субъектъ не слышитъ, когда съ нимъ говорятъ, и не чувствуетъ, когда къ нему прикасаются. Онъ читаетъ механически, не понимая того, что читаетъ. Другими словами, его осязательныя ощущенія анестезировались и онъ сдѣлался глухъ и слѣпъ ко всему, кромѣ печатныхъ буквъ, на лежащей передъ нимъ страницѣ и даже по отношенію къ нимъ онъ умственно слѣпъ. Въ этомъ состояніи чувственныя воспріятія и мышленіе, въ сущности говоря, исчезаютъ, и сознаніе иногда потухаетъ настолько, что человѣкъ совсѣмъ засыпаетъ. Спросите у сознанія № 2, что случилось съ № 1, и оно отвѣтитъ: „онъ заснулъ“ [1]).

Другими словами, сознаніе № 1 исчезло, но сознаніе № 2 продолжаетъ дѣйствовать.

Считать автоматическое письмо, происходящее въ то время, какъ сознаніе № 1 отсутствуетъ, явленіемъ подсознательнымъ и результатомъ подсознательной дѣятельности—значитъ невѣрно наблюдать факты. Это—случай вовсе не подсознательной дѣятельности, а перемежающагося сознанія или перемежающейся личности. Полное исчезновеніе сознанія № 1 оставило только одно сознаніе, то самое, которое при другихъ условіяхъ было сознаніемъ № 2. Разъ мы не придерживаемся физіологической гипотезы, мы должны признать, что письмо уже перестало быть явленіемъ автоматическимъ въ первоначальномъ смыслѣ этого слова и сдѣлалось проявленіемъ сознанія, временно занимающаго первое мѣсто, хотя это не то сознаніе, что дѣйствовало въ началѣ. По содержанію рукописи часто замѣтно, что она состоитъ изъ воспоминаній прош-

[1]) Этотъ отвѣтъ былъ данъ при одномъ экспериментѣ, произведенномъ, пока эта статья приготовлялась къ печати.

лаго, которыя были совершенно забыты сознаніемъ № 1, и указываетъ наличность, сильно отличающуюся характеромъ, стремленіями, чувствами, настроеніями и взглядами отъ бодрствующаго сознанія. Написанное можетъ быть оригинальнымъ сочиненіемъ, указывающимъ на дѣятельность разума, вполнѣ сравнимую съ нормальной. Такія сочиненія очень интересны тѣмъ, что бросаютъ свѣтъ на возникновеніе и развитіе вторичныхъ личностей, но этотъ вопросъ насъ здѣсь не касается. Сейчасъ эти сочиненія интересны намъ лишь, поскольку они помогаютъ объяснить эту личность, т.-е. помогаютъ рѣшить вопросъ, есть ли ея умственная дѣятельность проявленіе физіологическихъ или психологическихъ процессовъ. Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ удовлетворительно, мы должны наблюдать, какъ реагируетъ эта личность на окружающее. Если мы съ ней заговариваемъ, она письменно даетъ разумный отвѣтъ, хотя сознаніе № 1 совершенно не откликается. Если мы уколемъ руку субъекта, сознаніе № 2 реагируетъ на уколъ, а сознаніе № 1—нѣтъ; то же самое происходитъ и съ другими чувствами. Она мыслитъ самостоятельно и ея способности ниже нормальныхъ единственно въ сферѣ мускульной дѣятельности, такъ какъ она можетъ только двигать рукой и пальцами; [1]) но даже и здѣсь ея силы не всегда такъ ограничены, такъ какъ иногда она можетъ разговаривать и производить различныя спорадическія движенія. Она только теряетъ способность управлять своимъ тѣломъ и координировать его движенія. Такъ что въ мускульной области ея потеря не такъ велика, какъ

[1]) Я не хочу сказать, что сознаніе № 2 обладаетъ такими же знаніями и такой же способностью къ интеллектуальному мышленію, какъ и первоначальная личность № 1, но что оно обладаетъ всѣми разновидностями психической дѣятельности, какія есть у нормальныхъ людей.

потеря сознанія № 1. Въ сущности, этотъ случай очень похожъ на случаи глубокаго гипноза. Главная особенность заключается въ томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ перемежающимися „я“, а не съ „я“, дѣйствующими одновременно. Есть ли это перемежающееся сознаніе?

Потомъ слѣдуетъ замѣтить, что переходъ отъ автоматическаго письма при бодрствующемъ сознаніи № 1 къ письму, происходящему въ то время, какъ это сознаніе совсѣмъ или почти совсѣмъ угасаетъ, совершается путемъ незамѣтныхъ градацій и мы должны заключить, что дѣятельность — психологическая или физіологическая, — производящая въ обоихъ случаяхъ это письмо, есть одна и та же дѣятельность. Если вторичное „я“ въ послѣднемъ случаѣ имѣетъ психическій характеръ, то же самое нужно сказать и о подсознательномъ „я“ въ предыдущемъ случаѣ, потому что нѣтъ пункта, гдѣ бы мы могли остановиться и сказать: здѣсь кончается физіологическое и начинается психическое.

Когда второе „я“ производитъ автоматическое письмо, мы имѣемъ дѣло съ перемежающейся личностью. Здѣсь замѣчаются въ сущности тѣ же условія, какъ, во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ гипнотическихъ состояніяхъ; во-вторыхъ,—въ трансахъ; въ третьихъ, въ припадкахъ, въ случаяхъ внезапнаго сомнамбулизма и постэпилептическихъ состояніяхъ; въ четвертыхъ, въ состояніи, похожемъ на обыкновенный сонъ со сновидѣніями, которыя забываются по пробужденіи, и, въ пятыхъ, въ состояніи глубокой разсѣянности. Никто никогда не сомнѣвался, что во всѣхъ этихъ случаяхъ „я“ имѣетъ сознательный характеръ. Во всѣхъ нихъ мы имѣемъ дѣло съ „перемежающимися“ состояніями, а въ нѣкоторыхъ—съ перемежающимися личностями. Въ первомъ случаѣ субъектъ понимаетъ внушенія, требующія

сознательной умственной дѣятельности, помнитъ и исполняетъ ихъ; во-второмъ мы имѣемъ письмо и рѣчь, которыя могутъ быть истолкованы только какъ результаты мысли; въ третьемъ и четвертомъ—мысли и сны которые посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ могутъ быть возстановлены; а въ послѣднемъ сознательные процессы сохраняются въ памяти.

3.

Будемъ продолжать экспериментъ и возьмемъ случай автоматическаго письма, въ которомъ сознаніе № 1 не измѣняется. Загипнотизируемъ субъекта. На вопросъ, какое „я“ писало, онъ отвѣчаетъ, что отлично помнитъ мысли, ощущенія и чувства, входившія въ составъ сознанія, о которомъ сознаніе № 1 ничего не знало, и что писало именно это сознаніе. Однако можно возразить, что это еще не доказательство; что, возможно предположить, будто эти воспоминанія являются чѣмъ то въ родѣ галлюцинаціи и что процессы, бывшіе прежде физіологическими, въ гипнозѣ возобновились, и въ гипнотическомъ синтезѣ породили психическія воспоминанія. Итакъ, мы должны идти дальше и искать новыхъ доказательствъ.

4.

Людей, обладающихъ способностью писать автоматически, можно раздѣлить на двѣ группы: одни во время писанія совершенно не имѣютъ понятія о томъ, что пишетъ ихъ рука, а у другихъ возникаетъ масса идей, соотвѣтствующихъ написаннымъ словамъ, не имѣющихъ логическаго отношенія къ ихъ личности, не ассоціированныхъ съ нею и являющихся, повидимому, ни откуда. Ко второму типу принадлежитъ, напримѣръ, г-жа Х., которая прекрасно пишетъ автоматически. Въ то время, какъ карандашъ пишетъ, въ

ея сознаніи внезапно возникаютъ мысли, которыя онъ собирается записывать, такъ что она даже не знаетъ, сама-ли она пишетъ фразу или слова пишутся автоматически независимо отъ ея воли. Иногда, когда она пишетъ, мысли возникаютъ съ такою быстротой, что она не успѣваетъ записывать ихъ и начинаетъ произносить ихъ вслухъ. Чтобы провѣрить ея сомнѣнія, ей даютъ карандашъ и говорятъ, чтобъ она не писала. Тогда оказывается, что она не можетъ владѣть рукой, и карандашъ пишетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше она старается удержать его. Посреди подходящей фразы я беру ее за руку, не даю ей писать и прошу закончить фразу на словахъ,—что, конечно, она могла бы сдѣлать, если бы писало собственное сознаніе, т.-е. № 1; но она не можетъ докончить фразы и это доказываетъ, что она не знаетъ, что будетъ писать ея рука.

Второй примѣръ: Г-жѣ В. приказываютъ подъ гипнозомъ написать автоматически, когда она проснется, „$3 \times 6 = 18$; $4 \times 5 = 20$“. По пробужденіи ей даютъ читать вслухъ; пока она читаетъ, ея рука начинаетъ писать, какъ было приказано. Но она бросаетъ читать говоря, что не можетъ, потому что — нелѣпыя для нея суммы $3 \times 6 = 18$ и $4 \times 5 = 20$ все время приходятъ ей въ голову. Она не можетъ понять, почему она думаетъ о такихъ вещахъ.

Спрашивается, должны-ли мы заключить, что механизмъ автоматическаго письма второго типа отличается отъ перваго и что когда автоматическія мысли опознаются субъектомъ, письмо производится психическими процессами, а когда онѣ не сознаются имъ, оно производится физіологическими процессами? Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ явленія совершенно одинаковы — одинаковы по содержанію написаннаго, по поведенію автоматической личности къ окружающему.

Мнѣ кажется, что такое толкованіе неправильно. На мой взглядъ оно придаетъ слишкомъ много значенія тому факту, опознаемъ мы или нѣтъ свои психическіе процессы. На самомъ дѣлѣ явленія совершенно одинаковы во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного—ихъ опознаннаго характера: иногда эти сознательныя явленія опознаются нами, иногда—нѣтъ. Но главный и основной ихъ признакъ заключается въ томъ, что они автоматичны или независимы отъ личнаго сознанія. Такая независимость и раздвоеніе личнаго сознанія характеризуютъ подсознательное вѣрнѣе, чѣмъ его опознанность или неопознанность.

5.

Содержаніе автоматическаго письма часто бываетъ трудно согласить съ физіологическимъ толкованіемъ. Я уже раньше коснулся этого вопроса. При изученіи автоматическаго письма оказывается, что оно не состоитъ изъ словъ, фразъ и отрывковъ, которые являлись бы просто повтореніями или воспоминаніями — психическими или физіологическими — предыдущихъ переживаній, но можетъ быть сложнымъ оригинальнымъ сочиненіемъ. У г-жи Verall оно состояло иногда изъ оригинальныхъ сочиненій по латыни или по гречески [1]). Иногда, какъ напримѣръ у людей, склонныхъ къ спиритическимъ теоріямъ, оно состоитъ изъ фантастическихъ выдумокъ, похожихъ на волшебныя сказки. Иногда въ нихъ бываютъ математическія разсужденія, какъ видно изъ рѣшенія ариѳметическихъ задачъ. Иногда оно состоитъ изъ изобрѣтательно придуманныхъ объясненій въ отвѣтъ на вопросы. Иногда въ написанномъ проявляется характеръ съ перемѣнчивыми настроеніями и темпераментомъ. Часто выра-

[1]) Proceedings S. P. R. vol. XV. p. t liii, 1906.

жаются чувства гнѣва, ненависти, злобы или доброты и ласковости. Если бы такой документъ былъ представленъ какъ письменное свидѣтельство въ обычной жизни тѣмъ, кто считаетъ его просто за результатъ физіологической дѣятельности нервной системы, лишенный психическаго значенія, то было бы трудно доказать это.

6.

Гипнотическое внушеніе можетъ повести къ постгипнотическимъ явленіямъ, указывающимъ на присутствіе умственной дѣятельности, которую въ нѣкоторыхъ случаяхъ невозможно объяснить физіологическими навыками, такъ какъ она группируетъ въ логическомъ порядкѣ отвлеченныя идеи (напр., сложныя ариѳметическія вычисленія). Субъектъ сознаетъ только конечный результатъ и совершенно не знаетъ, какимъ путемъ онъ былъ достигнутъ. Впослѣдствіи, въ гипнотическомъ состояніи онъ можетъ припомнить сознательно весь ходъ своихъ разсужденій. Чтобы предполагать, будто такія вычисленія могутъ производиться мозговыми процессами, несопровождаемыми мыслью, нужно, повидимому, отвергнуть ученіе о параллелизмѣ между сознаніемъ и мозгомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр., въ автоматическомъ письмѣ субъектъ сознательно воспринимаетъ автоматическій сознательный процессъ, хоть онъ и ничего не знаетъ о его происхожденіи. Неужели мы опять должны предположить, что процессы, ведущіе къ одинаковымъ результатамъ, происходящіе при одинаковыхъ условіяхъ, различаются качественно въ зависимости отъ того, опознаются они самимъ субъектомъ или нѣтъ, и въ одномъ случаѣ бываютъ психическими, а во-второмъ—физіологическими?

7.

Больные подъ гипнозомъ часто объясняютъ различныя ненормальныя явленія какъ результаты идей (воспріятій, галлюцинацій, воспоминаній, эмоцій и т. д), которые они помнятъ, какъ таковыя, хотя личному сознанію онѣ неизвѣстны (это доказательство не отличается существенно отъ свидѣтельства автоматическаго письма [3]).

8.

Въ концѣ-концовъ, главное затрудненіе для психологовъ, которые не могутъ принять психологическаго толкованія подсознательныхъ явленій, я думаю, заключается въ томъ, что они не могутъ понять, какъ у насъ могутъ быть состоянія, сознанія, нами не опознанныя. Сознаніе разсматривается какъ функціонирующее единство, и трудно допустить, что не всѣ состоянія входятъ въ ту систему, которую мы называемъ самосознаніемъ. Такимъ образомъ, сознаніе смѣшивается съ самосознаніемъ. Это происходитъ потому, что единственныя состоянія сознанія, которыя мы переживаемъ непосредственно—это состоянія, принадлежащія нашему „я", т.-е., другими словами, опознанныя состоянія. Всѣ сознательныя состоянія, поскольку мы ихъ переживаемъ, принадлежатъ къ „я", участвуютъ въ немъ или способствуютъ его образованію—самое, выраженіе „мы переживаемъ", указываетъ на присутствіе „я", которое переживаетъ. Поэтому трудно представить себѣ сознательное состояніе, которое не составляетъ части какого-нибудь самосознательнаго „я". Странно думать, что состояніе сознанія, ощущеніе, воспріятіе, идея могутъ, такъ сказать, одиноко носиться въ пространствѣ и не принадлежать ничему, что можно назвать „я".

Трудно представить себѣ состояніе, достойное названія „ощущеніе“ или „воспріятіе“, если нѣтъ „я“, которое бы его ощущало или воспринимало; но, въ сущности говоря, наивно предполагать, что каждое состояніе сознанія, возникающее въ соотношеніи съ нашей нервной системой, сопровождается самосознаніемъ: такое предположеніе сходно съ наивнымъ ученіемъ научнаго матеріализма, который допускаетъ для практическихъ цѣлей, опытнаго изслѣдованія или по другимъ причинамъ, что феноменальная матерія дѣйствительно существуетъ какъ таковая. Сознаніе—все равно, элементарно оно или сложно—находится въ соотношеніи съ безконечнымъ числомъ различныхъ физіологическихъ мозговыхъ комплексовъ. Если это не такъ, то вся система психофизіологіи сознанія и мозга падаетъ въ прахъ. У насъ есть всѣ основанія предполагать, что какое-то психическое состояніе возникаетъ всякій разъ, какъ одна изъ этихъ ассоціированныхъ группъ возбуждается (въ каждую данную минуту громадное количество ихъ находится въ состояніи покоя). Есть серьезныя основанія думать, что хотя обыкновенно эти ассоціированныя группы работаютъ согласно, иногда между ними возникаетъ значительная дисгармонія и клиническія данныя указываютъ, что различные мозговые комплексы могутъ дѣйствовать до извѣстной степени независимо, особенно въ патологическихъ случаяхъ (галлюцинацій, маніи и т. д.).

Не опредѣляя, какіе именно мозговые комплексы принадлежатъ въ каждую данную минуту личному сознанію, мы можемъ спросить, почему мы непремѣнно должны сознавать всѣ психическія состоянія, которыя могутъ быть связаны съ каждой ассоціированной мозговой группой? Не наивно ли такое предположеніе? Если правда, что диссоціированные мозговые комплексы могутъ функціонировать (какъ и въ другихъ частяхъ

нервной системы) и если правда, что у нихъ есть психическіе эквиваленты, то самосознательный характеръ какого-либо состоянія сознанія зависитъ, повидимому, отъ того, соединенъ ли извѣстнымъ образомъ мозговой процессъ, ему соотвѣтствующій, съ бо̀льшей системой мозговыхъ процессовъ, соотвѣтствующихъ въ каждую данную минуту самосознательной личности. Поскольку мозговой процессъ можетъ происходить отдѣльно отъ главной системы мозговыхъ процессовъ, постольку мы можемъ имѣть сознаніе безъ самосознанія. Къ сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ о сущности отношенія между процессами въ мозгу, а слѣдовательно, и объ условіяхъ, которыя опредѣляютъ, будетъ ли извѣстное состояніе сознанія сопровождаться самосознаніемъ или нѣтъ. Эта психологическая проблема ждетъ рѣшенія въ будущемъ. Но самосознаніе не есть необходимый элементъ сознанія. Когда мы анализируемъ свое состояніе при сильномъ умственномъ сосредоточеніи или при разсѣянности, мы убѣждаемся, какъ наивно думать, будто наше сознаніе непремѣнно должно быть самосознаніемъ. Въ этихъ случаяхъ нѣтъ сознанія своего „я“, а есть просто рядъ идей, которыя соединяются и приноравливаются одна къ другой. Только позднѣе, когда мы „приходимъ въ себя“, эти идеи чрезъ посредство памяти становятся частью нашей самосознательной личности.

Читатель навѣрно уже замѣтилъ, что въ понятіи подсознательнаго, принятомъ большинствомъ психологовъ, изучающихъ ненормальную жизнь, выдающуюся роль играетъ тотъ фактъ, что диссоціированныя идеи не опознаны личнымъ сознаніемъ. Всестороннее изученіе фактовъ доказываетъ, что взглядъ этотъ слишкомъ узокъ, и я не могу согласиться съ нимъ. Съ теоретической точки зрѣнія взглядъ этотъ не даетъ намъ возможности охватить сходныя психическія явленія,

скрываетъ общіе законы, лежащіе въ основѣ ихъ, и не позволяетъ установить соотношеніе между однородными фактами. Диссоціація и дѣятельность, независимыя отъ центральнаго сознанія, не значатъ, что послѣднее должно ничего не знать о диссоціированныхъ процессахъ, и на практикѣ—какъ мы убѣдились, разсматривая автоматическое письмо—активно проявляющіяся диссоціированныя идеи, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ иногда опознаются, а иногда не опознаются субъектомъ. То же самое справедливо относительно постгипнотическихъ и другихъ анормальныхъ явленій. Даже когда личное сознаніе не знаетъ о диссоціированномъ со-сознаніи, послѣднее можетъ знать о содержаніи перваго. Уже на одномъ этомъ основаніи я предпочитаю терминъ „со-сознательное". Единственный признакъ и основной законъ подсознательнаго—это диссоціація и со-дѣятельность (автоматизмъ). Когда мы отдѣлаемся отъ мысли, что опознанность играетъ такую важную роль, мы можемъ понять отношеніе между подсознательностью истеричныхъ и распаденіемъ личности у психастениковъ—изслѣдованіе, которымъ сейчасъ, по его словамъ, занятъ профессоръ Жане. Навязчивыя идеи, импульсы, страхи, вообще вынужденныя стремленія психастениковъ такъ же отдѣлены отъ личнаго сознанія, какъ и у истеричныхъ, но въ одномъ случаѣ, благодаря извѣстной долѣ синтеза, онѣ бываютъ опознаны. Впрочемъ, истеричные тоже могутъ до извѣстной степени опознавать свои идеи, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ. Обыкновенно считается, что единственная разница между простыми и подсознательными навязчивыми идеями заключается въ томъ, что первыя опознаются субъектомъ, а вторыя—нѣтъ. Несомнѣнно, что фактъ опознанія значительно измѣняетъ ихъ психическое содержаніе, такъ какъ онъ вызываетъ различныя идеи,

которыя видоизмѣняютъ и до нѣкоторой степени вводятъ порядокъ въ это содержаніе. Здѣсь не мѣсто разсматривать различія и сходства между истеріей и психастеніей; но важно имѣть въ виду, что отсутствіе опознанности не есть главный факторъ въ развитіи подсознательнаго. Помня это, намъ будетъ легче установить соотношеніе между различными со-сознательными дѣятельностями не только въ различныхъ болѣзняхъ, но и въ нормальной жизни.

9.

Сторонники физіологическаго толкованія, по моему, наталкиваются на гораздо большія трудности, чѣмъ тѣ, которыя представляетъ психологическая теорія. Согласно основному принципу психо-физіологіи, мышленіе всегда сопровождается физіологическими процессами. Какой бы теоріи мы ни придерживались—теоріи параллелизма или отожествленія физическаго и психическаго—во всякомъ случаѣ, каждый психическій процессъ сопровождается процессомъ физіологическимъ—и наоборотъ. Мы не можемъ представить себѣ психической дѣятельности, которой бы не соотвѣтствовала дѣятельность физіологическая. Но какъ же въ такомъ случаѣ можно допустить, что никакія идеи не соотвѣтствуютъ сложному физіологическому процессу, способному проявляться какъ самостоятельное „я", обладающее разумомъ и волей? Вѣдь такое предположеніе нуждается въ объясненіи ничуть не меньше, чѣмъ неопознанность сознательныхъ процессовъ. Но, нѣсколько видоизмѣнивъ наше понятіе о физическомъ, возможно примирить эти два толкованія. Какъ панпсихистъ, я не вижу затрудненія въ томъ, чтобы допустить и физіологическое и психологическое толкованіе. Для сторонниковъ теоріи панпсихизма единственное различіе между сознательными и мозговыми процессами извѣст-

наго рода заключается въ точкѣ зрѣнія на нихъ. Они тожественны. Психическое есть реальность физическаго. Мозговые процессы для меня—не что иное, какъ объективныя проявленія сознательныхъ процессовъ, а сознаніе—не что иное, какъ реальность или „внутренняя жизнь" мозговыхъ процессовъ. Поэтому безразлично, назовемъ ли мы автоматическія дѣйствія проявленіемъ физіологической дѣятельности—если мы хотимъ употреблять только одинъ родъ терминовъ—или психической дѣятельности, если мы пользуемся и вторымъ родомъ терминовъ. Но, поступая такъ, мы не должны ихъ смѣшивать и обманывать себя. Когда мы думаемъ на языкѣ физіологіи, мы не должны вводить себя въ заблужденіе терминологіей и воображать, будто у физическихъ мозговыхъ факторовъ нѣтъ психическихъ эквивалентовъ. Придерживаться чисто физіологическаго объясненія и не допускать, что психическое входитъ въ истинную природу мозговыхъ процессовъ, значитъ предполагать, что сознаніе есть просто эпифеноменъ, нѣчто такое, что мы можемъ произвольно отбрасывать и опять допускать, когда мы имѣемъ дѣло съ мозговою дѣятельностью, и жонглировать съ нимъ, какъ жонглеръ съ монетами: одну минуту ихъ видно, а другую—нѣтъ.

Возможно, что намъ придется, если мы хотимъ избѣжать метафизическихъ тонкостей, дать конечное объясненіе многимъ сознательнымъ процессамъ на языкѣ физіологіи, такъ какъ объясненіе должно оперировать съ матеріаломъ, даннымъ въ опытѣ. Мы можемъ испытывать физіологическіе „слѣды" и путемъ простого умозаключенія отыскать физіологическій процессъ, слѣдами котораго они являются—и такимъ образомъ, можетъ быть, объяснить память. Но, какъ справедливо указываетъ профессоръ Мюнстербергъ, трудно понять, какъ можно удовлетворительно объ-

яснить память путемъ „психическихъ предрасположеній“—я бы сказалъ потому, что такія предрасположенія находятся внѣ сознанія и, слѣдовательно, мы не можемъ испытывать ихъ и представить себѣ, что они такое. Они становятся просто метафизическими отвлеченными понятіями. Что касается меня, я не могу даже вообразить себѣ, что „психическое предрасположеніе“ можетъ означать, напримѣръ, названіе или образъ, которыхъ въ данную минуту нѣтъ въ моемъ сознаніи—ни въ подсознательной области, ни въ комплексѣ моего самосознанія. Во всякомъ случаѣ, я не только говорю вмѣстѣ съ профессоромъ Мюнстербергомъ, что „физіологическая дѣятельность мозга вполнѣ можетъ дать интеллектуальные результаты“, но даже утверждаю, что она д о л ж н а быть въ состояніи это сдѣлать. Вопросъ единственно въ томъ, сопровождается ли она идеями, сопутствуетъ ли имъ, или она просто д р у г а я с т о р о н а идей. Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, можетъ быть рѣшенъ только путемъ логическихъ выводовъ изъ наблюденій, и въ предыдущихъ страницахъ я привожу тѣ доказательства, которыя въ настоящее время у насъ имѣются въ пользу предлагаемаго мною толкованія.

V.

Бернардъ Хартъ.

За послѣдніе годы понятіе подсознательнаго заняло видное мѣсто въ психіатріи. Оно такъ полезно для координаціи нашихъ знаній и плодотворно въ открытіи новыхъ сферъ изслѣдованія, что противодѣйствіе, которое оно сначала встрѣтило, теперь почти совсѣмъ исчезло. Но значительное разногласіе продолжаетъ

существовать относительно точнаго значенія этого термина. Въ чемъ заключается сущность подсознательнаго процесса—физіологическое это явленіе или психологическое? Этотъ или подобные вопросы доставляютъ обильную пищу для споровъ, и настоящій симпозіонъ показываетъ, какихъ различныхъ взглядовъ придерживаются современные психологи и психіатры.

Въ настоящей статьѣ сдѣлана попытка опредѣлить сущность этого понятія, его право войти въ систему современной науки и положеніе, которое оно можетъ занять въ ней.

Полезно будетъ разсмотрѣть сначала наиболѣе важные моменты въ историческомъ развитіи теоріи подсознательнаго. Затѣмъ мы обсудимъ, какими признаками должны обладать понятія для того, чтобы наука открыла имъ свои двери. Тогда мы будемъ въ состояніи рѣшить, насколько понятіе подсознательнаго отвѣчаетъ требованіямъ науки, и опредѣлить его мѣсто и роль въ психологіи.

Исторія мысли всегда развивалась подъ вліяніемъ стремленія, врожденнаго человѣческому уму—стремленія къ непрерывности. Нашъ умъ не выноситъ безсвязности, точно такъ же, какъ природа, какъ говорится, не выноситъ пустоты. Мы стремимся поставить каждый новый опытъ въ соотношеніе со старымъ, уничтожить необъяснимые пробѣлы и представить себѣ міръ какъ разумное, органически связное цѣлое. Миѳологія, религія и философскія системы доставляютъ много примѣровъ этого постояннаго стремленія. Въ наукѣ проявляется то же самое направленіе мысли, но ясно выраженное и принявшее послѣдовательный характеръ.

Еще въ раннемъ періодѣ исторіи философіи было замѣчено, что одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ различія между физическимъ и психическимъ заклю-

чается въ сравнительно прерывистомъ характерѣ послѣдняго. Психическая жизнь появляется нерегулярно, вспышками, продолжающимися только нѣкоторое время, а въ промежуткахъ между этими вспышками, повидимому, совершенно перестаетъ существовать. По сравненію съ нею матеріальный міръ казался непрерывнымъ, неизмѣннымъ и независимымъ отъ индивида. Слѣдовательно, чтобы поставить изученіе психической жизни на-ряду съ остальными нашими знаніями, надо было попытаться отдѣлаться отъ кажущейся прерывистости и нерегулярности психическаго опыта. Такая попытка встрѣчается почти во всѣхъ философскихъ системахъ. Но методъ болѣе раннихъ философовъ состоялъ главнымъ образомъ въ фантастическихъ, придуманныхъ построеніяхъ, задававшихся единственно цѣлями внутренней связности, но имѣвшихъ очень мало отношенія къ фактамъ. Только долго спустя послѣ того, какъ польза метода индуктивныхъ наукъ въ другихъ областяхъ знанія сдѣлалась очевидной, его попробовали примѣнить къ сферѣ психологіи.

Первая серьезная попытка заполнить пробѣлы психической жизни была сдѣлана Лейбницемъ, который показалъ, что наша сознательная жизнь заключаетъ въ себѣ мало интенсивные элементы, которые лежатъ внѣ ея главнаго русла, но тѣмъ не менѣе, слагаясь и комбинируясь, они дѣйствуютъ на нее. Шопенгауеръ (1) полагалъ, что множество нашихъ чувственныхъ воспріятій—результатъ безсознательныхъ умозаключеній, и та же самая теорія была разработана въ болѣе точной формѣ Гельмгольцемъ. Итакъ, въ этомъ періодѣ попытка объяснить пробѣлы въ психической жизни при помощи подсознательныхъ процессовъ приняла опредѣленную форму.

Но вопросъ о подсознательномъ впервые выступилъ на первый планъ, когда вышла въ свѣтъ книга Гарт-

мана „Philosophie des Unbewussten“ въ 1868 году. Энтузіазмъ, съ которымъ ее встрѣтили въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, служитъ яснымъ доказательствомъ той жажды непрерывности, о существованіи которой мы уже упоминали. Гартманъ разсматриваетъ подсознательное какъ вторую личность, скрытую подъ поверхностью нашего обычнаго сознанія, но совершенно съ нимъ сходную по своей структурѣ и функціямъ. Онъ прибѣгаетъ къ помощи этого гипотетическаго существа всякій разъ, какъ въ цѣпи наблюдаемой причинности встрѣчается пробѣлъ, и одаряетъ его поистинѣ удивительными свойствами. „Не будемъ приходить въ отчаяніе“, говоритъ онъ, „отъ того, что нашъ умъ такъ поглощенъ практическими интересами и такъ приниженъ отъ того, что въ насъ такъ мало поэзіи и духовности; въ сокровенномъ святая святыхъ каждой души обитаетъ чудесное нѣчто, нами несознаваемое, которое грезитъ и молится въ то время, какъ мы трудимся ради насущнаго хлѣба“. Историческая заслуга Гартмана заключается въ томъ, что его трудъ далъ толчекъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ; но самъ онъ такъ небрежно употреблялъ терминъ „безсознательное“, что это почти совершенно уничтожаетъ цѣнность его собственныхъ видовъ. Джемсъ назвалъ его теорію „ареной для причудъ“, а Гёфдингъ замѣчаетъ: „мы можемъ сказать о ней то же самое, что Галилей сказалъ объ объясненіи явленій Волей Всемогущаго— она ничего не объясняетъ, потому что объясняетъ все“ (4).

Очень большіе успѣхи въ изученіи подсознательнаго были сдѣланы французской школой патологической психологіи въ послѣдней половинѣ девятнадцатаго столѣтія; началомъ ихъ были труды Шарко и Рибо, а вѣнцомъ — работа Жане. Въ своемъ классическомъ „Automatisme Psyhologique“ Жане доказываетъ, что

очень многія болѣзненныя явленія можно вполнѣ объяснить, допустивъ существованіе диссоціированныхъ психическихъ элементовъ, лежащихъ внѣ сферы личности.

Мортонъ Принсъ далъ дальнѣйшую разработку точки зрѣнія Жане. Онъ раздѣляетъ психологическій матеріалъ на двѣ группы—переживанія, которыя субъектъ сознаетъ лично, и переживанія, которыя входятъ въ составъ его личности. Переживанія, лично не сознаваемыя, подраздѣляются далѣе на со-сознательныя и безсознательныя. Со-сознательное соотвѣтствуетъ въ общемъ „подсознательному“ Жане и означаетъ активно функціонирующія идеи, потерявшія связь съ личностью. Въ безсознательное входятъ явленія памяти и вообще всѣ идеи, образы и т. д., которые въ данную минуту не функціонируютъ активно и должны разсматриваться, какъ простые физіологическіе слѣды. Любое изъ этихъ явленій можетъ въ каждую данную минуту сдѣлаться сознательнымъ или со-сознательнымъ. По мнѣнію доктора Принса, главная особенность со-сознательныхъ идей заключается въ томъ, что онѣ существуютъ самостоятельно и не зависятъ отъ личнаго сознанія. Слѣдовательно, со-сознательное не значитъ непремѣнно „неопознанное личнымъ я“. Такъ, напримѣръ, въ хорошо извѣстномъ случаѣ, описанномъ въ „Диссоціаціи личности“, одно „я“ знаетъ всѣ мысли и дѣйствія другого, но считаетъ, что они принадлежатъ какому-то постороннему существу, къ которому оно относится съ нескрываемой непріязнью. Такое расширеніе теоріи Жане очень важно и даетъ намъ возможность разобраться въ аналогичныхъ явленіяхъ, наблюдаемыхъ при паранойѣ (paranoia).

Самое послѣднее развитіе теоріи подсознательнаго мы находимъ въ работахъ Фрейда, Юнга и цюрихской

школы. Ихъ толкованіе совершенно отлично отъ только что упомянутыхъ: между ними гораздо больше разницы, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Этотъ пунктъ станетъ болѣе ясенъ послѣ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ философскихъ вопросовъ, къ которымъ мы сейчасъ и перейдемъ.

Мы видѣли, что понятіе подсознательнаго развилось постепенно какъ результатъ нашего исканія непрерывности въ психической жизни. То же самое исканіе непрерывности повело, однако, къ попыткѣ разрѣшить затрудненія совершенно инымъ путемъ. Нѣкоторые философы стали утверждать, что психическое нереально, что оно просто эпифеноменальный продуктъ физическаго и что ничего, кромѣ матеріи, не существуетъ. Они полагали, что мозгъ выдѣляетъ мысль такъ, какъ печень выдѣляетъ желчь. Эта школа достигла своего расцвѣта въ матеріализмѣ Молешотта и Бюхнера—грубой и наивной философіи, теперь вполнѣ дискредитированной. Но позднѣйшіе философы, хотя они и признавали реальность психическаго, отрицали, что къ нему можно примѣнять методы науки. Такъ, Карлъ Ланге настаиваетъ, чтобы всѣ психологическія опредѣленія были замѣнены физіологическими, а Мюнстербергъ утверждаетъ, что психическіе факты не могутъ находиться въ причинной связи, потому что они не имѣютъ количественнаго характера (5). Очевидно, что, по мнѣнію этихъ писателей, не можетъ быть и рѣчи о причинности или о наукѣ, пока мы имѣемъ дѣло съ психическими фактами. Ихъ нужно сначала перевести на языкъ физіологіи и тогда можно будетъ формулировать о нихъ законы и такимъ образомъ включить ихъ въ систему нашего знанія. Эта школа, по удачному выраженію Гёфдинга, хочетъ въ сущности уничтожить психологію для того, чтобы сдѣлать изъ нея науку. Для приверженцевъ этой теоріи во-

просъ о подсознательности не существуетъ—и сознаніе и подсознаніе должны быть превращены въ физіологическіе процессы и разница между ними заключается только въ различной комбинаціи мозговыхъ элементовъ.

Нѣкоторые другіе психологи идутъ на компромиссъ,—они согласны разсматривать сознаніе съ психологической точки зрѣнія, но подсознательное, по ихъ мнѣнію, не что иное, какъ неудачное названіе мозговыхъ процессовъ, не сопровождающихся процессами психическими.

Итакъ, главный пунктъ разногласія между этими различными школами сводится къ вопросу, есть ли подсознательное явленіе мозговое или психическое, есть ли оно предметъ физіологіи или психологіи. Цѣль настоящей статьи показать, что этотъ вопросъ основанъ на недоразумѣніи и что его рѣшеніе станетъ очевиднымъ, какъ только мы правильно поймемъ значеніе терминовъ.

Прежде всего мы должны на время отвлечься отъ главнаго вопроса и разсмотрѣть вкратцѣ общіе признаки научныхъ понятій.

Философское разсмотрѣніе основъ науки возникло сравнительно недавно. Въ прежнія времена ученые довольствовались практическими результатами и не размышляли объ основаніяхъ, на которыхъ они строили свое зданіе. Но въ послѣдней половинѣ XIX столѣтія стала сознаваться необходимость точно опредѣлить и формулировать эти основанія. Отсюда возникла школа критической философіи, отличающаяся отъ всѣхъ другихъ философскихъ системъ тѣмъ, что ея представителями являются знаменитые ученые — Кларкъ-Максуэль, Оствальдъ, Махъ, Карлъ-Пирсонъ. „Грамматика науки“ Пирсона до сихъ поръ остается въ англійской литературѣ самой лучшей защитой принциповъ, цѣлей и методовъ современной науки. Я

заимствую съ ея страницъ основныя положенія, которыя я кратко излагаю. По недостатку мѣста я могу дать только перечень главныхъ заключеній, а доказательства ихъ правильности читатель долженъ искать въ самой книгѣ.

Науку характеризуетъ не ея содержаніе, а ея методъ изслѣдованія; она включаетъ всю область знанія, и терминъ „наука“ примѣнимъ одинаково и къ химіи и къ исторіи. Она имѣетъ дѣло не съ фантастической сущностью, называемой „матерія“, но съ содержаніемъ человѣческаго сознанія, и признаетъ себя неспособной имѣть дѣло съ чѣмъ-нибудь, что не входитъ въ это содержаніе. Матеріаломъ науки ,слѣдовательно, является человѣческій опытъ, то, что Джемсъ называетъ „потокъ чувственной реальности“. Другими словами, феномены, какого-бы рода они ни были, составляютъ матеріалъ, а наука есть нашъ способъ обращаться съ этимъ матеріаломъ. Мы знаемъ, что человѣческій опытъ не есть нѣчто безпорядочное и хаотическое, но что событія слѣдуютъ одно за другимъ въ болѣе или менѣе правильномъ порядкѣ. Въ этомъ заключается принципъ единообразія природы и цѣль науки—найти способъ переходить отъ одной части опыта къ другой съ наименьшей тратой умственной энергіи, другими словами, достигнуть экономіи мысли. Методъ ея состоитъ въ томъ, чтобы, во-первыхъ, взять какой-нибудь отдѣлъ человѣческаго опыта и распредѣлить факты, въ немъ находящіеся, въ извѣстномъ порядкѣ; во-вторыхъ, найти какой-нибудь простой способъ выражать неопредѣленное количество фактовъ посредствомъ одной формулы. Такая формула есть научный законъ. Чѣмъ къ большему количеству фактовъ законъ относится, тѣмъ болѣе основнымъ онъ является. Законъ—не какая-то миѳологическая реальность, а просто построеніе человѣческаго ума, нужное для того,

чтобы намъ было легче справляться со своими опытами. Если мы разсмотримъ любой научный законъ, для того, чтобы опредѣлить его сущность, мы увидимъ, что онъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ чувственнымъ впечатлѣніямъ или, другими словами, къ феноменальноії реальности, — но имѣетъ вполнѣ идеальный или умозрительный характеръ. Смыслъ этого утвержденія станетъ яснѣе изъ примѣра; возьмемъ законъ Ньютона, что каждая матеріальная частица притягивается каждой другой частицей. Матеріальная частица не есть чувственное воспріятіе,—она опредѣляется какъ безконечно-малая частица матеріи, т.-е. чистая идея, для образованія которой чувственныя данныя опыта должны превратиться въ нашемъ умѣ въ концепты. „Ньютонъ работаетъ здѣсь при помощи отвлеченныхъ понятій потому, что онъ никогда не видѣлъ—и ни одинъ физикъ послѣ него не видѣлъ—отдѣльныхъ частицъ матеріи и не могъ разсмотрѣть, въ какомъ отношеніи стоитъ движеніе двухъ такихъ частицъ къ ихъ положенію въ пространствѣ“ (6). Подобнымъ образомъ геометрія съ ея точками, прямыми и плоскостями, оперируетъ съ матеріаломъ, который, по ея собственному признанію, имѣетъ отвлеченный характеръ и не существуетъ реально въ мірѣ чувственнаго воспріятія. Физическія понятія атома и эѳира совершенно аналогичны. Итакъ, мы видимъ, что цѣль науки не въ томъ, чтобы отражать, какъ въ зеркалѣ, какой-то гипотетическій міръ, лежащій совершенно внѣ человѣческаго сознанія, а просто въ томъ, чтобы дать намъ отвлеченный планъ, „мысленную стенографію“, съ помощью которыхъ мы можемъ охватить однимъ взглядомъ свои чувственныя воспріятія и предсказать дальнѣйшія событія. Физикъ создаетъ свой планъ вселенной при помощи понятія атомовъ. Эти атомы являются просто символами составныхъ

частей тѣлъ, воспринимаемыхъ въ опытѣ, и мы не должны думать, что они сходны съ опредѣленными чувственными эквивалентами. Мы предполагаемъ, что они двигаются такимъ образомъ, который даетъ намъ возможность описать съ наибольшей точностью послѣдовательность нашихъ ощущеній. Этотъ способъ движенія коротко выражается посредствомъ такъ называемаго закона движенія" (7). Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что наука есть просто нашъ способъ мыслить о предметахъ. Raison d'être науки заключается именно въ томъ, что она позволяетъ намъ резюмировать наши чувственныя впечатлѣнія и предсказывать будущія событія; насколько она цѣнна, какъ истина, зависитъ отъ того, насколько она цѣнна какъ рабочая гипотеза, посредствомъ которой мы можемъ овладѣть явленіями.

Одни и тѣ же факты мы можемъ представлять себѣ различно, и какую именно точку зрѣнія мы изберемъ, зависитъ отъ практическихъ требованій минуты. Такъ, съ точки зрѣнія математики, тѣла ограничены непрерывными плоскостями, тогда какъ физикъ долженъ предполагать, что они ограничены атомами, отдѣленными другъ отъ друга пустымъ пространствомъ. Нельзя сказать, что одна изъ этихъ точекъ зрѣнія болѣе правильна, чѣмъ другая; вопросъ просто въ томъ, которая изъ нихъ имѣетъ бо́льшую практическую цѣнность въ данной области.

Вооружившись этими соображеніями, обратимся теперь къ той сферѣ, которая касается насъ ближе, и, во-первыхъ, разсмотримъ вопросъ о физическомъ и психическомъ. Въ чемъ въ сущности разница между физикой и психологіей? Обыкновенно говорится, что существуютъ два класса явленій, физическія и психическія, два ряда, которые такъ качественно различны, что переходъ отъ одного ряда къ другому немыслимъ.

Отношеніе между этими двумя рядами послужило поводомъ къ безчисленнымъ философскимъ спорамъ, и подходя къ этому вопросу, наука не должна забывать о метафизическихъ трудностяхъ, подстерегающихъ ее со всѣхъ сторонъ.

Еще Бёркли указалъ, что мы можемъ непосредственно знать только свои чувственныя впечатлѣнія, и современная наука, съ трудомъ усвоивъ этотъ фактъ, перестала претендовать на изученіе „вещей въ себѣ“ и изгнала эти послѣднія въ область безполезныхъ фикцій. Идеалы науки вполнѣ прагматичны, и полезность является ея единственнымъ критеріемъ истины; она признаетъ, что ея область—содержанія человѣческаго сознанія, не больше и не меньше. Современнаго ученаго нельзя, слѣдовательно, обвинить въ томъ, что онъ раздѣляетъ популярное ученіе, что „реальность“ состоитъ изъ „матеріальной субстанціи“, которая посредствомъ „энергіи и силы“ дѣйствуетъ на „духовную субстанцію“, производя въ послѣдней ощущенія, отражающія въ себѣ внѣшній міръ. Но что же въ такомъ случаѣ онъ понимаетъ подъ различіемъ между духовнымъ и матеріальнымъ? Онъ подразумѣваетъ два разныхъ способа разсматривать человѣческій опытъ. Что касается самыхъ явленій, физикъ и психологъ имѣютъ дѣло съ одними и тѣми же данными, а именно, съ чувственными впечатлѣніями; различіе между ними заключается въ томъ способѣ, при помощи котораго они резюмируютъ эти чувственныя впечатлѣнія, чтобы выразить ихъ посредствомъ простыхъ формулъ. Физикъ резюмируетъ свои чувственныя впечатлѣнія при помощи умозрительнаго построенія, включающаго пространство и время, тогда какъ психологъ разсматриваетъ ихъ, какъ дѣйствительные или возможные элементы сознанія. По словамъ Маха (8), ихъ методы изслѣдованія идутъ „въ разныхъ направленіяхъ“. Конечная

цѣль физика—дать полное описаніе вселенной въ терминахъ движенія или механизма; конечная цѣль психолога есть „личность“. Нельзя сказать, что тотъ или другой методъ лучше, совершеннѣе или реальнѣе другого; оба имѣютъ одинаковое право войти въ систему науки и ихъ можно сравнивать только съ точки зрѣнія полезности. Мы только можемъ спрашивать, посредствомъ какого метода удобнѣе резюмировать нашъ прошлый опытъ и предсказывать будущій. Единственный отвѣтъ, который при настоящемъ состояніи знанія можетъ быть данъ на этотъ вопросъ, это что оба метода имѣютъ свою цѣнность и что ни одинъ изъ нихъ нельзя замѣнить другимъ. И психологамъ и физіологамъ должно быть предоставлено право идти каждому своимъ путемъ.

Но нельзя перескакивать отъ одного метода къ другому. Физіологъ не долженъ вводить психологическихъ понятій въ свою цѣпь причинъ и слѣдствій, а психологъ не долженъ заполнять клѣточками и нервными центрами пробѣлы въ своемъ разсужденіи. Первая ошибка встрѣчается сравнительно рѣдко, вторая же, къ сожалѣнію,—слишкомъ часто. Ни одинъ физіологъ не согласится допустить идеи, какъ дѣятельный элементъ въ ряду перемѣнъ, происходящихъ въ нервной системѣ. Онъ просто говоритъ, что такое понятіе для него безполезно и что оно не только не помогаетъ ему объяснять явленія, но портитъ его разсужденіе и отнимаетъ цѣнность у всѣхъ понятій, съ которыми онъ работалъ прежде. Но психологъ—„немощнѣйшій сосудъ“, не такъ часто принадлежащій къ „непереубѣдимой школѣ философіи“, по выраженію Джемса. Онъ обыкновенно согласенъ смиренно допустить, что явленія памяти удовлетворительно объясняются потенціальной физической энергіей мозговыхъ клѣтокъ и не рѣшается утверждать, что потенціальная психиче-

ская энергія идей есть столь же законное понятіе, которое точно также имѣетъ или не имѣетъ права на реальное существованіе [1]).

Различіе между реальными фактами и отвлеченными понятіями, лежащее въ основѣ только что указанныхъ принциповъ, имѣетъ огромную важность. Все, что можетъ быть испытано въ опытѣ,— фактъ, а научное отвлеченное понятіе есть построеніе ума, которое вовсе не можетъ быть испытано. Нервное волокно— фактъ, а нервный токъ, который по нему проходитъ,— понятіе. Нервный токъ не данъ намъ въ опытѣ, мы испытываемъ только результаты, которые мы ему приписываемъ; другими словами, мы придумываемъ нервный токъ, чтобы объяснить фактическіе результаты. Подобнымъ образомъ цвѣта, химическія вещества, падающія тѣла—факты, а эѳирныя волны, атомы сила тяготѣнія—отвлеченныя понятія. Точно такое же различіе встрѣчается и при научной разработкѣ психологическаго ряда, что я и надѣюсь впослѣдствіи доказать.

Только за послѣдніе годы стало возможно примѣнить научный методъ къ патологической психологіи. Для этого необходимо было замѣнить интроспективную психологію объективнымъ изслѣдованіемъ и разсматривать извѣстныя внѣшнія проявленія, какъ признаки

---

[1]) Характеристика научнаго метода заимствована главнымъ образомъ изъ моей статьи „философія психіатріи“ (Journal of mental science July, 1908), которая подробно изслѣдуетъ научныя основанія психіатріи. Я употребляю терминъ, чувственное впечатлѣніе ради удобства. Но нельзя утверждать, что сознаніе состоитъ изъ однихъ только чувственныхъ элементовъ: мышленіе и эмоціи заключаютъ въ себѣ факторъ, который нельзя свести на ощущенія въ истинномъ смыслѣ этого слова. Чтобы быть точнымъ, выраженіе „чувственныя впечатлѣнія“ въ настоящей статьѣ слѣдовало бы всюду замѣнить выраженіемъ „элементы опыта“.

извѣстныхъ сознательныхъ процессовъ; такое умозаключеніе по аналогіи дѣлаетъ каждый изъ насъ, говоря съ другимъ человѣкомъ. Не сдѣлавъ этого допущенія, невозможно было подвергнуть научному изслѣдованію психическіе процессы душевно-больныхъ. Нѣтъ нужды упоминать, что психологія должна также постулировать полнѣйшій детерминизмъ внутри психическаго ряда. Въ основаніи научнаго метода лежитъ прежде всего законъ причинности.

Итакъ, наше опредѣленіе науки и ея отношеніе къ психологіи можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

1) психическое и физическое суть два разныхъ способа, разсматривать человѣческій опытъ;

2) съ точки зрѣнія науки мы должны постулировать полнѣйшій детерминизмъ и въ той и другой области;

3) научный методъ примѣнимъ и къ физическому и къ психическому. Онъ состоитъ въ болѣе или менѣе произвольномъ дѣленіи феноменальнаго опыта на искусственные элементы и въ построеніи законовъ, управляющихъ взаимодѣйствіемъ этихъ элементовъ. Единственный raison d'être такихъ законовъ заключается въ томъ, что они даютъ намъ возможность выразить въ краткой формулѣ нашъ прошлый опытъ и предсказать будущій и такимъ образомъ достигнуть „экономіи мысли“;

4) наука не утверждаетъ, что элементы, съ которыми она имѣетъ дѣло, непремѣнно должны соотвѣтствовать чему-то чувственно-воспринимаемому. Нѣкоторымъ изъ этихъ элементовъ она приписываетъ свойства, несовмѣстимыя съ чувственнымъ опытомъ (напр., невѣсомый и не производящій тренія эѳиръ). Поэтому построенія науки имѣютъ въ значительной степени умозрительный характеръ и ихъ нужно рѣзко разгра-

ничивать отъ явленій, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ опытѣ;

5) различные элементы, входящіе въ научное построеніе, должны быть однородны—они могутъ быть или физическими или психическими, но не могутъ состоять частью изъ однихъ, а частью—изъ другихъ.

Теперь мы можемъ вернуться къ главному вопросу, насъ занимающему, и въ свѣтѣ основныхъ принциповъ разсмотрѣть различныя теоріи подсознательнаго.

Сразу ясно, что намъ придется кореннымъ образомъ разойтись съ тѣми психологами, которые считаютъ подсознательное явленіемъ мозговымъ, а не психическимъ. Ихъ теорія представляетъ примѣръ перескакиванія отъ одного типа объясненія къ другому, что, какъ мы видѣли, несовмѣстимо съ методомъ науки. Понятіе должно быть однородно съ фактами, для объединенія которыхъ оно предназначено. Нельзя считать клѣточки и нервныя волокна связующимъ звеномъ между двумя идеями. Понятія, употребляемыя психологіей, должны всѣ принадлежать къ психическому ряду. Только такимъ путемъ психологія можетъ уподобиться другимъ наукамъ и построить систему формулъ, которая даетъ намъ возможность сразу охватить нашъ прошлый опытъ и предсказать будущій. Понятіе подсознательнаго было придумано психологами для объясненія извѣстныхъ психологическихъ явленій, и мы должны разсматривать его, какъ понятіе психологическое.

По тѣмъ же причинамъ память нужно тоже считать психологическимъ понятіемъ, построеннымъ для того, чтобы заполнить пробѣлы въ ряду психическихъ явленій. Разумѣется, справедливо, что сама память не есть психическій фактъ данный въ опытѣ. Мы испытываемъ просто возобновленіе извѣстныхъ сознательныхъ процессовъ, но чтобы удовлетворить свое стре-

мленіе къ непрерывности, мы предполагаемъ, что они какимъ то образомъ все время продолжали существовать, и изобрѣтаемъ понятіе памяти, чтобы объяснить такое непрерывное существованіе. Если читатель недостаточно усвоилъ основные принципы современной философіи науки, такое истолкованіе памяти можетъ показаться ему весьма неудовлетворительнымъ. Онъ можетъ возразить, что разъ психологія не въ состояніи сказать ничего большаго, онъ предпочитаетъ стать на физіологическую точку зрѣнія и разсматривать память какъ сохраненіе слѣдовъ въ мозгу. Но онъ скоро убѣдится, что физіологическое понятіе памяти, точно такъ же, какъ и психологическое, не есть реальный фактъ; онъ замѣтитъ, что употребляетъ термины въ родѣ „нервной энергіи“ „возбудимости проводниковъ“ и другія чисто отвлеченныя идеи и увѣрится, наконецъ, что „сохраненіе слѣдовъ“—просто отвлеченное понятіе, придуманное для того, чтобъ коротко выразить фактъ повторяемости извѣстныхъ мозговыхъ явленій. Отъ того, что мы перенесемъ память въ область физіологіи, она не сдѣлается реальнымъ фактомъ, а всегда останется отвлеченнымъ понятіемъ. А если съ обѣихъ точекъ зрѣнія память является просто отвлеченнымъ понятіемъ, то несомнѣнно, что когда идетъ рѣчь о возобновленіи сознательныхъ процессовъ, она есть понятіе психологическое. Въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и въ случаѣ подсознательнаго, мы ничего не выигрываемъ тѣмъ, что внезапно перескакиваемъ въ другую область и ipso facto теряемъ возможность открыть общій научный законъ. Утвержденіе, что подсознательное есть мозговое, а не психическое явленіе совершенно аналогично утвержденію, что законъ тяготѣнія—психологическое, а не физическое понятіе [1]). Примѣръ па-

[1]) Мюнстербергъ (гл. I) возражаетъ, что „тѣ, кто настаиваютъ

мяти показываетъ, что психологія, какъ и другія науки, имѣетъ свои факты и свои умственныя построенія. Это только повтореніе того факта, что науки отличаются не по методу, а по содержанію.

До сихъ поръ мы ради удобства говорили о подсознательномъ, такъ какъ будто оно тоже есть умственное построеніе, но это требуетъ значительныхъ оговорокъ. Необходимо имѣть въ виду, что, говоря о подсознательномъ, разные писатели не только разсматриваютъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія, но и думаютъ о совершенно разныхъ вещахъ. Мортонъ Принсъ говоритъ, что терминъ „подсознательное" обыкновенно употребляется самымъ небрежнымъ образомъ, заслуживающимъ строгаго порицанія; имъ обозначаются факты различнаго порядка, толкованія фактовъ и философскія теоріи. Поэтому не имѣетъ смысла говорить о подсознательномъ какъ таковомъ, не опредѣливъ предварительно значенія, которое мы придаемъ этому термину. Докторъ Принсъ перечислилъ въ предисловіи различныя его значенія. Стаутъ и другіе психологи употребляютъ его для обозначенія состояній, находящихся на периферіи сознанія и внѣ фиксаціонной точки вниманія. Здѣсь подсознательное значитъ просто смутно

что образы памяти указываютъ на присутствіе психическаго предрасположенія и не могутъ быть объяснены физіологическими слѣдами, забываютъ, что, разсуждая такимъ образомъ, придется допустить спеціальное психическое предрасположеніе для каждаго новаго воспріятія. Каждый разъ, какъ мы видимъ или слышимъ что-нибудь, представленіе „загадочнымъ образомъ" входитъ въ сознаніе". Но это не вполнѣ справедливо; логическое развитіе вышеупомянутой теоріи заключалось бы просто въ допущеніи, что каждое новое ощущеніе м о ж е т ъ быть приписано, между прочимъ, и психическимъ предрасположеніямъ. Но понятія науки должны удовлетворять критерію полезности.

Мы создаемъ понятія памяти и подсознательнаго для того, чтобы съ ихъ помощью объяснить то, что мы встрѣчаемъ въ опытѣ; но допускать психическое предрасположеніе для каждаго новаго

сознаваемое. Майерсъ приписываетъ подсознательному сверхъестественныя свойства и благодаря этому его теорія лежитъ совершенно внѣ сферы науки. Мы уже говорили о Гартмановскомъ представленіи о подсознательномъ, какъ о второмъ „я“ во всѣхъ отношеніяхъ сравнимомъ съ личнымъ сознаніемъ. Остальныя значенія лучше всего иллюстрируются теоріями Жане и Фрейда и теперь мы должны разсмотрѣть ихъ болѣе подробно.

Мы переживаемъ непосредственно только свои собственныя состоянія сознанія, о сознаніи же другихъ мы заключаемъ по аналогіи, во-первыхъ, прямо, изъ того, что они намъ говорятъ, а, во-вторыхъ, косвенно изъ ихъ дѣйствій [1]). По мнѣнію Жане и его послѣдователей, подсознательное по существу не отличается

ощущенія совершенно безцѣльно. Приходится признать, что ощущенія появляются въ сознаніи, не будучи подготовлены, и нѣтъ научныхъ основаній не соглашаться съ этимъ. Не согласиться можно было бы въ томъ случаѣ, если бы мы предполагали, что въ каждомъ индивидуальномъ сознаніи происходитъ сохраненіе психической энергіи, аналогичное сохраненію энергіи въ физическомъ мірѣ. Съ точки зрѣнія панпсихизма можно, конечно, утверждать, что каждому ощущенію предшествуетъ нѣчто психическое, но оно существуетъ, разумѣется, не въ индивидуальномъ сознаніи. При теперешнемъ состояніи знанія такое предположеніе безполезно, а потому и ненаучно. На панпсихизмъ можно смотрѣть какъ на психологическую утопію.

[1]) Можно утверждать, что наше знаніе о психической жизни другихъ людей есть въ сущности умственное построеніе, потому, что мы не воспринимаемъ ее непосредственно. Если придавать словамъ „умственное построеніе“ совершенно неопредѣленный смыслъ, это, конечно, справедливо. Но такія дедукціи кореннымъ образомъ отличаются отъ умственныхъ построеній науки. По сравненію съ послѣдними они—факты, точно такъ же, какъ гелій на солнцѣ есть фактъ,—и наука и обычная жизнь принуждены обращаться съ ними, какъ съ таковыми. Утверждать противное—значитъ стать на точку зрѣнія солипсизма.

отъ сознательныхъ явленій въ другихъ людяхъ—мы умозаключаемъ о его существованіи на совершенно такихъ же основаніяхъ. Д-ръ Принсъ удачно показалъ это въ своей части симпозіона. Если мы разговариваемъ съ больнымъ, рука котораго въ это время пишетъ о вещахъ, ему неизвѣстныхъ, мы говоримъ, что письмо сопровождается подсознательною дѣятельностью на томъ же самомъ основаніи, на которомъ мы говоримъ, что разговоръ больного сопровождается сознательною дѣятельностью. Особенность подсознательнаго заключается единственно въ томъ, что оно диссоціировано отъ тѣхъ „сознательныхъ явленій въ другихъ", которыя мы называемъ личностью. Слѣдовательно, для Жане подсознательное есть дѣйствительный фактъ. Оно можетъ имѣть самую простую форму и состоять изъ одной только какой-нибудь идеи, но все же остается фактомъ. Самъ Жане замѣчаетъ: „эти разнообразные факты по существу одинаковы съ тѣми, которые мы привыкли наблюдать въ нормальныхъ людяхъ и объяснять вмѣшательствомъ разума. Конечно, можно сказать, что сомнамбула—просто заводная кукла, но въ такомъ случаѣ придется сказать то же самое обо всѣхъ живыхъ существахъ. Слово „раздвоеніе сознанія" не есть философское объясненіе; оно просто выражаетъ общее свойство, наблюдаемое во всѣхъ этихъ болѣзненныхъ явленіяхъ" (10).

Переходя ко взглядамъ Фрейда и Юнга, мы опять встрѣчаемъ явленіе диссоціаціи, но здѣсь оно соединено съ теоріями совершенно иного свойства. По недостатку мѣста я не могу дать подробнаго описанія этихъ теорій и долженъ поэтому предположить, что онѣ уже извѣстны читателю въ общихъ чертахъ. Насъ здѣсь интересуютъ самые общіе взгляды, лежащіе въ основѣ теоріи Фрейда, и мы могли бы выразить ихъ своими словами слѣдующимъ образомъ. Под-

сознательное (Unbewusstsein) разсматривается какъ море безсознательныхъ идей и эмоцій, на поверхности котораго играетъ феноменальное сознаніе, лично сознаваемое нами. Эти безсознательныя идеи образуютъ группы, сопровождающіяся аффектами; системы, создавшіяся такимъ образомъ, называются „комплексами". Эти комплексы обладаютъ и потенціальной и кинетической энергіей и потому могутъ вліять на феноменальное сознаніе, согласно извѣстнымъ, опредѣленнымъ законамъ. Какъ они вліяютъ, зависитъ отъ ихъ отношенія одинъ къ другому и къ нормально доминирующему или ego-комплексу. Идеи и аффекты, составляющіе комплексъ, могутъ или прямо войти въ сознаніе или вліять на него косвенно и смутно. Косвенное вліяніе можетъ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ—въ формѣ символизма, забыванія словъ, нарушенія процессовъ ассоціаціи и т. д. Одиночная идея или образъ могутъ быть обусловлены множествомъ безсознательныхъ комплексовъ.

Все это, конечно, сильно отличается отъ теорій, которыя мы до сихъ поръ разсматривали. Въ чемъ заключается разница? Что такое „безсознательная идея?" Развѣ это не безсмысленное и не противорѣчивое понятіе? Испыталъ-ли кто-нибудь когда-нибудь „безсознательный комплексъ?" отвѣтъ на всѣ эти вопросы очень простъ. Мы уже больше не въ области фактовъ, а въ области отвлеченныхъ понятій. Безсознательныя идеи и комплексы—не реальные факты, а понятія, умственныя построенія, придуманныя для объясненія извѣстныхъ фактовъ; они не даны намъ, а созданы нами. Предпосылки, подразумѣваемыя теоріей Фрейда, можно выразить слѣдующимъ образомъ: если мы допустимъ, что существуютъ извѣстные факты, которые можно назвать безсознательными идеями и комплексами, если мы припишемъ этимъ фактамъ извѣстныя свойства и предположимъ, что они повинуются

извѣстнымъ законамъ, мы найдемъ, что результаты, полученные такимъ образомъ, совпадаютъ съ явленіями реальнаго человѣческаго опыта. Такой ходъ мысли аналогиченъ съ тѣмъ, который лежитъ въ основѣ всѣхъ теоретическихъ построеній естественныхъ наукъ—теоріи атомовъ, теоріи свѣтовыхъ волнъ, закона тяготѣнія и современной теоріи наслѣдственности Менделя.

Итакъ, мы обязаны Фрейду первой послѣдовательной попыткой построить теоретическую психологію. Его попытка формулировать умственное построеніе, которое даетъ намъ возможность резюмировать нашъ опытъ, есть законное примѣненіе научнаго метода. Конечно, правда, что Фрейдъ пользуется понятіями, которыя мы даже не можемъ себѣ представить реально существующими. Но мы видѣли, что то же самое можно сказать о теоріяхъ физики. Безсознательная идея такъ же невозможна фактически, какъ невозможенъ невѣсомый, не производящій тренія эѳиръ. Она не болѣе и не менѣе немыслима, чѣмъ математическое понятіе $\sqrt{-1}$. Возраженія такого рода не лишаютъ насъ права употреблять въ наукѣ понятія, которыя не относятся ни къ чему фактически существующему; достаточнымъ доказательствомъ этого служитъ польза такихъ понятій въ физикѣ. Необходимо только ясно понимать, что мы говоримъ объ отвлеченныхъ понятіяхъ, а не о фактахъ.

Точно такъ же мы говоримъ о „комплексахъ“, потому что для цѣлей психологіи удобно предполагать, что идеи соединены въ системы, что системы эти существуютъ въ нашемъ умѣ, хоть мы ихъ и не сознаемъ, и что онѣ вліяютъ на феноменальное сознаніе, которое можетъ быть опознаннымъ или неопознаннымъ. Можно сказать, что „комплексъ“ въ психологіи аналогиченъ понятію силы въ физикѣ. Строго говоря,

комплексъ, какъ таковой, никогда не можетъ быть фактомъ опыта, частью феноменальнаго сознанія. Извѣстныя идеи, аффекты и стремленія, входящіе въ комплексъ, могутъ быть даны въ опытѣ, мы можемъ сознавать, что обладаемъ этимъ комплексомъ, но комплексъ, какъ цѣлое, какъ движущая сила, никогда не можетъ быть испытанъ непосредственно; это—отвлеченное понятіе. Это видно изъ примѣра. Возьмемъ „политическій комплексъ". Когда политическому дѣятелю, принадлежащему къ извѣстной партіи, приходится разсмотрѣть какое-нибудь новое мѣропріятіе, его мнѣніе въ значительной степени зависитъ отъ установившихся системъ, идей и направленій, которыя мы называемъ его „политическимъ комплексомъ". Онъ можетъ быть искренно убѣжденъ, что поступаетъ единственно подъ вліяніемъ безпристрастнаго разсмотрѣнія доводовъ за и противъ даннаго закона, но психологъ знаетъ, что на самомъ дѣлѣ это не такъ. Даже если политикъ самъ сознаетъ, что онъ предубѣжденъ, та сложная система, о которой мы говоримъ, едва-ли можетъ, какъ цѣлое, находиться передъ его сознаніемъ. „Политическій комплексъ" безсознателенъ и не можетъ быть даже со-сознательнымъ.—Это просто умственное построеніе, которое дастъ намъ возможность объяснить тотъ фактъ, что когда такой-то сталкивается съ извѣстной политической ситуаціей, онъ склоненъ дѣйствовать въ такомъ то постоянномъ направленіи.

Я не могу согласиться съ докторомъ. Притомъ когда онъ говоритъ, „что соединяетъ переживанія сенсаціоннаго несчастья на желѣзной дорогѣ, навязчивыя идеи, настроенія или какія угодно ассоціаціи въ одно связное цѣлое? Нервная система, а не сознаніе" (11). Я бы сказалъ скорѣе, что отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны искать въ сферѣ отвлеченныхъ понятій, а не фактовъ.

Понятіе комплекса не совсѣмъ ново въ психологіи, хотя оно и ново по имени. Когда Джемсъ говоритъ о различныхъ „я", опредѣляющихъ наше поведеніе, его описаніе можно цѣликомъ перевести на языкъ комплексовъ. Подобнымъ образомъ Гёфдингъ, говоря о теоріи ассоціанистовъ, указываетъ, что „въ процессѣ ассоціаціи соединенное цѣлое вліяетъ на отдѣльныя мысли" (13).

Отсутствіе чувственныхъ эквивалентовъ для многихъ понятій, употребляемыхъ Фрейдомъ, особенно замѣтно при чтеніи такой книги, какъ „Traumdeutung". Въ ней отдѣльный образъ сновидѣнія разсматривается какъ порожденіе многочисленныхъ комплексовъ; единичный образъ появляется въ сознаніи какъ результатъ ихъ комбинаціи и взаимодѣйствія. Можно-ли представить себѣ состояніе сознанія, въ которомъ вся эта масса психическихъ элементовъ находится фактически на лицо? У насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ того, что они дѣйствительно существуютъ— такихъ доказательствъ, какія мы имѣемъ, напр., относительно автоматическаго письма, о которомъ говорилось выше. Самъ Фрейдъ замѣчаетъ: „какъ мы должны представить себѣ психическое состояніе во время сна? Появляются-ли мысли во снѣ (которыя впослѣдствіи мы выясняемъ себѣ посредствомъ анализа) всѣ вмѣстѣ или одна за другой или онѣ образуютъ различныя одновременныя теченія, которыя, въ концѣ-концовъ, сливаются воедино? По моему, намъ нѣтъ надобности стараться вообразить психическое состояніе во время сновидѣній. Мы не должны забывать, что говоримъ о безсознательномъ мышленіи, а вполнѣ возможно, что оно происходитъ совершенно иначе, чѣмъ сознательное мышленіе, съ которымъ мы знакомы" (14). Подобныя соображенія примѣнимы также къ Фрейдову описанію механизма забыванія словъ, ошибокъ рѣчи и т. д.

Эта сторона ученія Фрейда возбудила сильныя нападки потому, что введеніе теоретической психологіи показалось страннымъ тѣмъ, кто привыкъ поручать психологіи только описаніе фактовъ, а объясненіе этихъ фактовъ предоставлять физіологіи. Всѣ эти затрудненія исчезаютъ, какъ только мы вспомнимъ, что говоримъ о понятіяхъ, а не о фактахъ. Мы совсѣмъ не обязаны наглядно представлять себѣ массу одновременныхъ безсознательныхъ идей, точно такъ же, какъ физикъ не обязанъ наглядно представить невѣсомый и не производящій тренія эѳиръ. При изученіи этихъ вопросовъ необходимо проводить рѣзкое различіе между феноменами и умственными построеніями. Несоблюденіе этого метода, мнѣ кажется, привело къ той путаницѣ въ терминологіи и методахъ, которую такъ осуждаетъ докторъ Принсъ въ своемъ сообщеніи о подсознательномъ на конгрессѣ, бывшемъ недавно въ Женевѣ. Лучше всего примѣнять термины „подсознательное" только къ реальнымъ фактамъ, на которые указалъ Жане, а понятіе Фрейда называть „безсознательное" — буквальный періодъ нѣмецкаго Unbewusstsein.

Скоттъ (15) возражаетъ, что теорія Фрейда есть возвращеніе къ атомистической доктринѣ въ психологіи; но всѣ науки принуждены разбивать—болѣе или менѣе произвольно—непрерывныя реальности на искусственные элементы. Онѣ требуютъ, чтобы, между понятіями была непрерывная связь, а фактическій матеріалъ мыслился бы какъ нѣчто безсвязное". Кромѣ того, теорія безсознательнаго имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ философская система ассоціаціонизма, въ которой составные элементы считаются реальными, а единство цѣлаго—нереальнымъ.

Не слѣдуетъ думать, будто я пытаюсь доказать правильность теоріи Фрейда. Это совсѣмъ не входитъ

въ цѣли настоящей статьи. Моя задача только показать, что его теорія вполнѣ укладывается въ рамки науки и обладаетъ всѣми свойствами, которыя требуются наукой отъ умственныхъ построеній. Но если такъ, правильность теоріи Фрейда должна быть установлена тѣмъ методомъ, который примѣняется ко всѣмъ научнымъ гипотезамъ, т.-е. методомъ эксперимента и провѣрки. Ее нельзя признать правильной или неправильной на основаніи апріорныхъ соображеній. Теорію нужно примѣнить къ фактамъ и сравнить результаты съ тѣмъ, что существуетъ въ дѣйствительности: истина научной теоріи есть не что иное, какъ ея практическая полезность, ея способность помочь намъ охватывать нашъ прошлый опытъ и предсказывать будущій.

Теперь мы должны пойти дальше и постараться опредѣлить отношеніе между подсознательнымъ Жане и безсознательнымъ Фрейда. Часто предполагаютъ, что это—отношеніе соперничества, но если мы правильно анализировали обѣ теоріи, такой взглядъ оказывается ошибочнымъ. Не можетъ быть соперничества между описаніемъ реальныхъ фактовъ и системой отвлеченныхъ понятій, придуманной для объясненія этихъ фактовъ. Фрейдъ не отрицаетъ факта диссоціаціи—наоборотъ, этотъ фактъ занимаетъ видное мѣсто среди явленій, которыя онъ хочетъ объяснить. Но его задача глубже, его цѣль—не описаніе фактовъ, а ихъ объясненіе посредствомъ теорій. Въ сущности, взгляды Жане и Фрейда являются примѣромъ того движенія впередъ, которое неизмѣнно характеризуетъ научный методъ. Въ началѣ происходитъ собираніе и классификація фактовъ—въ данномъ случаѣ описаніе подсознательныхъ или со-сознательныхъ фактовъ; затѣмъ создаются теоретическія системы для ихъ объясненія — въ данномъ случаѣ теорія Фрейда. Совер-

шенно аналогичное движеніе мы находимъ въ исторіи естественныхъ наукъ. Кеплеръ, напр., классифицировалъ послѣдовательныя положенія планетъ въ пространствѣ и доказалъ, что они движутся въ эллипсахъ, одинъ изъ центровъ котораго занимаетъ солнце. Позднѣе Ньютонъ объяснялъ этотъ фактъ посредствомъ закона тяготѣнія.

Необходимо замѣтить, что мы говорили все время объ отношеніи теоріи Фрейда къ понятію подсознательнаго у Жане, а не ко всѣмъ работамъ Жане вообще. Несомнѣнно, что это послѣднее есть въ значительной степени отношеніе противорѣчія. Но противорѣчіе возникаетъ только, когда Жане оставляетъ области фактовъ и переходитъ къ теоретическимъ обобщеніямъ. Его взглядъ на сущность истеріи и психастеніи и выдѣленіе послѣдней въ самостоятельную группу, на происхожденіе навязчивыхъ идей и другіе подобные вопросы нельзя вполнѣ примирить съ ученіемъ Фрейда. Но къ какому бы заключенію относительно этихъ теорій мы, въ концѣ-концовъ, ни пришли, неоспоримой заслугой Жане всегда будетъ его защита психологическаго метода, его доказательство факта диссоціаціи и описаніе истеріи, которое никогда не было превзойдено въ исторіи психіатріи.

Теперь мы можемъ кратко формулировать результаты нашего изслѣдованія. Слово „подсознательное“ употребляется различными писателями для обозначенія фактовъ, принадлежащихъ къ совершенно различнымъ категоріямъ, и въ цѣляхъ ясности необходимо установить терминологію, которая положила бы конецъ этой путаницѣ. Оставляя въ сторонѣ метафизическія толкованія, которыя не входятъ въ область науки, мы можемъ разбить находящійся передъ нами матеріалъ на три группы. Въ первую группу войдутъ периферическіе элементы феноменальнаго сознанія (п о д с о з н а-

тельное Стаута), во вторую—диссоціированныя области феноменальнаго сознанія (со-сознательное Мортонъ Принса и подсознательное Жане) и въ третью—отвлеченное умственное построеніе, предназначенное для объясненія фактовъ феноменальнаго сознанія (безсознательное Фрейда). Все это принадлежитъ къ области психологіи, а не физіологіи [1]).

---

[1]) Статья „Подсознательное" есть извлеченіе изъ брошюры „Subconscions phenomena" (Boston, 1910), содержащей въ себѣ собраніе мнѣній („симпозіонъ") Мюнстерберга, Рибо, Жане, Харта и Принса о подсознательномъ.

Р. фонъ-Шубертъ-Зольдернъ.

О безсознательномъ въ сознаніи.

Есть философское направленіе, которое разсматриваетъ непосредственно данное въ сознаніи какъ гносеологическую основу философіи. Историческими источниками этого направленія являются, съ одной стороны, Бёркли, а съ другой—Кантъ, чьи взгляды въ настоящее время во многихъ отношеніяхъ слились другъ съ другомъ. Выводы разсматриваемаго направленія еще сильно расходятся; полное согласіе не можетъ быть достигнуто особенно въ вопросѣ о значеніи трансцендентнаго. Я не собираюсь снова заниматься этимъ вопросомъ; я лишь хочу попытаться содѣйствовать разрѣшенію проблемы, которая, какъ я думаю, очень важна для всего направленія.

Дѣло идетъ вотъ о чемъ: какъ могутъ быть вообще мыслимы понятіе трансцендентнаго (при какомъ угодно его значеніи) и включающее его понятіе безсознательнаго съ точки зрѣнія, основывающейся исключительно на данномъ въ сознаніи? Сознательное предполагаетъ безсознательное, данное въ сознаніи — трансцендентное; нельзя утверждать, будто что-либо сознается и бываетъ дано въ сознаніи безъ мысли о безсознательномъ и данномъ внѣ сознанія.

Пытаясь разрѣшить поставленную проблему, я

частью примыкаю къ кантовской трансцендентальной дедукціи чистыхъ понятій разсудка, частью расхожусь съ ней. Я предпосылаю это общее замѣчаніе въ тѣхъ соображеніяхъ, что вовсе не ставлю себѣ цѣлью отграниченіе отъ Канта; читателямъ этой статьи самимъ представляется рѣшить, въ какой мѣрѣ я испыталъ на себѣ вліяніе Канта.

Прежде всего я долженъ сдѣлать одно замѣчаніе. Сознаніе немыслимо безъ различенія сознательнаго или даннаго въ сознаніи. Неразличенное отсутствуетъ въ сознаніи—по крайней мѣрѣ, для меня; объ этомъ-то прежде всего и пойдетъ рѣчь. Быть можетъ вслѣдствіе этого мы имѣемъ право употреблять въ качествѣ тождественныхъ выраженій сознаніе и различенность. Допущеніе правильности этого отожествленія, къ которому склоненъ и я, не является все же основополагающимъ для разсматриваемой проблемы, ибо, по моему мнѣнію, во всякомъ случаѣ твердо установленъ тотъ фактъ, что оба понятія никогда не бываютъ даны другъ безъ друга, и имманентная различимость ихъ не можетъ быть показана. Поэтому я буду употреблять оба выраженія:—„сознаніе“ и „различенность“—въ одинаковомъ смыслѣ; вѣдь когда при сознаніи мы отвлекаемся отъ различенности, то сознаніе (слово сознаніе) теряетъ всякій гносеологическій и даже психологическій смыслъ. Чтобы только получить возможность вообще утверждать различіе между ними, необходимо перенестись въ трансцендентно-метафизическую область.

Уже въ другомъ мѣстѣ я указывалъ [1]) на то, что сознаніе (различенность) нисколько не вліяетъ на процессы въ сознаніи, подобно тому, какъ время не вліяетъ на событія, разыгрывающіяся въ немъ. Когда

[1]) „Das menschliche Glück und die soziale Frage“, стр. XI.

пушечное ядро раскаляется, время не оказываетъ никакого вліянія на дальность выстрѣла и силу его, и все же пушечное ядро должно раскаляться въ теченіе какого-нибудь времени. Времена года вліяютъ, конечно, на ростъ растеній и животныхъ, но не вслѣдствіе различія времени, а вслѣдствіе различія температуры. Такъ же дѣло обстоитъ и съ сознаніемъ: все протекаетъ въ сознаніи, однако, само сознаніе не вноситъ никакихъ измѣненій въ свои процессы: оно ничего не добавляетъ къ нимъ и ничего не отнимаетъ отъ нихъ. Вслѣдствіе этого мы постоянно отвлекаемся отъ сознанія и никогда не принимаемъ его въ разсчетъ. Все это не объясняетъ, однако же, какъ можемъ мы говорить о сознаніи, какъ такомъ, противополагая его несознанному; напротивъ, отвлеченіе отъ сознанія и забвеніе о немъ предполагаетъ упомянутое объясненіе.

Если, подобно Канту, мы принимаемъ за отправной пунктъ эмпирическое многообразіе ощущеній, то мы, конечно, должны согласиться съ Кантомъ, что, будучи лишено связи (нѣкоторой субъективной связи), это многообразіе не является знаніемъ и въ такомъ случаѣ—можно утверждать съ полнымъ основаніемъ—не является вообще чѣмъ-либо (кто настаиваетъ на трансцендентномъ бытіи, тотъ долженъ признать, что не является чѣмъ-либо, по крайней мѣрѣ, для насъ). Простѣйшей же связью многообразнаго является сознаніе или различенность; неразличенное многообразіе не есть вообще (или, по крайней мѣрѣ, для насъ) многообразіе. Многообразіе должно быть многообразіемъ различнаго.

Такого различеннаго многообразія еще, однако, недостаточно, чтобы указаніемъ на него можно было выдвинуть моментъ сознанія какъ такого. Въ самомъ дѣлѣ, если бы многообразіе было различено совер-

шенно равномѣрно, такъ, чтобы ни одна часть его не выступала отчетливѣе, чѣмъ другая, т.-е., не была отчетливѣе различена, то сознаніе (различенность) какъ такое, вообще отсутствовало бы, оно не могло бы быть отмѣченнымъ какъ сознаніе, ибо совершенно не существовало бы противоположнаго.

Допустимъ теперь неравномѣрность различенности (сознанія) многообразія, т. е. допустимъ, что нѣкоторыя различія выступаютъ яснѣе, въ то время какъ другія стушевываются и отодвигаются на задній планъ сознанія. Вмѣстѣ съ этимъ появится, по крайней мѣрѣ, возможность лучше различенное въ качествѣ относительно различеннаго противопоставить хуже различенному, какъ относительно неразличенному, т.-е., произвести нѣкоторое новое различеніе; у насъ будетъ сознаніе сознанія или различенность различенности, предѣлъ которой опредѣляется предѣломъ распаденія сознанія на степени. Эта неравномѣрность сознанія, различенности, называемая обыкновенно неравномѣрностью вниманія, можетъ быть порождена только различной силой чувствъ (удовольствія и страданія), присущей отдѣльнымъ элементамъ многообразія [1]). Безразличное многообразіе, многообразіе, подчиненное однородному чувству, съ одинаковой силой разлитому надъ всѣми частями, было бы относительно безсознательнымъ. Явленіе, называемое нами вниманіемъ, а вмѣстѣ съ нимъ и возможность относительнаго сознанія, какъ я буду его называть, возникаютъ только оттого, что удовольствіе и страданіе выдвигаютъ въ сознаніи опредѣленныя части многообразія.

Я сказалъ — возможность; вѣдь неравномѣрность различенности вовсе еще не есть различенность (сознаніе) этой неравномѣрности. Эта различенность не-

[1]) Ср. мою работу: „Reproduction, Gefühl und Wille", s. 40 f.

равномѣрной различности многообразія никогда не можетъ осуществиться въ теченіе недѣлимаго (т.-е. неразличеннаго) пункта времени, потому что въ такомъ случаѣ будетъ отсутствовать противоположность равномѣрной и неравномѣрной различности, и будетъ дана только нѣкотораго рода различность, равномѣрная или неравномѣрная—все равно. Между тѣмъ нѣчто можетъ быть выдвинуто только въ противоположность чему-либо другому: равномѣрная различность—только въ противоположность неравномѣрной и наоборотъ [1]). Мы должны, значитъ, допускать слѣдованіе другъ за другомъ двухъ состояній сознанія, одно изъ которыхъ представляетъ собою равномѣрную различность (напр., безразличность), а другое — неравномѣрную различность (благодаря появленію чувства, связаннаго съ нѣкоторой частью многообразія). Мы должны, далѣе, допустить, что второе состояніе во всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, во многихъ своихъ частяхъ отлично отъ перваго, т.-е., что первое состояніе въ качествѣ воспоминанія дано одновременно со вторымъ состояніемъ и отлично отъ него. Тогда второе состояніе въ качествѣ неравномѣрно различеннаго и связаннаго съ чувствомъ выступитъ въ противоположность первому состоянію, какъ равномѣрно различенному и безразличному. Вмѣстѣ съ этимъ будетъ дано различіе относительной различенности (сознанія) и относительной неразличенности (отсутствія сознанія): относительно сознаннаго и несознаннаго. Въ дѣйствительности—по крайней мѣрѣ, поскольку мы можемъ себя помнить—никогда, конечно, не бываетъ дано состояніе, которое представляло бы собой совершенно равномѣрную различность многообразія, которое было бы совершенно

[1]) Ср. мое ученіе о понятіяхъ въ „Grundlagen einer Erkenntnisstheorie", s. 120.

лишено вниманія. Но зато бываютъ мгновенія апатіи, когда различіе внимательности по отношенію къ многообразію весьма незначительно, и затѣмъ – снова мгновенія высшаго напряженія вниманія въ ожиданіи какого-нибудь удовольствія или страданія, связывающихся съ опредѣленными частями наличнаго многообразія. Именно потому, что различность никогда не бываетъ совершенно равномѣрной, я говорю объ относительной безсознательности въ противоположность относительному сознанію.

Едва ли будетъ разрѣшенъ вопросъ, поддается ли вообще воспоминанію совершенно равномѣрно различенное. Если—нѣтъ, то оно является для насъ всего лишь умозаключаемымъ состояніемъ, а не наличнымъ (т.-е., сознаваемымъ). Легко можно придти къ мысли разсматривать глубокій, лишенный сновидѣній сонъ въ качествѣ такого состоянія равномѣрно различеннаго многообразія; вѣдь и онъ всегда является лишь умозаключаемымъ состояніемъ и никогда не констатируется въ сознаніи. Пока, однако, это только праздная мысль.

Установивши, что относительное сознаніе возможно только благодаря воспроизведенію, мы тѣмъ самымъ переходимъ отъ него къ другому роду безсознательности — къ безсознательности, лишенной рефлексіи.

Если мы допустимъ слѣдованіе другъ за другомъ, ряда состояній сознанія a, b, c, d, и т. д. и будемъ твердо держаться той мысли, что какъ a, такъ b, c и т. д. представляютъ собой многообразія, а не простые элементы, то отсюда вытечетъ вторая важная точка зрѣнія. Если относительное сознаніе вообще должно существовать, то я долженъ отличать, по крайней мѣрѣ, a отъ b, т.-е., я долженъ вспоминать a, когда передо мной находится b. Для этого необходимы два условія:

во-первыхъ, воспроизведеніе *a* и, во-вторыхъ, отличность *a* отъ *b*. По крайней мѣрѣ, *b* въ распредѣленіи сознанія (вниманія) должно быть отлично отъ *a*; въ самомъ дѣлѣ, если бы *a* было совершенно одинаково съ *b*, то и мгновеніе (или состояніе) *a* не могло бы быть отличено отъ мгновенія (или состоянія) *b*; одно лишь время не вноситъ различенія. При такомъ положеніи дѣла мы вообще не приходили бы къ сознанію сознанія, т.-е., сознаніе, какъ такое, не могло бы быть обнаружено.

Допустимъ теперь, что *a* отлично отъ *b* и въ качествѣ воспоминанія дано одновременно съ *b*; допустимъ, однако, что въ мгновеніе, когда появляется *c*, *a* исчезаетъ изъ памяти, и равнымъ образомъ въ моментъ появленія *d* изъ сознанія исчезаетъ *b*. Тогда вообще не можетъ осуществиться одновременное сознаніе *a*, *b*, *c*, *d*, охватываніе даннаго въ воспроизведеніи, окажется ограниченнымъ; у насъ будетъ сознаніе лишенное рефлексіи.

Этотъ фактъ очень важенъ, важнѣе, чѣмъ можетъ первоначально показаться. Вѣдь только тотъ въ состояніи различать правила слѣдованія, кто сразу можетъ охватить въ воспроизведеніи много слѣдующихъ другъ за другомъ моментовъ. Пусть, напр., простѣйшимъ правиломъ будетъ правило, что *a* слѣдуетъ благодаря *b* и *c* благодаря *d*; теперь нужно принять въ разсчетъ, что *a*, *b*, *c*, *d* сами содержатъ различенное многообразіе, такъ что не все *a* является условіемъ всего *b*, но обыкновенно малая часть *a*—условіемъ малой части *b*. Благодаря этому, установленіе правилъ слѣдованія и взаимной обусловленности затрудняется и усложняется; всегда, однако, остается условіемъ sine qua non охватываніе въ одномъ воспроизведеніи содержанія многихъ временныхъ моментовъ. Безъ этого воспроизведенія могутъ, правда, быть правила быва-

нія, но невозможнымъ окажется познаніе этихъ правилъ.

Безъ такого воспроизведенія содержанія многихъ временныхъ моментовъ не можетъ быть также преднамѣреннаго поведенія. Если я не могу охватить въ одномъ воспроизведеніи содержаніе временныхъ моментовъ a, b, c, d, то я не могу также знать, что a представляетъ опредѣленное содержаніе, которое благодаря содержанію b и c влечетъ за собой нѣкоторое содержаніе d. Въ такомъ случаѣ, когда мнѣ дано содержаніе a_α (напр., зрительное ощущеніе огня), я не могу достичь содержанія d_δ (согрѣваніе своихъ рукъ) посредствомъ содержаній b_β, c_γ (протягиваніе своихъ рукъ), потому что я не могу знать, что a_α въ качествѣ слѣдствія способно имѣть d_δ; я могу тогда, самое большее, при a_α хотѣть b_β, при $b_\beta - c_\gamma$, при $c_\gamma - d_\delta$. Этимъ путемъ я также перехожу отъ a_α къ d_δ, но у меня отсутствуетъ сознаніе цѣлаго и его правилъ, равно какъ и свободное примѣненіе ихъ. Если въ моментъ времени a я знаю о томъ, что будетъ вѣроятно или возможнымъ образомъ ожидать меня въ моментъ времени d, то уже въ моментъ a я могу подыскать правила для того, чтобы достигнуть содержанія момента d, или же для того, чтобы избѣгнуть его. Если же я узнаю о томъ, что ожидаетъ меня въ моментъ d, только въ моментъ c, то часто бываетъ уже поздно подыскивать какія-либо правила, да къ тому же у насъ обыкновенно не хватаетъ времени развить должную интенсивность для примѣненія этихъ правилъ.

Сознаніе, совершенно лишенное рефлексіи, конечно, никогда не бываетъ дано; такое сознаніе требовало бы совершеннаго незнанія въ моментъ a того, что ожидаетъ его въ моментъ b; оно было бы сознаніемъ, распыленнымъ на свои атомы, т.-е., значитъ,

уничтоженнымъ. Мы, можетъ быть, въ состояніи умозаключать о подобномъ сознаніи,—мы, однако, никогда не въ состояніи знать о немъ изъ опыта: мы не можемъ обладать сознаніемъ такого сознанія. Напротивъ, мы обладаемъ сознаніемъ, относительно лишеннымъ рефлексіи, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы дѣйствуемъ инстинктивно. Инстинктъ тѣмъ отличается отъ намѣренія, что обращается на будущее всегда только въ теченіе самаго маленькаго промежутка времени, въ то время какъ намѣреніе постоянно обладаетъ болѣе или менѣе широкой картиной будущаго. Намѣреніе должно имѣть возможность глубоко заглядывать въ прошлое, чтобы быть въ состояніи далеко предвидѣть будущее (хотя послѣднее и не слѣдуетъ изъ перваго съ необходимостью). Инстинктъ можетъ достичь той же цѣли, что и намѣреніе, съ тѣми же средствами и тѣмъ же путемъ; инстинктъ, однако, не способенъ распоряжаться средствами и путями такъ же свободно, какъ намѣреніе. Если мнѣ дано α, и я знаю, что посредствомъ β и γ я могу достичь δ или посредствомъ β и $\varkappa - \lambda$, то въ моментъ α я располагаю свободнымъ выборомъ (но не свободной волей); если же я дѣйствую инстинктивно, то я произвожу свободный выборъ только въ моментъ β, причемъ β, можетъ быть, сама приводитъ меня къ λ, ибо возможно, что только особыя правила (напр., φ) обусловливаютъ слѣдованіе за $\alpha - \beta, \gamma$. Когда я собираюсь переплыть быструю рѣку, то, желая пристать къ опредѣленному мѣсту противоположнаго берега, я долженъ сразу соотвѣтственнымъ образомъ направить линію своего пути. Это же самое можетъ, конечно, быть совершено такъ же инстинктивно, какъ это бываетъ у рыбъ. Однако, при инстинктивномъ дѣйствіи свободный выборъ весьма ограниченъ, часто даже для него нѣтъ мѣста. Рыба не размышляетъ, къ какому мѣсту

берега она собирается пристать: ея поведеніемъ руководятъ смѣняющіеся краткіе промежутки времени. Вслѣдствіе этого инстинктивное поведеніе всегда очень консервативно: кто дѣйствуетъ инстинктивно, тотъ въ состояніи измѣнить свое поведеніе лишь постепенно и лишь въ случаѣ сильнаго измѣненія внѣшнихъ обстоятельствъ; кто же поступаетъ преднамѣренно, тотъ можетъ реагировать на малѣйшее измѣненіе внѣшнихъ обстоятельствъ и заранѣе произвести соотвѣтствующія измѣненія въ направленіи своего поведенія.

Преднамѣренное поведеніе имѣетъ, однако, еще одно преимущество передъ инстинктивнымъ. Такъ какъ при преднамѣренномъ мышленіи и поведеніи нами охватывается въ воспроизведеніи сравнительно болѣе значительное многообразіе, то скорѣе обнаруживается различіе отдѣльныхъ элементовъ содержанія, они рѣзче обособляются другъ отъ друга, и мы такимъ образомъ доходимъ до ихъ познанія. Преднамѣренныя мышленіе и поведеніе должны быть, поэтому, гораздо богаче, чѣмъ инстинктивныя. Они охватываютъ гораздо болѣе широкія и глубокія связи фактическаго матеріала.

Сдѣлаемъ еще разъ обзоръ сказаннаго. Инстинктивное дѣйствіе совершается такъ же, какъ и преднамѣренное; только при его совершеніи объемъ воспроизведенія бываетъ ограниченнѣе. Мыслимо, слѣдовательно, весьма сложное инстинктивное дѣйствіе, тонко приспособленное къ измѣненію внѣшнихъ обстоятельствъ. Такое дѣйствіе всегда, однако, будетъ лишено предвосхищающихъ будущее умозаключеній, а вслѣдствіе этого также—свободнаго выбора, заблаговременнаго измѣненія своего направленія и, наконецъ, всесторонней оцѣнки обстоятельствъ.

Все это касается прежде всего человѣка; всѣ мы можемъ наблюдать на себѣ самихъ, что при полусо-

знательныхъ дѣйствіяхъ мы всегда воспроизводимъ только крайніе моменты времени и потому часто оказываемся у цѣли неизвѣстно какимъ образомъ. Слѣдуетъ допустить, что въ нашемъ сознаніи бываетъ въ это время множество элементовъ, но нами припоминаются всегда только маленькія группы ихъ, которыя тотчасъ забываются.

Нужно думать, что и у животныхъ простѣйшій процессъ инстинктивнаго дѣйствія тотъ же, что и у человѣка. Если бы я вздумалъ допустить, что простѣйшіе элементы и процессы другихъ людей и животныхъ иные, чѣмъ у меня, то я тѣмъ исключилъ бы всякую вообще возможность оцѣнки другихъ существъ и ихъ переживаній: вѣдь всякіе иные элементы и простѣйшіе процессы другихъ существъ для меня навсегда должны остаться неподдающейся разгадкѣ тайной. Мы вправѣ думать поэтому, что изложенная теорія инстинкта, въ случаѣ ея правильности, должна имѣть значеніе также и для психологіи животныхъ.

Лишенное рефлексіи сознаніе окажется, вслѣдствіе этого, безсвязнымъ сознаніемъ отдѣльныхъ содержаній или даже временныхъ моментовъ съ нѣкоторымъ содержаніемъ, причемъ эти моменты и въ себѣ самихъ не будутъ носить различій и не будутъ различаться другъ отъ друга. Но такимъ образомъ уничтожится наше понятіе сознанія; вмѣсто него у насъ будетъ сознаніе спящихъ монадъ, о которомъ мы можемъ только умозаключать и которое мы можемъ мыслить только совершенно абстрактно, per analogiam.

Эту аналогію даетъ намъ инстинктивное сознаніе (или поведеніе, ибо и всякое мышленіе есть поведеніе въ широкомъ смыслѣ); оно сравнительно бѣдно рефлексіей, являясь вторымъ видомъ относительно безсознательнаго въ сознаніи; оно познается какъ противоположность сознанію, связанному съ намѣреніями, и на-

оборотъ. Онъ дѣйствовалъ сознательно — весьма часто это равнозначно: онъ дѣйствовалъ преднамѣренно; онъ сдѣлалъ это безсознательно—весьма часто равносильно: онъ дѣйствовалъ инстинктивно. Слѣдствія, какія должны вытекать отсюда для психологіи уголовнаго права и психіатріи, мною не могутъ быть здѣсь разсмотрѣны.

Изученные нами до сихъ поръ два вида безсознательнаго суть виды относительнаго безсознательнаго; то же самое слѣдуетъ сказать и о противополагаемыхъ имъ видахъ сознанія. Ясно, что нельзя мыслить себѣ абсолютно безсознательнаго; сознавать безсознательное — противорѣчіе. Но именно поэтому не можетъ быть также абсолютнаго сознанія, т.-е. сознанія, въ которомъ всѣ возможныя содержанія были бы даны одновременно съ совершенной ясностью и полной доступностью для мышленія. Такое сознаніе мыслимо только какъ результатъ безконечнаго прогресса нашего сознанія, какъ его расширеніе въ безконечность; оно есть предметъ метафизики.

Есть, однако, еще одинъ неразсмотрѣнный нами видъ сознанія и безсознательности, именно сознаніе или безсознательность личности. Преднамѣренное сознаніе—позволь темнѣ такъ выразиться—всегда должно имѣть, по крайней мѣрѣ, возможность сопровождаться сознаніемъ личности; инстинктивное сознаніе, понятно, никогда съ нимъ не связано.

Сознаніе собственной личности никогда не бываетъ непосредственнымъ: оно всегда—продуктъ умозаключенія. Благодаря этому его можно назвать также опосредствованнымъ сознаніемъ. Относительное и рефлективное сознаніе знаетъ, самое большее, противоположность „я“ и „не-я“, непосредственную противоположность между элементами, подчиненными нашему чувству и волѣ, и элементами, имъ не подчинен-

ными, или, по крайней мѣрѣ, подчиненными не непосредственно, словомъ—противоположность между внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ. Между тѣмъ личное сознаніе требуетъ противоположности между „я“ и „ты“. Именно поэтому оно болѣе уже не является непосредственнымъ сознаніемъ. „Ты“ или „чужое я“ дано непосредственно только какъ тѣло, т.-е. какъ часть внѣшняго міра. По проявленіямъ этого тѣла я умозаключаю о чужомъ мірѣ, аналогичномъ моему собственному; я при этомъ инстинктивно предполагаю принципіальную одинаковость обоихъ міровъ. Вмѣстѣ съ этимъ я дохожу до противоположности между сознаніемъ, даннымъ мнѣ непосредственно, какъ мое, и чужимъ сознаніемъ, о которомъ я умозаключаю, т.-е. до сознанія своей личности въ противоположность чужой личности, и только благодаря этому—вообще до личнаго сознанія. Не будь у меня въ сознаніи чужого тѣла, я былъ бы лишенъ личнаго сознанія и имѣлъ бы, самое большее, сознаніе „я“, противоположнаго природѣ. Безъ чужого „я“ я не имѣлъ бы также разума, ибо у меня отсутствовало бы побужденіе накоплять знанія, возвышающіяся надъ инстинктивнымъ сознаніемъ, отсутствовала бы возможность расширять свой опытъ при помощи чужого, создавать языкъ и культуру. Однако, разсмотрѣніе понятія разума не входитъ въ задачу настоящей статьи.

Личное сознаніе не есть достояніе одного только человѣка; часто мы должны умолчать о существованіи личнаго сознанія и у животныхъ. Трудно, однако, составить себѣ представленіе о томъ, какъ далеко можно заходить при надѣленіи имъ низшихъ видовъ животныхъ.

Личная безсознательность есть третій видъ безсознательнаго въ сознаніи. Сознаніе, что *я* нѣчто подумалъ, сказалъ, сдѣлалъ, весьма часто отсутствуетъ

у насъ, но оно всегда можетъ быть возстановлено нормальнымъ человѣкомъ, когда воспроизведенное мы поставимъ въ качествѣ непосредственно сознаннаго въ противоположность умозаключаемому чужому содержанію сознанія; мы знаемъ тогда, что *мы*, а не кто другой, подумали, сказали, сдѣлали это. Равнымъ образомъ я могу дѣйствовать преднамѣренно, не сознавая при этомъ, что *я* имѣю то или иное намѣреніе. Но и здѣсь всегда можетъ быть сознана затѣмъ противоположность чужому „я"; это не удается только при ненормальномъ состояніи, при душевной болѣзни.

Лишь инстинктивное сознаніе можетъ соединяться въ теченіе долгаго времени съ личной безсознательностью, ибо оно представляетъ собой относительно безсвязное сознаніе. Личное же сознаніе требуетъ сравнивающаго охватыванія большихъ, заполняющихъ длинные промежутки времени комплексовъ содержаній и рядовъ содержаній непосредственнаго и умозаключаемаго сознанія; это охватываніе отсутствуетъ при инстинктивномъ сознаніи. Въ этомъ случаѣ можетъ быть только рудиментарное, т.-е., именно, инстинктивное личное сознаніе. При преднамѣренномъ же сознаніи цѣль, какъ предметъ стремленія, противостоитъ „я" (хотѣнію, мышленію, чувствованію), какъ стремящемуся; въ этомъ случаѣ представляется также возможность противопоставить собственному „я", чужое, если того требуютъ обстоятельства.

Переходя отъ личной безсознательности къ личному сознанію, мы не совершаемъ никакого прыжка, какъ мы не совершали его при переходѣ отъ относительной или инстинктивной безсознательности къ соотвѣтствующему сознанію. Переходъ носитъ характеръ постепенности, и даже у человѣка, какъ мнѣ кажется, степень личнаго сознанія подвержена весьма значительнымъ колебаніямъ. Одни люди очень легко

погружаются въ чужіе интересы и интересы къ вещественному міру, другіе же всегда сознаютъ, что такое ихъ собственный и что такое чужой интересъ, и лишь съ этой точки зрѣнія умѣютъ разсматривать міръ вещественнаго. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ съ рѣзко выраженной личностью былъ непремѣнно эгоистомъ; все же онъ съ трудомъ выходитъ изъ состоянія какъ бы равновѣсія между себялюбіемъ и любовью къ человѣчеству и рѣдко склоняется въ сторону альтруизма.

Сознаніе личности есть корень всего понятія человѣка. Человѣкъ является человѣкомъ только благодаря общенію съ другими людьми и противопоставленію себя имъ. Человѣкъ становится человѣкомъ благодаря борьбѣ между индивидуализмомъ и соціализмомъ. Полная побѣда индивидуальнаго сознанія надъ всѣмъ чуждымъ ему такъ же сильно угрожала бы сознанію личности, какъ и раствореніе индивидуальныхъ сознаній другъ въ другѣ. Человѣка создаетъ противоположность индивидуальныхъ сознаній, предполагающая, впрочемъ, ихъ относительную согласованность.

Личное сознаніе приводитъ, однако, въ свою очередь, къ четвертому виду безсознательнаго въ сознаніи. Въ самомъ дѣлѣ, хотя нѣкоторые комплексы воспріятій (чужія тѣла, включая и тѣла животныхъ) постоянно даютъ мнѣ поводъ умозаключать о чужой душевной жизни, наступаетъ, однако, время, когда этотъ поводъ исчезаетъ, именно, въ случаѣ смерти чужого тѣла. Мертвое тѣло не даетъ болѣе никакого повода умозаключать о чужомъ сознаніи, какъ не даетъ для этого повода тѣло, погруженное въ глубокій сонъ. Мертвое тѣло предъявляетъ ко мнѣ требованіе мыслить абсолютную безсознательность. Требованіе это остается, во всякомъ случаѣ, неисполнимымъ, потому что абсолютная безсознательность есть (по крайней

мѣрѣ для меня) ничто, абсолютное ничто; а ничто я не могу мыслить, ибо этотъ актъ былъ бы прекращеніемъ всякаго мышленія, отрицаніемъ меня самого. Мертвое тѣло упорно, однако, продолжаетъ требовать, чтобы мы хотя бы приблизительнымъ образомъ мыслили отсутствіе сознанія; въ противоположность другимъ видамъ безсознательности этотъ видъ я хочу назвать абсолютной безсознательностью. До этой абсолютной безсознательности я могу дойти только при посредствѣ личнаго сознанія. Если бы мнѣ были даны только камни и растенія, то я не могъ бы составить мысли объ абсолютной безсознательности; камни и растенія не были бы для меня примѣромъ личной безсознательности, ибо для меня отсутствовало бы противоположное моей личной сознательности.

Понятіе неодушевленной природы есть перенесеніе умозаключаемой личной безсознательности мертваго тѣла на растенія и камни. Однако, это перенесеніе осуществляется, повидимому, съ большой постепенностью; вполнѣ можно допустить, что первоначально человѣкъ мыслилъ оживленной всю природу, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ ближе онъ стоялъ къ животному. Для собаки и кошки катящійся камешекъ представляется такимъ же оживленнымъ, какъ заяцъ или мышь, только настиженіе его не влечетъ такихъ же пріятныхъ послѣдствій: оно является лишь игрою. Поэтому аналогія между мертвымъ тѣломъ и мертвой природой создалась только постепенно; первоначально господствовало истолкованіе движеній въ мертвой и неодушевленной природѣ, аналогичное истолкованію движеній одушевленныхъ существъ.

Только абсолютная безсознательность дѣлаетъ, далѣе, возможнымъ мышленіе трансцендентнаго, правда, не абсолютно трансцендентнаго. Вѣдь всѣ вообще предметы внѣшняго міра даны абсолютно безсо-

знательно, если только у насъ нѣтъ повода умозаключать о данности ихъ чужому сознанію; но такимъ же образомъ я долженъ умозаключать и о тѣхъ предметахъ, данныхъ чужому сознанію, которые мнѣ до этого не были даны и о которыхъ, слѣдовательно, я умозаключаю, что они были для меня абсолютно безсознательными. Этимъ путемъ я прихожу къ понятію предмета, находящагося внѣ сознанія, первоначально—внѣ чужого сознанія, а затѣмъ также—внѣ моего собственнаго.

Мыслить предметъ находящимся внѣ чужого сознанія вовсе нетрудно, ибо такой предметъ остается все же въ моемъ сознаніи; столь же нетрудно мыслить его находящимся внѣ моего сознанія, ибо въ этомъ случаѣ я все же мыслю его въ качествѣ воспринимаемаго кѣмъ-нибудь другимъ, хотя бы этотъ „кто-нибудь“ остался неопредѣленнымъ. Лишь когда мы захотимъ мыслить трансцендентный предметъ въ качествѣ не даннаго ничьему сознанію, лишь тогда у насъ, какъ говорится, останавливается разсудокъ; у насъ нѣтъ никакого масштаба, никакой аналогіи, чтобы какъ-нибудь его помыслить.

По моему мнѣнію, Кантъ всегда твердо держался мысли о существованіи вещей въ себѣ; для него онѣ не были простыми измышленіями и пограничными понятіями; однако, гносеологическую цѣнность онѣ имѣли для него только въ качествѣ пограничныхъ понятій. Подобныя пограничныя понятія, гдѣ съ одной стороны границы—все, а съ другой—ничего, являются, конечно, деревяннымъ желѣзомъ; однако, въ нихъ все же кроется крупица истины. Безсознательное и трансцендентное суть необходимыя противоположныя понянія сознательнаго и имманентнаго, но противоположности эти не абсолютны, а лишь относительны. Абсолютная безсознательность, абсолютная трансцендент-

ность такъ же мало мыслима, какъ абсолютное, всеохватывающее внѣвременное сознаніе. Безсознательное и трансцендентное всегда сознается лишь относительно безсознательнымъ и относительно трансцендентнымъ одновременно съ относительно сознательнымъ и относительно имманентнымъ. Степени и объемъ сознанія о сознанномъ, хотя бы продолженные до безконечности, никогда не становятся ни безсознательностью, ни положительнымъ безконечнымъ сознаніемъ.

Все же нужно всегда настаивать на томъ, что названные виды относительно безсознательнаго и трансцендентнаго представляютъ собой гносеологически необходимыя мысли, ибо они обусловливаютъ возможность сознательнаго и имманентнаго. Безъ тѣхъ относительныхъ противоположностей въ сознаніи, которыя я попытался здѣсь изложить, по моему мнѣнію, не существуетъ сознанія; сознаніе „пробуждается“, столкнувшись со своей относительной противоположностью; человѣческое сознаніе связано съ противоположностью „я“ и „ты“, безъ каковой оно фактически по временамъ у всѣхъ насъ перестаетъ существовать. Таково гносеологическое значеніе трансцендентнаго; что касается его практическаго значенія, то, по твердому моему убѣжденію, оно состоитъ въ томъ, что законосообразность процессовъ въ сознаніи независима отъ сознанія, какъ независимы отъ времени процессы, совершающіеся въ немъ.

Перев. А. А. Франковскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„Вѣстникъ Европы“

(49-ый годъ изданія),

основанный **М. М. Стасюлевичемъ,**

издаваемый (съ 1909 г.) М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ,

подъ редакціей К. К. АРСЕНЬЕВА,

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО и А. С. ПОСНИКОВА,

при ближайшимъ участіи: **И. В. Жилкина, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караваева, А. А. Мануилова, М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго и К. А. Тимирязева**

Подписная цѣна:

	на годъ;	на 1/2 г.;	на 1/4 г.;
Безъ дос. въ **Петербургѣ** и **Москвѣ**	**15** р. **50** к.	**7** р. **75** к.	**3** р. **90** к.
Съ дос. въ **Петербургѣ** и **Москвѣ**	**16** » — к.	**8** » — к.	**4** » — к.
Съ пересылкой въ другія мѣста Россіи.	**17** » — к.	**8** » **50** к.	**4** » **25** к.
За границу	**19** » — к.	**9** » **50** к.	**5** » — к.

Отдѣльная книга журнала съ доставкой и пересылкой 1 р. 50 к.

Подписка принимается: 1) въ конторахъ журнала: въ С.-Петербургѣ, **Моховая, 37, (тел. 74-51):** въ Москвѣ, **Тверской бульваръ, 15, (тел. 57-86);** во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и 3) во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1914 годъ
на еженедѣльный органъ, посвященн. интересамъ еврейства

„НОВЫЙ ВОСХОДЪ“

Вступая въ пятый годъ своего существованія, **«Новый Восходъ»** по прежнему считаетъ основной своей задачей **объединеніе и организацію** всѣхъ элементовъ русскаго еврейства на почвѣ общей борьбы за гражданское право и національное равноправіе и общей единодушной работы для удовлетворенія насущныхъ нуждъ нашей обездоленной массы и духовно-національнаго возрожденія нашего народа въ духѣ исконныхъ нашихъ соціально-этическихъ идеаловъ.

Нарастающее съ каждымъ годомъ сочувствіе къ нашему органу со стороны еврейской интеллигенціи и постоянное стремленіе читателей къ непосредственному общенію съ нами по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни и самообразованія, укрѣпляютъ насъ въ сознаніи правильности избраннаго нами пути и полнаго соотвѣтствія нашей дѣятельности истиннымъ запросамъ всѣхъ, искренно преданныхъ интересамъ еврейства.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	На **1** годъ	$^1/_2$ года	3 мѣс.
Въ Россіи	**5** р.	**2** р. **50** к.	**1** р. **25** к.
За-границу	**6** р. **50** к.	**3** р. **25** к.	**1** р. **75** к.

НОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, внесшіе годовую плату полностью за 1914 г., получаютъ еженедѣльникъ со дня подписки.

Иллюстрированные проспекты и пробные нумера по требованію БЕЗПЛАТНО.

Въ «Новомъ Восходѣ» подписчики найдутъ **юридическіе совѣты и указанія по вопросамъ**, касающимся все болѣе усложняющагося и запутывающагося **законодательства о евреяхъ.** Руководятъ этимъ отдѣломъ **Л. М. Айзенбергъ** и **Г. Б. Сліозбергъ.**

Контора и Редакція: С.-Петербургъ, Захарьевская ул., 25.

Открыта подписка на 1914 годъ

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

24-й г. изданія. 24-й г. изданія.

Ежемѣсячный литературный, научный и политическій журналъ.

На 1914 г., въ числѣ другихъ намѣчены къ печати:

РОМАНЫ Л. Добронравова („Черноризецъ"), К. и О. Ковальскихъ („У новыхъ береговъ"), В. Сѣрошевскаго („Затишье"), Генр. Мана („Вѣрноподданный"), автор. переводъ съ рукописи. **ПОВѢСТИ:** И. Потапенко („Новая Кровь"), А. Федорова („Чудо").

РАЗСКАЗЫ: Д. Айзмана („Ночь на Тетеревѣ"), Л. Андреева, Ив. Бунина, М. Горькаго, А. Куприна, В. Муйжеля („Хуторъ № 16"), Н. Осиповича („Солистъ его величества"), Евг. Чирикова „Перелетъ"), Ив. Шмелева („На бережку"), С. Юшкевича, „Котамайка". Постоянные отдѣлы: Вл. Кранихфельда („Литературные отклики"), Н. Рязанова („Въ Россіи и на Западѣ"—историч. матеріалы), Ник. Іорданскаго („Политическія замѣтки"), Л. Клейнборта и І. Ларскаго („Вопросы текущей жизни"), Евг. Чирикова („Провинціальныя картинки"), Демьяна Бѣднаго („Басни и сатиры"). Иностранная жизнь. Библіографія. **СТАТЬИ:** Г. Алексинскаго, В. Бончъ-Бруевича, В. Вересаева („Аполлонъ и Діонисъ"), Л. Дейча, А. Колонтай, Евг. Ляцкаго, Н. Морозова, Г. Плеханова, Н. Рожкова, Г. Цыперовича и мн. др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ (съ дост. и перес.): годъ—9 р., 1/2 года—4 р. 50 к., 1/3 года—3 р. За границу—12 р. годъ, 6 р.—полгода. Безъ доставки въ Спб.- 8 р. въ годъ и 4 р.—полгода.

ВЪ 1914 ГОДУ, желая удовлетворить назрѣвшую потребность демократическаго читателя въ идейномъ и общедоступномъ по цѣнѣ журналѣ,

издательство СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ выпускаетъ

2-ОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

книжками (160—200 стр.), въ которыя войдутъ главнѣйшія художественныя произведенія и статьи перваго изданія.

Условія подписки: годъ—4 р.; 1/2 года—2 р.; 3 мѣсяца—1 р.

Адресъ: С.-Петербургъ, Надеждинская, 33.

Редакторъ *Ник. Іорданскій.* Подробный проспектъ высылается безплатно. Издательница *М. К. Іорданская.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

на единственную въ Тифлисѣ общедоступную общественно-политическую и литературную газету

„КУРЬЕРЪ-КОПѢЙКА“

6-ой годъ изданія ═══ 6-ой годъ изданія

Газета „Курьеръ-Копѣйка“ издается въ Тифлисѣ и выходитъ раньше большихъ газетъ, опережая ихъ своими сообщеніями на 5 часовъ.

Газета „Курьеръ-Копѣйка“ выходитъ по полной программѣ большихъ газетъ, помѣщая въ сжатомъ видѣ все, что происходитъ во всѣхъ уголкахъ земного шара въ области политической и общественной жизни народовъ, науки и искусствъ, а также злободневныя карикатуры и снимки наиболѣе интересныхъ событій въ жизни.

Газета „Курьеръ-Копѣйка“ доставляется подписчикамъ наканунѣ, сейчасъ же послѣ выхода, а также отправляется иногороднимъ подписчикамъ съ первымъ же поѣздомъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Для городскихъ подписчиковъ въ Тифлисѣ съ доставкой:		**Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкой:**	
На 1 годъ	2 р. 50 к.	На 1 годъ	3 р. 50 к.
» 6 мѣс.	1 » 50 »	» 6 мѣс.	2 » — »
» 3 мѣс.	— » 75 »	» 3 мѣс.	1 » 30 »
» 1 мѣс.	— » 25 »	» 1 мѣс.	— » 50 »

ПЛАТА СЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ: Впереди текста строка петита стоитъ 30 коп., послѣ текста—15 коп. Объявленія внѣ предѣловъ Закавказья впереди текста строка петита стоитъ 40 коп. и послѣ текста—20 коп.

Адресъ Редакціи и Конторы газеты „Курьеръ-Копѣйка“ Тифлисъ, Пушкинская, № 18.

Редакторъ-Издатель *Г. Г. Терѣ-Нерсесовъ.*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Журналъ **Московскаго Юридическаго Общества,**

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ СОДѢЙСТВІИ

С-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВА ИМЕНИ А. И. ЧУПРОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ

подъ общей редакціей **Б. А. КИСТЯКОВСКАГО.**

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ:

А. С. Алексѣевъ, М. М. Винаверъ, А. Э. Вормсъ, Н. В. Давыдовъ, Н. М. Ждановъ, И. А. Кистяковскій, М. М. Ковалевскій, А. А. Мануиловъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Н. Полянскій и М. П. Чубинскій.

До сихъ поръ выразили согласіе на сотрудничество слѣдующія лица: А. А. Алексѣевъ, Н. Н. Алексѣевъ, П. И. Астровъ, А. А. Боровой, С. Н. Булгаковъ, Б. П. Вышеславцевъ, С. Т. Гавриловъ, П. П. Гензель, Д. М. Генкинъ, М. Н. Гернетъ, П. В. Гидуляновъ, В. Я. Гинцбергъ, Н. Н. Голубевъ, А. В. Горбуновъ, В. М. Гордонъ, В. Э. Грабарь, В. Э. Денъ, В. Ѳ. Дерюжинскій, А. М. Долматовскій, Е. Н. Ефимовъ, А. И. Елистратовъ, В. Б. Ельяшевичъ, В. Я. Желѣзновъ, А. А. Жижиленко, А. В. Завадскій, М. Д. Загряцковъ, И. А. Ильинъ, В. Л. Исаченко, Н. А. Каблуковъ, З. С. Каценеленбаумъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, С. А. Котляревскій, В. А. Краснокутскій, К. А. Кузнецовъ, И. В. Лебединскій, П. И. Люблинскій, Н. А. Максименко, В. Ѳ. Матвѣевъ, В. С. Малченко, П. Е. Михайловъ, С. И. Мокринскій, М. И. Назаревскій, В. Н. Новиковъ, бар. Б. Э. Нольде, С. П. Ордынскій, Р. М. Орженцкій, М. Я. Острогорскій, Н. И. Паліенко, Л. І. Петражицкій, А. А. Піонтковскій, І. А. Покровскій, С. П. Покровскій, Б. В. Поповъ, Д. С. Розенблюмъ, С. Е. Сабининъ, А. Р. Свирщевскій, В. И. Синайскій, Е. Д. Синицкій, М. Н. Соболевъ, Е. В. Спекторскій, П. Б. Струве, Б. И. Сыромятниковъ, Л. С. Таль, Ѳ. В. Тарановскій, Л. Е. Тауберъ, Е. Н. Темниковскій, кн. Е. Н. Трубецкой, В. М. Устиновъ, А. Н. Фатѣевъ, Г. С. Фельдштейнъ, А. Н. Филипповъ, Б. Н. Фрезе, А. Л. Форштетеръ, В. М. Хвостовъ, В. Н. Челищевъ, А. А. Чупровъ, Л. В. Шалландъ, В. Н. Ширяевъ, А. Я. Шпаковъ, И. З. Штейнбергъ, Г. Н. Штильманъ, В. Г. Щегловъ, Т. М. Яблочковъ и А. С. Ященко.

Юридическій Вѣстникъ выходитъ въ количествѣ 4 книгъ въ годъ—въ февр., апрѣлѣ, окт. и дек.—въ размѣрѣ отъ 12 до 15 печатн. л.

Подписная цѣна на годъ—6 р., на полгода—3 р. съ перес. и дост. Цѣна каждой книги въ отд. продажѣ 2 р. Подписка принимается въ ред. журн. Юридическій Вѣстникъ въ Москвѣ, Пречистенка, Б. Левшинскій пер., д. 13, кв. 8. По дѣламъ конторы обращаться по буднимъ днямъ отъ 12 до 4 ч. д. по телеф. 3.07—79.

Издатель: Юридическое Общество при Импер. Моск. Университетѣ.

Редакторъ ***Б. А. Кистяковскій.***

Открыта подписка на 1914 годъ.

На ежемѣсячный литературно-политическій журналъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-издатель **П. Б. Струве.**

Въ 1914 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и предшествующіе годы.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналѣ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы:

1. **Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.**
2. **Въ Россіи и за границей** (Обзоры и замѣтки). Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики: I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдѣніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествознаніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ.
3. **Критическое Обозрѣніе** (Библіографическій отдѣлъ). Къ критическому обозрѣнію прилагается **расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ книгъ.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ достав. и перес. въ Россіи: на годъ—**15** р.; на 9 мѣс.—**11** р. **25**.; на 6 мѣс.—**7** р. **50** к.; на 3 мѣс.—**3** р. **75** к. За границу: на годъ—**17** р.; на 9 мѣс.—**12** р. **25** к.; на 6 мѣс.—**8** р. **50** к.; на 3 мѣс.—**4** р. **25** к. На одинъ мѣсяцъ для иногородн. внутри Россіи **1** р. **25** к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 1 р. 50 к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала: Нюстадская, д. 6. (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, Петербургъ, Гостиный дворъ и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

III г. ИЗДАНІЯ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г. на ежемѣсячный журналъ III г. ИЗДАНІЯ.

ЗАВѢТЫ,

издаваемый при ближайшемъ участіи: **Р. В. Иванова-Разумника, А. И. Иванчина-Писарева, С. Мстиславскаго, С. П. Посникова В. М. Чернова.**

Постоянные отдѣлы: *Дѣла и Дни.* — Я. Вѣчева (В. Чернова). *Литература и общественность,* — Иванова-Разумника. *По градамъ и весямъ.* — М. Пришвина. *Свое и чужое.* — (русская жизнь). — С. Мстиславскаго.

Въ январьскомъ № за **1914 г.** будетъ напечатано: *Леонидъ Андреевъ.* — «Три ночи». *Иванъ Вольный.* — Романъ «Юность» (1 ч. романа «Юность», напечатанная въ 1913 г., подписчикамъ на 1914 г. будетъ разослана безплатно). *М. Пришвинъ.* — «Змѣиный Хуторъ». *Ал. Толстой.* — «Маша». *А. И. Иванчинъ-Писаревъ.* — «Воспоминанія о Гл. Успенскомъ». *Ивановъ-Разумникъ.* — Литература въ 1913 г. *С. Метальниковъ.* — «Проблема безсмертія въ современной біологіи». *Викторъ Черновъ.* — «Н. К. Михайловскій» и др.

СОТРУДНИКИ: Н. Авксентьевъ, Ю. Балтрушайтисъ, С. Венгеровъ, Б. Вороновъ, Н. Гекнеръ, Г. Зининъ, Е. Звягинцевъ Закъ, В. Евгеньевъ, И. Игнатовъ, М. Исаевъ, А. Дерманъ, В. Лункевичъ Г. Лягардель К. Качоровскій, Б. Камковъ, А. Керенскій, С. Мартыновъ, Н. Морозовъ, Н. Огановскій, А. Пругавинъ, П. Ракитниковъ, Э. Серебряковъ, Скиѳъ, П. Сорокинъ, Н. Сухановъ, Б. Черненковъ и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 12 мѣс. — 10 р.; на 6 мѣс. — 5 р.; на 3 мѣс.—2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—85 к. За границу 13 р., 7 р. 50 к., 3 р. 25 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ЛЬГОТНАЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ ПОДПИСКА.

Всѣ №№ за 1912 и 1913 г.г. разосланы подписчикамъ и находятся въ продажѣ.

Арестъ съ конфискованныхъ №№ снятъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ СПБ.—въ конторѣ журнала, Рыночная, 10. Въ Москвѣ складъ журнала—книжн. магазинъ «**НАУКА**». Бол. Никитская.

ЕСЛИ ВЫ ЗА НЕБОЛЬШІЯ ДЕНЬГИ ХОТИТЕ ИМѢТЬ

для себя или Вашихъ дѣтей много хорошихъ книгъ, дающихъ возможность пополнять образованіе и способствовать саморазвитію, знакомящихъ со всѣми новинками науки, литературы и современной цивилизаціи, дающихъ серьезныя и полезныя на практикѣ свѣдѣнія; если Вы хотите знать все, чѣмъ интересуется міръ, правду о русской жизни и политикѣ, то выпишите извѣстный, всегда выполняющій свои обязательства (издается одиннадцатый годъ) журналъ

8 р. безъ перес., **9** р. съ перес. въ годъ

(Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ)

Вѣстникъ Знанія

Въ 1913 году подписчики „Вѣстн. Зн." получаютъ:

52 №№

еженед. иллюстр. газеты-журнала

НЕДѢЛЯ

„ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ", знакомящей со всѣмъ совершающимся на свѣтѣ (политика, міровыя событія, новости литературы) и освѣщающей народныя нужды. Главная задача „Недѣли"—не скрывать правды отъ народа. Въ „Недѣлѣ" даются подписчикамъ безплатно юридическіе, образовательные и др. совѣты. (Можно „Недѣлю" выписывать и отдѣльно отъ „Вѣстн. Зн." Цѣна въ годъ 3 р., четверть года 75 к.).

12 книгъ „Вѣстн. Знанія", ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала, въ общедоступной формѣ знакомящаго съ прогрессомъ человѣчества.

Отдѣлы: естественно-научный, историко-географическій, соціально-экономическій, философіи, математики, психологіи, педагогическій, литературно-художественный (съ отдѣльными цвѣтными картинами), критическій, сельско-хозяйственный, новыхъ изобрѣтеній, юридическій, медицинскій, познанія Россіи, популярно-научный, одинаково интересный взрослымъ и дѣтямъ старшаго возраста. Сотрудники журнала и приложеній—профессора и извѣстные литераторы—дѣлаютъ „Вѣстникъ Знанія" единственнымъ дѣйствительно научнымъ, но популярнымъ журналомъ.

Въ приложеніяхъ къ „Вѣстн. Знанія" дается цѣлая библіотека по всѣмъ отраслямъ знанія:

„ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ КУЛЬТУРНОЙ РАБОТЫ". Альбомъ портретовъ и картинъ, виды и проч. съ описан. (Это приложеніе получатъ только подписавшіеся не позже января).

ИЛЛЮСТРИР. ИСТОРІЯ УКРАИНЫ, проф. Грушевскаго, въ 4 выпускахъ.

ЛЕКЦІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ И ФИЛОСОФІИ, проф. Геккеля.

ОБЩЕСТВЕННО - ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ, проф. М. И. Туганъ - Барановскаго.

ГИГІЕНА ДУХА. Физіологія мозга. Гигіена ребенка, мужчины, женщины. Половой вопросъ и проч., проф. Клестона съ дополненіями проф. Фореля, въ 2 вып.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФИЗИКА, проф. Бернштейна.

ПСИХОЛОГІЯ И УЧИТЕЛЬ, д-ра Мюнстерберга или др.

СОЧИНЕНІЯ ЛОПЕ-ДЕ-ВЕГА: „Доротея", „Любовь и честь".

КАВКАЗСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

ЛАТЫШСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

Сверхъ того, подписчики, въ зависимости отъ избраннаго ими абонемента (при подпискѣ

указывать № абонемента), получатъ слѣдующія капитальныя сочиненія:

1-й абонементъ: 12 выпуск. иллюстрированной біографической библіотеки

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ,

жизнеописанія знамен. людей всѣхъ временъ и народовъ со статьями по экономикѣ, политикѣ и пр. проф. **М. Ковалевскаго,** проф. **Туганъ-Барановскаго** и др. Много рисунковъ и отдѣльныхъ цвѣтныхъ картинъ.

Сочиненія Ч. ДАРВИНА:

Кругосвѣтное путешествіе на кораблѣ Бигль. Въ 4 выпускахъ, съ рисунками.

2-й абонементъ: въ 16 выпускахъ

МІРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА,

соч. д-ра К. БУССЕ.

Литература китайцевъ, японцевъ, египтянъ, индусовъ, персовъ, евреевъ, арабовъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ, германцевъ, возрожденія Италіи, Англіи, Франціи, Испаніи и др. Литература славянъ: чеховъ, поляковъ, русскихъ, болгаръ и др. Роскошное изданіе со многими рисунк. и около 60 отдѣльныхъ картинъ и хромотипій.

3-й абонементъ: въ 16 выпускахъ

КНИГА ПРИРОДЫ

и ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Солидн. трудъ въ 9 част.: ч. I и II. Пространство и время, **бар. Швейгеръ-Лерхенфельда;** ч. III. Мельница жизни, **проф. Оствальда;** ч. IV. Колыбель жизни, проф. **Шенихена;** ч. V. Обитаемые міры, проф. **Мейера;** ч. VI—IX. Психологическ. эволюція человѣчества, проф. **Вундта.** Роскошн. изд., около 600 рис. и 60 отд. картинъ и хромотипій. (Въ книжн. магаз. будетъ стоить 15 руб.).

4-й абонементъ: 12 выпусковъ

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ.

4 вып. ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДІИ

(руководство по ремесламъ, хозяйству, домоводству, полезные рецепты и проч.). Въ 1913 г. въ этомъ изданіи будетъ дана книга

ПРАВА РУССКАГО ГРАЖДАНИНА,

какъ ихъ опредѣлять, какъ ихъ осуществлять, какъ ихъ отстаивать. Съ образц. прошен. и пр. Сост. прис. пов. **П. А. Брюнелли.**

5-й абонементъ: въ 16 выпускахъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ИСТОРІЯ РЕЛИГІЙ,

съ древнѣйш. временъ до нашихъ дней, проф. **Шантепи-де-ля-Сосей.** Роскошное изданіе, около 600 рис. и 60 отдѣльныхъ картинъ и хромотипій. (2 большихъ тома).

ПРЕМІЯ: Вносящіе всѣ деньги до января имѣютъ право на премію книгами на 2 руб. (по особому каталогу), уплачивая лишь за пересылку. Каждый подписчикъ, доплачивая 4 р. 50 к. (за гран. 6 р.) можетъ получить сочиненія, входящія въ любой изъ абонементовъ, сверхъ того, который онъ выбралъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „Вѣстн. Зн." съ газетою „Недѣля" и всѣми прилож. (необходимо точно указывать, какой абонементъ) **въ годъ 8 р., съ перес. 9 р., за гран.** (черезъ загран. почтамты) **12 р. Разсрочка: при подп. 3 р., 10 марта, 10 іюня, 10 августа—по 2 р. ПОДРОБНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ БЕЗПЛАТНО.**

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 40, Контора „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ

съ иллюстраціями въ текстѣ журналъ

„ПРИРОДА“

(годъ изданія III).

Въ редактированіи отдѣловъ участвуютъ:

Маг. георг. С. Г. Григорьевъ, проф. Н. К. Кольцовъ, проф. Н. М. Кулагинъ, проф. П. П. Лазаревъ, проф. Л. В. Писаржевскій, проф. К. Д. Покровскій, ассист. по каѳ. физ. геогр. С. А. Совѣтовъ, проф. А. А. Тарасевичъ, ст. минер. Акад. Наукъ А. Е. Ферсманъ, проф. Н. А. Шиловъ, пр.-доц. В. В. Шипчинскій.

СОДЕРЖАНІЕ:

Философія естествознанія.—Астрономія.—Физика.—Химія.—Геологія съ палеонтологіей.—Минералогія. — Микробіологія. —Медицина.—Гигіена.—Общая біологія.—Зоологія.—Ботаника. — Антропологія.—Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ.

Въ журналѣ, между прочими, принимаютъ участіе:

Проф. С. В. Аверинцевъ, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. И. Бахметьевъ, проф. А. М. Безрѣдко (Парижъ), Б. М. Беркенгеймъ, проф. И. И. Боргманъ, прив.-доц. В. А. Бородовскій, П. А. Бѣльскій, проф. В. А. Вагнеръ, проф. Ю. Н. Вагнеръ, акад. проф. П. И. Вальденъ, проф. Б. Ф. Вериго, акад. проф. В. И. Вернадскій, проф. Г. В. Вульфъ, М. . Гольдсмитъ (Парижъ), проф. В. В. Завьяловъ, проф. В. Р. Заленскій, проф. А. А. Ивановъ, проф. А. В. Клоссовскій, прив.-доц. М. Ю. Лахтинъ, І. Д. Лукашевичъ, д-ръ Е. И. Марциновскій, проф. А. К. Медвѣдевъ, проф. М. А. Мензбиръ, проф. П. Г. Меликовъ, проф. С. И. Метальниковъ, проф. И. И. Мечниковъ (Парижъ), А. Э. Мозеръ, Н. А. Морозовъ, проф. А. В. Нечаевъ, М. В. Новорусскій, В. Л. Омелянскій, проф. А. В. Павловъ, прив.-доц. І. Ф. Полакъ, А. А. Рихтеръ, Н. А. Рубакинъ, проф. А. В. Сапожниковъ, проф. С. М. Танатаръ, астрон. Пулк. обсерв. Г. А. Тиховъ, проф. Н. А. Умовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. Л. А. Чугаевъ, прив.-доц. П. Ю. Шмидтъ, проф. Е. А. Шульцъ, проф. А. Н. Щукаревъ, прив.-доц. А. И. Ющенко, проф. А. И. Ярошкій и многіе другіе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ (съ дост. и перес.)—5 р., на 1/2 года—2 р. 50 к., на три мѣсяца—1 р. 25 к., на 1 мѣс.—50 коп., за границу на годъ—7 руб. Комплекты всѣхъ №№ за 1912 г. и 1913 гг. высылаются каждый по полученіи 5 р., въ роскошномъ переплетѣ—6 р. 50 к.

Адресъ главной конторы и редакціи: Москва, Мясницкая Гусятниковъ пер. 11.

Въ 1914 году будутъ выходить непериодически серіи книгъ подъ заглавіемъ:

1) Естественно-историческая **БИБЛІОТЕКА-ПРИРОДА**

«Библіотека-Природа» ставитъ своей задачей популярное изложеніе въ болѣе глубокой и расширенной формѣ тѣхъ естественно-историческихъ вопросовъ, которые разсматриваются въ обычныхъ журнальныхъ статьяхъ лишь въ общихъ чертахъ.

2) Популярная библіотека для самообразованія **ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ**

Библіотека «Основныя начала естествознанія» предназначается для лицъ, не получившихъ систематическихъ естественно-историческихъ знаній и желающихъ пополнить этотъ пробѣлъ самообразованіемъ.

4 р. въ годъ за 24 кн.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Открыта подписка на 1913-14 годъ. (5-й г. изд.)

Двухнедѣльный журналъ новаго типа.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками 5-6 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (2000 страницъ).—«Бюллетени» идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и непериод., какъ русской, такъ и иностранной.—Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной духовной жизни современности.—«Бюллетени»—это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива.—О типѣ журнала «Бюллетени» еще 35—40 лѣтъ назадъ мечтали такіе корифеи литературы, какъ Достоевскій и Успенскій.—За истекшій годъ въ «Бюлл.» напеч. 240 ст. по самымъ разнообразн. вопр. и 700 отзывовъ о книгахъ; данъ перечень 2500 нов. кн. и приведено содержаніе болѣе 50 журн. за годъ.—**Библіографія въ «Бюлл.» ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.**

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Утро Россіи: «Журн. заслуживаетъ особаго вниманія. Въ журн. сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью».—Рус. Вѣд.: «Бюлл.» знакомитъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни»...—Рус. Шк.: «Бюлл.» дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ, же «Бюлл.» оказываютъ огромную услугу»...—Огни: «Трудно представитъ себѣ человѣка, съ извѣстными культур. запр., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.»...—Рус. Сл.: «Въ журналѣ запечатлѣна вся литер. жизнь года»...

Проспектъ журнала высылается безплатно. Подписная цѣна на годъ **5** руб., 4 мѣс.—**2** р., 3 мѣс.—**1** руб. За границу на годъ—**5** р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ—**3** р. **50** к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты «Бюлл.» за 1911—12 и 1912-13 гг. Цѣна комплекта **3** р. **50** к. съ пересылкой въ переплетѣ (2 т.)—**4** р. **50** к.

Подп. г. начин. съ 1 сентяб. | Конт. и ред. Моск., Мерзляков. п. д. 6. Т. 5-02-06. Издатели: В. Крандіевскій и Р. Посенковъ. Редакторъ: В. Крандіевскій. | Можно под. съ 1 чис. кажд. м.

Открыта подписка на 1914 годъ

на ежемѣсячный журналъ

V-И ГОДЪ изданія **„ЖИЗНЬ для ВСѢХЪ“** V-Й ГОДЪ изданія

и еженедѣльникъ

„РОДНУЮ ГАЗЕТУ“

подъ общей редакціей В. А. ПОССЕ.

Контора и редакція въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Улица Жуковскаго, 22.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

I. **„ЖИЗНЬ для ВСѢХЪ“** I-ое изданіе (безъ приложеній)—3 руб. на годъ съ дост. и перес. Допуск. разсрочка: 1 р. при подпискѣ, 1 р. къ 1 марта 1914 г. и 1 р. къ 1 сентября 1914 г. За границу 5 р. (высылается ежемѣсячно заказною бандеролью).

II. **„ЖИЗНЬ для ВСѢХЪ“** II-ое изданіе (съ 12 томами приложеній) 6 р. 60 к. на годъ съ доставкой и перес. (безъ дост. и перес. 6 р.). За границу 10 р. Допуск. разсрочка: 2 р. 60 к. при подпискѣ и по 2 р. къ 1 марта и къ 1 сентября 1914 г.

III. **„РОДНАЯ ГАЗЕТА“** Еженедѣльное изданіе. 3 руб. на годъ съ доставк. и перес. (Разсрочка: 1 р. при подпискѣ и по 2 р. къ 1 марта и къ 1 сент. 1914 г.). За границу—5 р.

IV. **„ЖИЗНЬ для ВСѢХЪ“** I-ое изданіе вмѣстѣ съ **„РОДНОЙ ГАЗЕТОЙ“** 5 р. 40 к. на годъ съ дост. и перес. (Разсрочка: 2 р. 40 к.—2 р. и 1 р.). За границу 8 р.

V. **„ЖИЗНЬ для ВСѢХЪ“** II-ое изданіе съ 12 томами приложеній вмѣстѣ съ **„РОДНОЙ ГАЗЕТОЙ“**—9 рублей на годъ съ дост. и перес. (разсрочка: 3 р. при подпискѣ и по 3 р. съ 1 марта и къ 1 сент. 1914 г.).

Приложеніе ко II изданію въ **1914** *году:*

I. **„ВИДЫ РОССІИ“. Альбомъ фотографій** съ натуры (жизнь и люди различныхъ мѣстностей Россіи). Снимки будутъ воспроизведены новымъ способомъ «мето-тинто-гравюры», дающимъ оттиски, не уступающіе фотографическимъ карточкамъ и напоминающіе настоящія гравюры.

II. **„МОСКВА и ЕЯ ЖИЗНЬ“**. Иллюстрированный сборникъ статей и разсказовъ о старой и современной Москвѣ. Въ этомъ сборникѣ, выходящемъ подъ ред. Р. П. Кумова, Москва явится не только, какъ бѣлокаменная столица, но и какъ традиція.

III. **„ЖИЗНЬ для ДѢТЕЙ“**. Иллюстрированный сборникъ біографій, разсказовъ и научныхъ статей для дѣтей и подростковъ.

IV. Девять томовъ энциклопедіи науки, литературы и искусства въ образцахъ произведеній ученыхъ, поэтовъ, беллетристовъ и художниковъ.

8-й годъ изданія **Открыта на 1914 г. подписка** 8-й годъ изданія

(8-й годъ изданія)

на политическую, общественную, экономическую и литерат. газету

ГОЛОСЪ МОСКВЫ.

(Москва, Арбатская площадь, Филипповскій п., № 11).

Задача газеты — **СЛУЖИТЬ ДѢЛУ ОБНОВЛЕНІЯ РОССІИ**

Статьи по вопросамъ политической общественной и экономической жизни. Ежедневно злободневные фельетоны. Критическія статьи. Беллетристика. Свѣдѣнія о новыхъ книгахъ.

Широкое обслуживаніе дѣятельности законодательныхъ учрежденій. Ежедневныя телефонограммы изъ Петербурга. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ Европейскихъ столицъ и другихъ заграничныхъ центровъ. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ изъ всѣхъ русскихъ городовъ.

Освѣщеніе и разработка вопросовъ городской и земской жизни въ статьяхъ и корреспонденціяхъ. Военный отдѣлъ.

Широкое обслуживаніе торгово-промышленной и сельско-хозяйственной жизни. Цѣна на всѣ продукты сельско-хозяйственные и промышленные. По телеграфу ежедневно: фондовая биржа (Петербургъ, Берлинъ, Парижъ, Лондонъ), хлѣбный рынокъ (изъ всѣхъ хлѣботорговыхъ центровъ и портовыхъ городовъ), хлопковая биржа (Кокандъ, Нью-Іоркъ, Ливерпуль).

Спортъ (скачки, бѣга, футболъ, лаунъ-тенисъ, охота и пр.). Ежедневно рисунки въ текстѣ: иллюстраціи важнѣйшихъ событій, зарисовки, портреты, злободневныя каррикатуры, шаржи

Подписчики газеты получаютъ на льготныхъ условіяхъ: 1) большой еженедѣльн. художеств. юмористич. и литературн. журналъ **„ЗЛАТОЦВѢТЪ“** за 2 р. 50 к вм. 5 р. въ г.. 2) спортивн. богато иллюстр. еженед. журналъ **„КЪ СПОРТУ“** за 7 р. вмѣсто 10 р. въ годъ. Загран. вдвое.

Подробные проспекты журн. высылаются за 5 к. марками.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	12 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс	1 мѣс.
На «Гол. Москвы».	9 р. — к.	4 р. 75 к.	2 р. 50 к.	— р. 90 к.
На «Златоцвѣтъ».	2 р. 50 к.	1 р. 50 к.	1 р. — к.	— р. 50 к.
На «Къ спорту» .	7 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.	1 р. — к.

Заграничные подписчики платятъ вдвое.

Льготная подписка въ Россіи: для лицъ духовн. званія, военныхъ, учителей, студентовъ, жел.-дорожн. служащихъ, приказчиковъ и рабочихъ:

	12 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
На «Гол. Москвы».	6 р.	3 р. 25 к.	1 р. 75 к.	60 к.

Подписка принимается только съ 1-го по 1-е число. Подписка присланная безъ обозначенія срока, открывается съ 1-го числа текущаго мѣсяца.

25-й годъ изд. Открыта подписка на **1914** годъ. 25-й годъ изд.

на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей по народному образованію.

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Программа журнала: Общіе вопросы образованія и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигіена. Методика преподаванія разл. предметовъ. Исторія школы. Обзоры новѣйш. теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учрежденій по народн. образованію (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе заграницей. Начальная и средняя школа въ Россіи. Вопросы національной школы разл. народовъ Россіи. Женское образованіе. Профессіональное образованіе. Внѣшкольное образованіе.

Кромѣ статей по означенной программѣ, журналъ даетъ **слѣдующіе постоянные отдѣлы:** I. Экспериментальная педагогика, **подъ ред. А. П. Нечаева и Н. Е. Румянцева.** II. Критика и библіографія, обзоры педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ, **подъ ред. А. Я. Гуревичъ.** III. Хроника общаго и професс. образованія въ Россіи и заграницей. IV. Хроника библіотечнаго дѣла и внѣшкольнаго образованія. V. Разныя извѣстія. VI. Новости литературы. VII. Новѣйшія правит. распоряженія и законодательныя постановленія.

Въ настоящее время въ журналѣ организуется **новый отдѣлъ. «Новѣйшія педагогическія теченія на Западѣ»**, къ непосредственному участію въ которомъ приглашаются видные представители педагогической мысли Западной Европы и Америки. До настоящаго времени **дали согласіе** сотрудничать: проф. К. Лампрехтъ, проф. П. Наторпъ, проф. В. Рейнъ, проф. Роб. Зейдель, д-ръ Люд. Гурлиттъ, Рудольфъ Шульце, Т. Линдеманъ, Отто Эрнстъ, Бертольдъ Отто, д-ръ Гехеебъ, д-ръ Г. Литцъ, д-ръ Р. Зейфертъ, Генрихъ Шаррельманъ, Генрихъ Шульцъ, д-ръ Кершенштейнеръ и др. **Организація отдѣла поручена С. А. Левитину.**

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе 15 печ. лист. каждая (200 лист. въ годъ). **Подписная цѣна**: въ СПБ. безъ дост.—**семь** р., съ дост.—**7 р. 50** коп., для иногородн.—**восемь** руб.; заграницу—**девять** руб. въ годъ. Для **сельскихъ учителей**, выписыв. журналъ за свой счетъ—**шесть** руб. въ годъ, съ разсрочкою (при подпискѣ—3 р. и къ 1 іюля—3 р.). Городамъ и земствамъ, выписыв. не менѣе 10 экз., **уступка въ 15%**. Книжн. магазинамъ за **комиссію 5%** съ год. цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой **только въ конторѣ** редакціи (СПБ. Лиговская д. 1).

Подписчики «Русск. Школы» на 1914 годъ **могутъ пріобрѣсти** (при подпискѣ непосредственно черезъ редакцію) сочиненіе **С. М. Соловьева:**

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ».

Въ 7 книгахъ (5300 стран. въ 2 столбца), за **11 руб., вмѣсто 18 руб.** (не считая пересылки).

Редакторъ-издатель **Я. Я. Гуревичъ.**

Открыта подписка на 1914 годъ.

„РУБИКОНЪ“

иллюстрированный художественно-литературный и общественный журналъ

Рубиконъ явится самымъ большимъ по объему и самымъ полнымъ по содержанію журналомъ въ Россіи.

24 **Рубиконъ дастъ годовымъ подписчикамъ** 24

№№ журнала, богато иллюстрированнаго и снабженнаго множествомъ рисунковъ въ текстѣ.

Въ журналѣ будутъ помѣщены: романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія лучшихъ современн. писателей и поэтовъ; а также обстоятельныя статьи по вопросамъ искусства и общественности.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Рубиконъ дастъ годовымъ подписчикамъ въ видѣ безплатныхъ приложеній;

12 «Альманаховъ», въ которыхъ будутъ помѣщены произведенія извѣстныхъ современныхъ писателей, что составитъ отдѣльную библіотеку.

6 томовъ сочиненій популярнаго быто-писателя **А. И. Свирскаго** подъ общимъ заглавіемъ

ПОГИБШІЕ ЛЮДИ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I и II т. **Міръ хулигановъ и убійцъ.**
III и IV т. т. **Міръ тюремный.**
V и VI т. т. **Міръ трущобный.**

Въ 12 альманахахъ, среди другихъ, будутъ помѣщены произведенія слѣдующихъ авторовъ:

А. И. Купринъ—Марія Ивановна. **И. Е Рѣпинъ**—Мои ощенія съ Л. Н. Толстымъ. **Н. Олигеръ**—Покой. **В. Муйжель**—Разсказъ суевѣрнаго человѣка. **Ю. Слезкинъ**—Дѣвушка изъ Трокадеро. **Вережниковъ**—Параська, Богъ воскресъ. **А. Гринъ**—Зимняя сказка. **Е. Игнатьевъ**—Поимка. **Леонидъ Андрусонъ**—Куклы. **Вл. Ленскій**—Усталость. Мужъ. **Бор. Лазаревскій**—Бѣда. **Л. Василевскій**—Обида. **А. Тамаринъ**—Приличный случай. **А. Свирскій**—Милліонеры. **Карменъ**—Портъ шакаловъ. **Вл. Кахановскій**—Исторія одной любви. **П. Рыссъ**—Встрѣча. **О. Л. Д-Оръ**—Новогодній отчетъ. **С. Кондурушкинъ**—Сирійскіе разсказы. **В. Брусянинъ**—Гомеинъ-Камень. **Вал. Моравскій**—Китайская опасность. **Ник. Ашешовъ**—Цвѣты запоздалые. **А. Богдановъ**—Шарманщикъ. **Анатолій Каменскій**—Шурочка.

Кромѣ перечисленныхъ премій, годовые подписчики журнала РУБИ ОНЪ получатъ:

2 тома Альманаха для дѣтей старшаго возраста и 2 тома Альманаха для дѣтей младшаго возраста.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всѣми приложеніями—6 р. 50 к., съ пересылкой и доставкой—7 руб. 50 коп., на 1/2 года 4 руб., на 3 мѣс.—2 руб., на 1 мѣс.—75 коп.—Цѣна отдѣльному № 15 коп. Деньги и корреспонденцію слѣдуетъ направлять исключительно въ главную контору: **СПБ., Колокольная, 7, тел. 155-40.**

Редакторъ-издатель **А. И. Свирскій.**

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ДЕНЬ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО ДВА ПРИЛОЖЕНІЯ:

ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ: Литература, Искусство и Наука.
ПО ПЯТНИЦАМЪ: Иллюстрирован. Лит.-Художественное.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: Евг. Адамовъ, проф. К. М, Агѣевъ, Влад. Азовъ, Аркадій Аверченко, А. В. Амфитеатровъ В. Анучинъ, Араго (Константинополь), С. Я. Арефинъ, С. А. Ауслендеръ, І. М. Бикерманъ, П. А. Берлинъ, А. А. Блокъ, проф. М. М. Богословскій, проф. И. А. Бодуэнъ де-Куртенэ, проф. Ѳ. А. Браунъ, А. М. Васютинскій, Юрій Верховскій, М. А. Вейконе, проф. Ю. П. Випперъ, В. В. Водовозовъ, Л. Н. Войтоловскій, Стан. Вольскій (Лондонъ), А. Л. Волынскій, Б. Ф. Гейеръ, Т. М. Глаголева, Сергѣй Глаголь, проф. И. И. Гливенко, А. А. Гизетти, проф. А. И. Гребенкинъ, Б. Дмитріевъ, А. К. Дживиллеговъ, П. И. Зайцевъ, Д. Заславскій (Homunculus), проф. Ѳ. Ф. Зеленскій, Ст. Ивановичъ, Ф. Н. Индриксонъ, В. В. Каллашъ, Л. И. Карсавинъ, О. Я. Кобецкій, В. П. Коломійцевъ, Н. К. Кольцовъ А. Кугель, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, І. Р. Кугель. В. Я. Курбатовъ, Андрей Левинсонъ, Б. П. Лопатинъ, А. В. Луначарскій (Парижъ), О. Мандельштамъ, В. Міаковскій П. Надеждинъ, проф. А. П. Нечаевъ, О. Л. Д'Оръ, С. Т. Патрашкинъ, проф. В. И. Пичета, проф. В. Д. Плетневъ, П. П. Потемкинъ, проф. М. А. Поліевктовъ, И. М. Розенфельдъ, В. В. Сиповскій, Е. Смирновъ, А. Л. Стембо, проф. К. Ф. Тіандеръ, Ал. Троповскій (Вѣна), В. В, Филатовъ проф. А. А. Фортунатовъ, Б. Г. Цирусъ, Н. Череванинъ. Ф. И. Щеколдинъ, П. Е. Щеголевъ, проф. Л. В. Щерба, проф. В. Ф. Шишмаревъ, Н. В. Яковлевъ, Б. Я. Эмануилъ-Жуховецкій и др.

Художники: Арнштамъ, Гранди, Карикъ, Маклецовъ, Маневичъ, Радаковъ, Тавицъ и др.

Въ текстѣ газеты: иллюстраціи, каррикатуры и шаржи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой: на 12 м.—**10** р., на 11 м.—**9** р. **10** к., на 10 м.—**8** р. **90** к., на 9 м.—**7** р. **70** к., на 8 м.—**6** р. **50** к., на 7 м.—**6** р. **25** к., на 6 м.—**5** р. **30** к., на 5 м.—**4** р., **50** к., на 4 м.—**3** р. **65** к., на 3 м.—**2** р. **80** к., на 2 м.—**1** р. **95** к., на 1 м.—**1** р.

При подпискѣ съ 1 января на годъ допускается разсрочка: при подпискѣ—**4** р., въ апрѣлѣ—**3** р., въ августѣ—**3** р. При подпискѣ же на срокъ менѣе года разсрочка не допускается.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, рабочихъ и приказчиковъ **при непосредственномъ обращеніи въ главную контору:** на 12 м.—**8** р.; 9 м.—**6** р. **20** к.; 6 м.— **4** р. **25** к.; 3 м.—**2** р. **20** к.; 1 м.—**75** к.

При годовой подпискѣ разсрочка: при подпискѣ **3** р., въ апрѣлѣ **3** р., и въ августѣ **2** р.

Подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россіи.

Пробный номеръ высылается безплатно.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО №—5 КОП.

Газета «ДЕНЬ» продается во всѣхъ кіоскахъ жел. дорогъ и у газетчиковъ во всѣхъ городахъ Россіи.

Адресъ Главной Конторы: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 69.
Тел. 205-68 и 464-45.

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“, СПБ., Поварской, 12. — Телефонъ № 75-51.

Новыя идеи въ философіи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова.

Сборникъ № 1. Философія и ея проблемы. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Борьба за физическое міровоззрѣніе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Теорія познанія I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Что такое психологія? Ц. 80 к.
Сборникъ № 5. Теорія познанія II. Ц. 80 к.
Сборникъ № 6. Существуетъ ли внѣшній міръ? Ц. 80 к.
Сборникъ № 7. Теорія познанія III. Ц. 80 к.
Сборникъ № 8. Душа и тѣло. Ц. 80 к.
Сборникъ № 9. Методы психологіи I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 10. Методы психологіи II. Ц. 80 к.
Сборникъ № 11. Теорія познанія и точныя науки. Ц. 80 к.
Сборникъ № 12. Къ исторіи теоріи познанія I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 13. Современные метафизики I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 14. Этика I. Ц. 80 к.
Сборникъ № 15. Безсознательное. Ц. 80 к.
Сборникъ № 16. Психологія мышленія. (Печатается).

Новыя идеи въ соціологіи.

Непериодическое изд., выходящее подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти.

Сборникъ № 1. Соціологія. Ея предметъ и современное состояніе. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Соціологія и психологія. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Что такое прогрессъ? Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Генетическая соціологія I. (Печатается).

Новыя идеи въ экономикѣ.

Непериодическое изданіе, выход. подъ редакц. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго.

Сборникъ № 1. Ученіе о распредѣленіи общественнаго дохода. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Теорія народонаселенія и мальтузіанство. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Раціонализація хозяйства I. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ правовѣдѣніи.

Непериодическое изд., выходящее подъ редакціей проф. Л. І. Петражицкаго, при ближайшемъ участіи проф.: Б. А. Кистяковскаго, М. М. Ковалевскаго, П. И. Люблинскаго, Б. Э. Нольде, М. Я. Пергамента и М. П. Чубинскаго.

Сборникъ № 1. Цѣли наказанія. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ педагогикѣ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Г. Г. Зоргенфрея.

Сборникъ № 1. Самоуправленіе въ школахъ. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Трудовая школа. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Средняя школа. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Совмѣстное воспитаніе. (Печатается).

Естествознаніе въ школѣ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова.

Сборникъ № 1. Вопросы методики преподаванія естествознанія. Ц. 80 к.
Сборникъ № 2. Преподаваніе начальнаго природовѣдѣнія. Ц. 80 к.
Сборникъ № 3. Обзоръ новѣйшей учебной и учебно-вспомогательной литературы по естествознанію. Ц. 80 к.
Сборникъ № 4. Преподаваніе зоологіи I. Ц. 80 к.

Географія въ школѣ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Я. И. Руднева.

Сборники №№ 1 и 2. Вопросы преподаванія и методики географіи въ средней и народной школѣ. Ц. 80 к.

Цѣна 80 коп.



Книгоиздательство „ОБРАЗОВАНІЕ“,
СПБ., Поварской, 12. Телефонъ № 75-51.